

ЮНОСТЬ

9 '87

Умолкшія холмы, доль некогда кровавый,
Отдайте мнѣ ваш дѣнь, дѣнь вековѣчной славы,
И шумъ оружія, и сѣчи, и борьбу!

Бородинское поле.
(Элегія)
Денись Давыдовъ

175 ЛЕТ

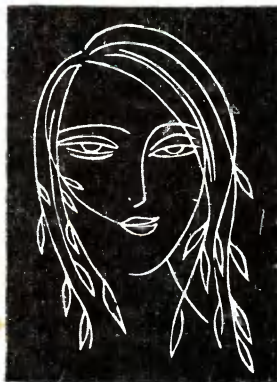
Евгений МАЦИЕВСКИЙ, *Москва*.
Из серии «Первые праздники революции».

ЮНОСТЬ

9⁽³⁸⁸⁾

'87

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНИК
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1955 ГОДУ

Главный редактор
Андрей ДЕМЕНТЬЕВ

Редакционная коллегия:
Анатолий АЛЕКСИН
Владимир АМЛИНСКИЙ
Борис ВАСИЛЬЕВ
Юрий ЗЕРЧАНИНОВ
Натан ЗЛОТНИКОВ
Фазиль ИСКАНДЕР
Римма КАЗАКОВА
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Виктор ЛИПАТОВ
(заместитель главного редактора)
Игорь ОБРОСОВ
Мария ОЗЕРОВА
Виктор РОЗОВ
Юрий САДОВНИКОВ
(ответственный секретарь)
Александр СЕРЕБРОВ
Евгений СИДОРОВ
Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ

Издательство ЦК КПСС «Правда»
Москва

В ближайших номерах вы прочтете:

повесть **ЮРИЯ НАГИБИНА** «Встань и иди»

записки студента 20-х годов **ВАРЛАМА ШАЛАМОВА**

фельетоны **МИХАИЛА БУЛГАКОВА**

повесть **ЮРИЯ ПОЛЯКОВА** «Сто дней до приказа»
о неуставных отношениях в армии

новые находки

из литературного наследия

**АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО, БОРИСА ЛАВРЕНЕВА,
ВИКТОРА ШКЛОВСКОГО, БОРИСА СЛУЦКОГО,
ДАНИИЛА ХАРМСА, ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО**

новые стихи **ГЕВОРГА ЭМИНА,
ЮСТИНАСА МАРЦИНКЯВИЧЮСА,
ЕКАТЕРИНЫ ГОРБОВСКОЙ, ВЛАДИМИРА НЕКЛЯЕВА**

мы продолжим откровенный разговор
с молодыми читателями «20-й комнаты»
по самым важным вопросам жизни

В «20-й комнате» — новая рубрика. Мы дали ей название, понятное всем фотографам, — «1/20» (часть секунды, конечно). Этим снимком двадцатилетнего литовского фотографа Зенона Шилинскаса мы начинаем его репортаж «Ровесники», который продолжается на 12-й странице.

Виктор
ЧЕРКАСОВ,

электромонтер
Московского
мелькомбината
№ 4

ПОЧЕМУ Я ВСТУПАЮ В ПАРТИЮ

Лично для себя многое из происходившего в стране до апрельского Пленума (1985 г.) ЦК КПСС я объясняю термином «кабычегоневышлизм». Те, кто вырезал из «Правды» стихотворение поэта под этим названием, поймут, о чем я говорю. Эти люди не давали дышать стране на полный вздох. Скрывали правду о реальном состоянии дел. И произошло страшное: народ стал равнодушен к своей стране. Считалось, скажем, нормальным пришивать подметки к безобразного покроя туфлям — потом они горами громоздятся на складах — пусть, лишь бы зарплату платили. Забиваешь болт молотком в комбайн — что поделаешь, конец месяца! — и тебя не колышет, на Украине или в Казахстане комбайн развалится.

Конечно, уходящее это явление — «кабычегоневышлисты», но и сейчас они составляют ядро тех, кто давит на тормоза перестройки.

Ну, скажем, простые вещи: гласность. Вот если бы у нас на комбинате каждый день выходила собственная многотиражка, которая точно и правдиво говорила о наших делах, о положении в отрасли, о том, почему мы не справляемся с планом, кто его составлял и как, о недочетах администрации, о предложениях рабочих... А мы пока толком не знаем, что творится в соседнем цехе. Представляете, сколько бы пользы принесла эта маленькая наша рабочая газета. То, что говорится только во время перекуров да в бытовках после смены, выплеснулось бы на ее страницы и заставило каждого из нас жить жизнью комбината. Мы хотим работать лучше и понимаем, насколько это «лучше работать» связано со словами «лучше жить». К сожалению, «кабычегоневышлизм» въелся в нас глубоко. И мы опасаемся. Чего?! На июньском Пленуме Михаил Сергеевич Горбачев и на этом поставил точку: «...уверен, что самая большая ошибка — это боязнь ошибиться... Боязнь ошибиться особенно губительна: она парализует волю, сдерживает усилия по преобразованию общества».

Главное, что произошло за два с небольшим года, — слову «партия» стал возвращаться прежний смысл, ленинский. И скорее всего из-за революционности происходящих в стране перемен.

Все мы явственно ощущаем, что пленумы партии: апрельский, январский, июньский, съезд партии — это словно ступени вперед и вверх. И главное, что приобретается каждым из нас в этом движении, — чувство гражданственности. Я назвал это главным, потому что сломлено то, что меня всегда удивляло и страшило: равнодушие к своему труду. Страна начинает учиться жить сообща. И благодаря коренной перестройке управления экономикой уже совсем небезразлично — аккуратно закрутишь болт ключом или вгонишь его молотком.

Июньский Пленум нам, рабочим людям, важен тем, что возрождает смысл очевидной формулы «каждому — по труду». Но разве только от нас зависит, каким будет этот труд. Оборудование, на котором мы работаем, — старое, и устарело оно в первую очередь морально. От штурмовщины еще неизвестно когда избавимся. Считай, каждое воскресенье в конце месяца рабочее — план спасаем. Оборудование не тянет, косимся всю смену, подкладываем. Надо бы не на заплатах выезжать, а переоборудовать комбинат в корне. На Раменском комбинате я был: швейцарцы мельницу смонтировали — фирма! Красивая техника и автоматика полная. Злость берет: да неужели мы не способны такую же сделать? Где наша советская «фирма»?!

Я после армии окончил техникум. Поздновато, конечно, спохватился, что учиться надо, но сейчас уже в институте на заочном... Это же все сразу реализуется. У меня на счету шесть рацпредложений.

На хозрасчет сейчас перейдем: как наработаешь, так и получишь. А зарабатывать хорошо еще не скоро будем. И техника подводит, и знаний, мастерства у большинства рабочих, да и у специалистов не хватает. Б. Н. Ельцин недавно говорил, что в Москве из ста двух коллективов, перешедших на самофинансирование, только ЗИЛ и станкозавод имени Орджоникидзе сводят концы с концами.

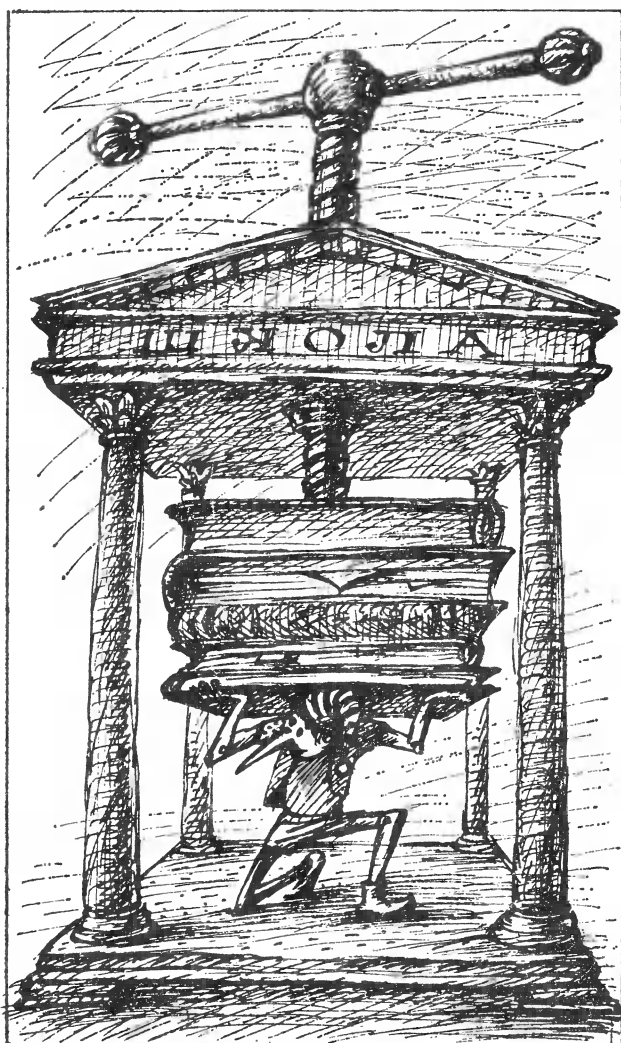
Но с мертвой точки дело сдвинулось. На июньском Пленуме партии опять машиностроителей подстегнули — должно наконец появиться нормальное оборудование.

Я родился и вырос на легендарной Красной Пресне. И дед и отец мой были рабочими. Здесь, на Красной Пресне, мы дали первый бой самодержавию, и наши баррикады стали символом 1905 года. Здесь в 1917 году рабочие отряды делали Октябрьскую революцию. В 1941 году отсюда уходили на великую битву ополченцы. Это наша родословная. Всё сдюжили. И нам ли сейчас уходить от вопросов и вопросиков «кабычегоневышлистов»? Сила в нас огромная, и правильно сказал Михаил Сергеевич Горбачев: «Нам нечего бояться новизны проблем, новых открытий, новых подходов в идейно-политическом процессе. У нас хватит разума, сил и умения, чтобы по-ленински вести работу в условиях перестройки, не приходя в восторг от каждого ее успеха, но и не впадая в уныние, тем более в панику, когда обнаруживаются какие-то негативные явления.» Я вступаю в партию, потому что вижу свое место среди тех, кто идет в первых рядах перестройки.

Виктор Черкасов только что вышел с заседания бюро Краснопресненского райкома партии г. Москвы. Он стал членом Коммунистической партии. Впереди много дел.

Уравнение
с пятью
неизвестными

Нас упрекают:
«Мы видели заседание
«20-й комнаты»
по телевизору, живете
вы замечательно,
но почему не публикуются
стенограммы
ваших заседаний?
Это же все очень интересно!
Людмила Васильева,
г. Москва ».

Упрек принимаем
и приглашаем вас
на разговор о школе.

— Должен ли ученик
безоговорочно принимать
все, что говорит
учитель?

— Почему школьный
комсомол ведут
за ручку взрослые?

— Литература: сон разума?

— Зачем мы «убиваем»
время на УПК?

— Реформа школы —
это перестройка
или самообман?
Мы едва успевали
реагировать.
Вопросы сыпались
как из рога изобилия.
И тогда мы решили
остановиться,
пошли заварили
крепкого чая
и начали искать ответы.
В конференц-зале
редакции
после трех часов
бурных дебатов
воцарилась тишина.
Воспользуемся ею
и представим участников
«круглого стола»:

Валера АНАТОЛЬЕВ
Наташа КОНОНЫХИНА —
выпускники школы № 66,
Лена ПОДОСЕНОВА —
десятый класс
спецшколы № 65,
Оксана САРКИСЯН —
студентка
педагогического
института,
Ира ЛАНСКАЯ —
член «20-й комнаты».

НЕИЗВЕСТНОЕ ПЕРВОЕ: АКСИОМА ИЛИ ТЕОРЕМА?

- Встань!
- Дай дневник!
- Выйди вон из класса!

Над классом повисла гнетущая тишина. Каждый, хоть он и ни в чем не виноват, невольно опускает голову. Голос учителя — громкий, резкий, загоняет душу в пятки.

— Ну, я кому сказала! Быстрее!

Провинившийся поднимается из-за парты, медленными шагами подходит к учительскому столу, кладет свой потрепанный дневник и выходит.

— И чтоб без родителей не появлялся!

Дверь хлопает. Все, теперь можно вздохнуть свободно. Урок продолжается.

Признаться, это самое яркое воспоминание, которое осталось от школьных лет. Да, были и походы, и комсомольские собрания, и сборы макулатуры, и выпускной вечер... Но запомнился только голос учителя. И еще ощущение, что ты в чем-то виноват. Почему? Потому что описанная ситуация повторялась из года в год, из урока в урок.

Какими должны быть отношения между учителем и учеником? В школьной реформе этот вопрос даже не упоминается. Да и зачем его упоминать, когда и так все ясно. Учитель — «ваятель духовного мира юной личности», «доверенное лицо общества». Он учит учеников. А ученики учатся.

ОКСАНА: «Я как-то пришла к нашей учительнице по истории и говорю: вот я читаю сейчас Ленина, пытаюсь что-то осмыслить, доказать себе... На меня смотрят большими глазами и начинают говорить: «Да как ты можешь доказывать себе Маркса, Ленина! Это же такие головы, ты никогда не можешь додуматься до того, что они». Я говорю: «Так что ж, я должна это все на веру принимать?»

БАЛЕРА: «Возник у нас как-то спор о гуманизме по пьесе Горького «На дне». Прав или не прав Лука? У ученика возникло свое мнение, он по-другому понял какой-то момент, учитель же должен поддержать разговор, выслушать его точку зрения, аргументировать свою и в споре прийти к истине! Что же происходит на самом деле? «Да какое ты имеешь право, да великие критики писали вот так-то! Что у тебя за мысли!»

Педагог кричит на ученика за то, что у него родилась какая-то своя мысль! Может быть, это просто плохой педагог? А может быть, дело не только в педагоге?

Мы привыкли подчиняться. Нас приучили подчиняться. Приучили со школьной скамьи. Приучили обязательно приводить в сочинениях мысли великих критиков, приучили зубрить мысли авторов учебников, приучили запоминать мысли учителей. Разговора о каком-то самостоятельном мышлении учащихся, при всех благих пожеланиях, до сих пор серьезно не велось. Разве что учителя-новаторы пытались создать личность, а не «запоминающую машину».

Сейчас много говорят об «инерции мышления», которая является главным препятствием на пути перестройки. А откуда она взялась, эта инерция? Не со школьной ли скамьи, на которой ученик выступает в роли губки, которая впитывает в себя все, что на нее льют. Разумеется, сейчас уже никто не учит, что Пушкин — «провозвестник светлого коммунистического будущего», а Есенин — «упаднический поэт». Сейчас учат другое.

Мы приходим в школу учиться. Но зная наизусть мнение Белинского или Писарева, закладывая фундамент, мы не строим здание наших знаний еще выше, вверх, чтобы при всем своем уважении к Виссариону Григорьевичу иметь и собственное мнение.

ОКСАНА: «Даже такой предмет, как литература, где художественные произведения отличаются тем,

что каждый их понимает по-своему, стараются подвести под одну черту, заставить думать одинаково».

Но трудно, очень трудно подавить стремление к самостоятельности. Не случайно «День дублера», когда ученики сами ведут уроки, возник именно по их предложению. Но что получается?

НАТАША: «Решили мы прошлой весной провести День дублера. Я преподавала литературу. За день до урока подходит ко мне учительница и говорит: «Возьми мой конспект, почитай, там все написано» и дает мне листочек, на котором опять пережевываются прописные истины. Я отказалась. Дальше. Идет урок. Поднимают руки. «Металлисты», которых я боялась, поднимают руки и отвечают, понимаете, хорошо отвечают! И не потому, что учебник выучили, а потому, что сами думают! После урока подхожу к учительнице, чтобы отдать ей листочек с отметками, которые я поставила, а она мне: «Не нужно, я сама знаю, что поставить».

В современной школе учитель поставлен в положение истины в последней инстанции. И пока существует такая система, пока учитель не слышит ученика, любая самостоятельность будет давиться на корню. Зачем она нужна? Ведь без нее гораздо спокойнее!

НЕИЗВЕСТНОЕ ВТОРОЕ: ПОЧЕМУ НАС ВЕДУТ ЗА РУЧКУ?

БАЛЕРА: «А как собрания проводятся: обязательно президиум, обязательно на сцене — наверху, над всеми, обязательно присутствует директор, учителя — а вдруг они там чего не то скажут?»

О бедах и проблемах комсомола в последнее время было сказано более чем достаточно. И одна из самых болевых точек Ленинского Союза молодежи — комсомол школьный.

БАЛЕРА: «Сидят люди на комсомольском собрании и думают, как бы поскорее отсюда уйти. И это постоянно. Не было еще ни одного комсомольского собрания, на котором что-то бурно обсуждали. Один раз оживились, когда речь зашла об общественно полезном труде, да и то потому, что всем надоело молчать. Я понимаю, надо начинать, надо что-то делать, но мне просто страшно становиться от всего этого».

ЛЕНА: «Но почему в пятом классе все рвались делить, а сейчас всем все равно?»

БАЛЕРА: «Я брался за все, что угодно, но в конечном итоге я не видел результатов своего труда. Не видят люди конечных целей своих, ни того, что это кому-то надо, ни того, что Родине помогаем, как нам любят говорить. И с октябрьского, пионерского возраста человек обрывает непробиваемой корой. Сейчас говорят: старшеклассники — эгоисты, пассивные. Да все они вначале были самыми активными. Сами нас такими сделали, а потом говорят: перестраивайтесь».

ОКСАНА: «Понимаешь, вся школьная опека до такой степени расхолаживает народ, что они делом заниматься не могут. Они привыкли, что их ведут за руку учителя...»

Можно осуждать школьников за пассивность, за нежелание учиться, за плохую дисциплину. Но давайте посмотрим в корень. Почему они такие? Почему нашей школе понадобилась реформа? Не потому ли, что учителя с первого класса возвышаются над учениками, не давая им шагу свободно ступить? Не потому ли, что действующая ныне Система Просвещения задавила своей мощью самое главное — живую жизнь?

НЕИЗВЕСТНОЕ ТРЕТЬЕ: СОН РАЗУМА?

Сочинение по литературе. В классе висит сонная тишина. Тем, кто сидит на последней парте, повезло больше всех — они откровенно спят. Остальные му-

чаются от скуки. До конца урока еще двадцать минут, а все уже давно написано. В чем дело?

«Ученики! Учтите впредь,
Чтоб не бояться сочинений,
Вполне достаточно иметь
Набор простых определений:
Пишите, что поэт — пророк,
А Гоголь высмеял порядки,
Что Фамусов — плохой и гадкий,
А Чацкий больше не ездок.
Базаров обогнал свой век,
Онегин — сложная натура,
Печорин — лишний человек,
Дикой же — образ самодура,
Герасим утопил Муму...
Вот вам и вся литература».

Вот такая «шпаргалка». Все просто, ясно. Не нужно думать. Нужно помнить.

Прямо на заседание нам принесли письмо А. В. Чирканова из Горьковской области, которое мы публикуем без комментариев, так как считаем, что они излишни.

«— Здравствуй, садитесь. Кого нет? Все здесь. Хорошо. Дома вы читали лирику Лермонтова. Давайте попробуем проанализировать какое-нибудь стихотворение. Ну, например, вот это:

Горные вершины	Не пылит дорога,
Спят во тьме ночной,	Не дрожат листы...
Тихие долины	Подожди немного,
Полны свежей мглой.	Отдохнешь и ты.

Как вы думаете, о чем писал поэт? Что он хотел сказать?.. Н-у? Никто ничего?.. Ты что думаешь?

— А чё я-то? Ну, вышел он там... Похорошело ему... взял и написал...
Детский смех.

— О, Тамара хочет дополнить. Пожалуйста, Тамара. Дети, тише!

— Вы, вероятно, знаете, что в последние годы своей жизни великий русский поэт Лермонтов постепенно погружался в желчную меланхолию. Он был мрачен и замкнут. Данное произведение служит рупором его идей. Описывая прекрасную природу, поэт в замаскированной форме грустит о ее первобытной неподвижности, о смерти. На Кавказе в то время свободолюбивые горцы вели справедливую освободительную войну против царских войск, и поэт, вынужденный помогать самодержавию, бесконечно страдал от этого. Контраст между величием природы и низменными, своекорыстными замыслами царя составляет основную мысль произведения. Вторым планом проходит аллегорическое изображение жизни. Горные вершины ассоциируются с вершинами человеческого духа. Спят во тьме — это значит, что духовные силы общества задавлены самодержавием: был убит Пушкин, травили и самого Лермонтова. Тихие долины — это обывательская, мелкокупеческая среда. Свежая мгла — олицетворение наступления реакции. Дорога — символ движения человеческого разума. Не пылит — царизм душит ростки сознания, нет движения мысли. Листья деревьев с давних пор были олицетворением нежных душевных порывов человека, его эмоциональной жизни. То, что листы не дрожат, означает следующее: не только разум, но и сама внутренняя жизнь человека задавлена. Везде проходит подтекстом символ тьмы, то есть мракобесия, опустившегося на Россию. Последняя строка выражает пессимизм поэта. Только смерть в конце дороги, то есть жизни, несет человеку отдых, а сама жизнь задавлена тьмой, тиранией, самодурством и невежеством.

— А как мысляшь ты, Дима?

— Я согласен с объяснением аллегорических символов, но категорически против подобного толкования последней строки и мировоззрения поэта в целом. Конечно, Лермонтов знал об уготованной ему участи. Но Михаил Юрьевич никогда не был пессимистом. Сожалел о невозможности свободной и счастливой жизни, он мечтает о светлом будущем. И в целом стихотворение несет в основе идею борьбы, а не упадка.

Каждый, осознающий себя Человеком, должен принять участие в борьбе. Борцов мало, они неизбежно падут, и это грустно, но на их место придут другие. И только убедившись, что твое дело не пропало, можно выпустить из рук винтовку и позволить себе умереть: «Подожди немного, отдохнешь и ты».

— Ни-да... это... Нет, мне нравится, конечно, ход ваших мыслей... Но неужели вы в самом деле не прочитали в списке, что это — перевод с немецкого? Гете?

— А разве Гете не был революционером?

(Постскриптум: «Сон разума рождает чудовищ». Гойя»).

Так не является ли главной задачей реформы разбудить этот разум, научить его работать?

НЕИЗВЕСТНОЕ ЧЕТВЕРТОЕ: ЛИШЬ БЫ УБИТЬ ВРЕМЯ?

«Стержневой основой реформы является коренное улучшение трудового воспитания и профессиональной ориентации школьников, соединение обучения с производственным, общественно полезным трудом. Время на трудовое обучение увеличено почти в два раза».

ЛЕНА: «Четыре часа в неделю мы должны отрабатывать — «приносить пользу». Но что мы делаем? Даем один несчастный кабинет каждую неделю с порошком, помимо того, что его каждый день дежурные убирают. Это же бессмысленно!..»

Парадокс, но истинного труда — трудной работы, которая требовала бы отдачи, была бы настоящим делом, которого так не хватает сейчас молодежи, в школе и нет! Трудовое воспитание, называю его так лишь условно, основывается на мытье коридоров (стен, парт и т. д.) и подметании школьного двора. Варианты (окапывание деревьев, покраска забора) редки и не слишком разнообразны.

ВАЛЕНА: «Мы как-то решили провести эксперимент. Взять на социалистическую сохранность один самый грязный этаж. Это хоть имело смысл. А ставки уборщиц пошли в комсомольский фонд. Но знали бы вы, какие здесь были трудности, чтобы это выбить и объяснить, зачем нам это надо»...

«Каса эн кампо» — по-испански — «школа в поле». На Кубе такие школы труда очень популярны. Первая половина дня отводится урокам, а во второй ребята (каждая группа под своим флагом, идет соревнование) ухаживают за овощами, работают в апельсиновых, лимонных рощах. Выращенные овощи и фрукты частью идут на продажу, частью — в школьный буфет.

Мы говорили о трудовом воспитании, как же обстоит дело с трудовым образованием — профессиональной ориентацией школьников? Реформа общеобразовательной школы предполагает развивать сеть межшкольных учебно-производственных комбинатов, предусмотрено, что каждый выпускник средней школы будет владеть одной из массовых профессий...

НАТАША: «Угадайте, кто я на УПК? Я кому говорю — никто не верит, потому что еще не видели ни одной девочки электромонтажницы. Как все происходило. Говорят нам: «Ребята, выбирайте себе специальность!» Хотела быть металловедом — «Извините, у нас три металловеда на класс». Как ни ходила, ни просила, ни доказывала, меня не взяли на эту специальность. Сказали: «У нас еще остались электромонтажники. Идите туда». Так стала электромонтажницей. Что из этого имею: сдала экзамен на «пять». Еще ответу, что такое биполярный транзистор (это было в билете), но что такое конденсатор или еще что-нибудь — я не скажу. Кому нужны были эти дутые оценки по УПК? Я списывала все контрольные у ребят, на виду у преподавателей, мне никто ничего, разумеется, не говорил. И зачем мне все это надо было, я не понимаю»...

ВАЛЕНА: «Я слесарь сантехнических работ. Привели нас на завод, говорят: «Вот, ребята, ваш уча-

сток. Здесь вы будете помогать Родине, докажете своим конкретным трудом, на что вы способны». (Участок, кстати, очень ответственный, когда мы туда ходили, у нас проверили все сумки, все карманы.) Приводят нас к такому старичку, классный мужик, получает кучу денег, передовик производства, а вот он говорит: «Ну, что, ребята, сегодня мы с вами позанимаемся снятием заусениц». Мы понимаем, надо, конечно, с азов начинать — напильник в руки брать... Неделю назад было последнее занятие. Спустя полтора года мы занимались тем же, что в первый день, и у каждого в кармане лежало свидетельство: «слесарь четвертого разряда»...

А вот еще сценка из нашей «практики»: на проходе лежит грудa кирпичей. Ее надо перенести, чтобы не мешалась. Можно взять тележку и за три минуты все перевезти. Но, ребята, вы работаете три часа. Поэтому давайте берите-ка по пять штук в руки и не торопясь относите. Понимаете, он нам так и говорил: «Отнес стопочку. Сел. Отдохнул. Подумал. Встал, не торопясь пошел за другой».

Мы просто убивали время».

Конечно, не везде дела обстоят таким образом. У нас есть замечательные мастера и преподаватели УПК, есть специально разработанная система тестов, помогающая восьмикласснику разобраться в профессиях и специальностях. Но это исключение из общего печального правила, хотя должно быть наоборот.

Сфера обслуживания в столице СССР — Праге, стремительно молодеет. Главная заслуга в этом комбината молодежных услуг, который существует с 1975 года. До этого он имел дело только со студентами, но спрос на молодые руки в Праге постоянно растет, рабочей силы здесь хронически не хватает. В помощь студентам решили привлечь и старшеклассников. Главная функция комбината молодежных услуг — организационная, он принимает заявки от предприятий Праги и направляют туда молодежь. В рабочей спецовке проводят часть свободного времени около семи тысяч студентов и пяти с половиной тысяч школьников.

Думаю, нам стоит серьезно поразмыслить над этим, если мы действительно хотим воспитать осознанную потребность в труде.

«Кто в молодости не связал себя прочными связями с великим и прекрасным делом или по крайней мере с простым, но честным и полезным трудом, тот может считать свою молодость бесследно потерянной, как бы весело она ни прошла и сколько бы приятных воспоминаний ни оставила»... (Д. И. Писарев).

НЕИЗВЕСТНОЕ ПЯТОЕ: ПЕРЕСТРОЙКА ИЛИ САМООБМАН?

Школьной реформе — три года. Ее основные положения затрагивали изменение структуры школы (одинадцатилетнее обучение с нулевыми классами шестилеток), пересмотр школьных программ и введение новых предметов («этика и психология семейной жизни», «основы информатики»), повышение роли трудового воспитания. Пересмотр, повышение... И ничего, что бы кардинально перестроило работу школы,

Реформа пробуксовывает. Она явилась только попой нововведений, и думаю, это не случайно. Наша школа слишком заформализована, чтобы ей помог «косметический ремонт», а реформа, увы, является именно им, да еще не доведенным до конца. Школе нужны революционные преобразования — революция. В первую очередь — коренная ломка императивного сознания учителя.

ВАЛЕРА: «Две профессии, где люди должны работать по призванию и иметь талант: медицина и педагогика. И я считаю, в педагогике — в первую очередь!»

ИРА: «У меня, собственно, в школе были довольно сильные предметники, но не было у нас учителя, к которому я чисто по-человечески хорошо относилась бы, которого считала бы не учителем, но Человеком».

НАТАША: «Нам говорят: «Перестройка начинается с себя». Перестройся ты, за тобой — все вокруг, и все будет прекрасно. Но, учителя несколько не изменились. Учитель уверен, что он уже был перестроен со дня своего рождения и ему перестраиваться не надо, только нам»...

Еще совсем недавно основными требованиями воспитания детей были порядок, дисциплина, послушание. В школе им. Владимира Башева (Болгария, г. София) их заменили взаимное выслушивание, дружеский спор, свободное высказывание мнений. Школьники не только легко воспринимают новости в преподавании и воспитании, но для них школа стала самым интересным местом.

Болгарским школьникам можно только позавидовать: педагогику конфликтов сменила педагогика сотрудничества. (Это основа систем Амонашвили, Шаталова и Щетинина, Ильина и других советских педагогов-новаторов).

Внедрение и самое широкое распространение этой педагогики — вот в чем должна заключаться реформа школы, вот путь, который действительно принесет реальные плоды, и поверьте, более наглядные, чем смена нашими старшеклассниками коричневых платьев на синие костюмы.

Основой «неформальной педагогики» являются ролевые игры, что закономерно. В нашей стране еще в 1981 году в Научно-исследовательском институте общих проблем воспитания АПН СССР была образована лаборатория игровой деятельности школьников. Рождение лаборатории при Академии педагогических наук было отнюдь не открытием, а лишь долгожданной «первой ласточкой», которую наконец-то выпустили. Прошло шесть лет. Какая школа может похвастаться применением на практике ролевых («деловых») игр?

«Разве ты не знаешь, что во всяком деле самое главное — это начало, в особенности если это касается чего-то юного и нежного. Тогда всего более образуются и укореняются те черты, которые кто-либо желает там запечатлеть»...

(Платон, IV век до нашей эры).

Школа. Реформа. Будущее страны. Связь очевидна. А положение на сегодняшний день тревожное. По данным анонимного анкетирования ряда московских школ, собственная школьная ситуация интересует лишь 49,8% учащихся, остальным все равно, скорее бы закончить учиться. Над этим стоит задуматься.

Мы говорим о демократизации всего нашего общества. Почему же идеи демократизации, ставшие нормой в экономике, культуре, до сих пор не дошли до школы? Школа оказалась в хвосте общественных процессов, а надо бы наоборот! Выборы директора на РАФе, в Артеке... А почему не директора школы? Аттестация рабочих мест, комсомольская аттестация... А почему не аттестация учителей учениками? (Обратное-то считается нормой.) Вопросов много и «неизвестных» в нашем уравнении тоже не пять — намного больше.

Чай давно остыл. За окнами наступил вечер, а еще о стольком не было сказано. Но, пожалуй, главное прозвучало: для того чтобы вывести школу из тупика, в который она зашла, нужны не только одиннадцать миллиардов рублей, выделенных из госбюджета на реформу школы, нужен принципиально новый тип мышления учителя.

Только тогда учителя и ученики перестанут быть по разные стороны баррикад, лишь тогда станет явью наш прекрасный сон — школа, построенная на доверии и уважении.

Вероника МАРЧЕНКО, Георгий ИЛЫЧЕВ

Перестройка — что я могу?

Мы выбрали из редакционной почты именно эти письма, поскольку они, на наш взгляд, отражают позицию части грудящейся молодежи. Молодые сограждане задают извечный вопрос: «Как жить?» Пытаясь осмыслить свое место в сфере производства, они нагалькиваются на проблемы, решить которые не в силах. И выход из этой ситуации видят лишь в действиях своих непосредственных руководителей. Проще говоря, живут в ожидании очередной директивы «сверху».

Конформизм, ощущение постоянной зависимости от внешних обстоятельств въелись глубоко. Но без самостоятельности мышления нельзя добиться экономической самостоятельности, о настоятельной необходимости которой было сказано на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС. Ни завод, ни магазин, ни любое другое предприятие не смогут перестроить работу, пока каждый член коллектива не заявит о своем участии в общем деле. Формула этого участия весьма проста: предлагать и добиваться. Сегодня вопрос «что я могу?» должен быть адресован не кому-то из окружающих, а самому себе.

Есть ли рядом с тобой такие деятельные люди? Что сам ты уже сделал для перестройки? Напиши нам.

Где лучше?

Я молодой рабочий, мне 21 год. После службы в армии я пришел на завод «Орбита» учеником наладчика станков. И с первых же дней столкнулся с «перестройкой». Но не с той, о которой читал в газетах, не с той, о которой нам рассказывали в части на политзанятиях, а с той, что идет на нашем заводе. Впрочем, про завод полностью говорить не имею права — работаю всего несколько месяцев. Про свой цех скажу.

Перестройка у нас идет не на деле, а на словах. Говорят, никаких авральных работ, но «авралим» по ночам и субботам. Потому что отпартовали о пуске станков лазерной нарезки. Нам, естественно, «спустили» на них план, а станки и не работают. Гоним про-

дукцию на «старичках», что лет по десять без капитального ремонта работают. План, конечно же, горит синим пламенем. Рабочие теряют в зарплате. Когда начинаем выяснять отношения, выходит, что сами во всем виноваты, поскольку сами же и отпартовались.

Один пожилой наладчик мне сказал: «Ты, парень, не туда пошел. Здесь первые пять-шесть лет больше 150 рублей никогда не заработаешь. Это твой «потолок». Я понимаю, что не все сразу, но пять-шесть лет... И очередь на квартиру минимум лет десять... Что делать, искать «где лучше»?»

С. МУРЗАКОВ.

г. Горький

Долг Продавца красит

Это может показаться странным, но мне ни разу не приходилось слышать о перестройке в торговле. В чем она должна выражаться? Как происходить? И эти вопросы задаю я — продавец. Мне 20 лет, учусь заочно в Харьковском институте общественного питания. Сейчас я в декретном отпуске, а до этого три года проработала в торговле. Когда устраивалась на последнее место работы, меня, девятнадцатилетнюю девчонку, взяли сразу на должность зав. отделом (!). Потом только я узнала, что на это место никто не хотел идти...

У нас почему-то бытует мнение, что если человек работает в торговле, то он мошенник. А слово «продавец» обозначает то же самое, что слово «вор». Но ведь это неправда! Знали бы вы, покупатели, как приходится расплачиваться продавцам за свою работу! Например, получили мы как-то настояльные перекидные календари по цене 5 рублей за штуку. Два ящика, по двадцать штук в каждом. Это по накладной. Вскрыли, а в одном — пятнадцать, в другом — восемнадцать штук. И кому что докажешь — ящики-то вскрыты. У нас в магазине идет «мелочевка» — ручки, блокноты, тетрадки. Проверять «начинку» всех упаковок сразу же нет никакой возможности. А за четыре месяца мы обнаружили восемь случаев заводских «недовложений». За них потом из моей зарплаты по полной стоимости удерживали.

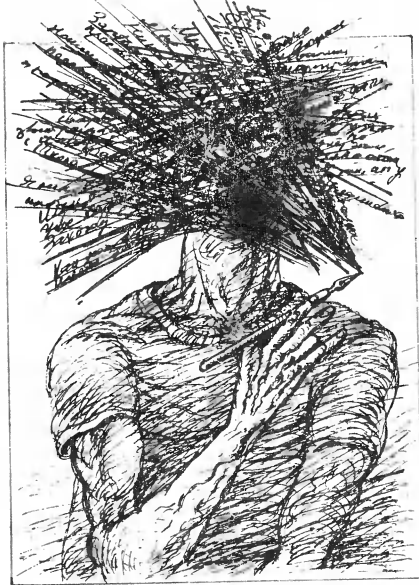
А что творят сами покупатели? Однажды мы получили товар. За прилавком остался один продавец, другие разгружали машину, переносили товары в подсобку, вскрывали упаковки, отбирали часть вещей для продажи. Продавец в зале тоже был занят раскладкой товара. Когда закончили работу, выяснилось, что дальнюю витрину выдавили и кто-то украл несколько штук часов.

Вы знаете, почему на дверях почти каждого магазина в нашем городе висят объявления: «Срочно требуется продавец»? Да потому, что таскать тяжести (упаковки бывают по 70 кг), выстаивать целый день на ногах, выслушивать обидные слова и при этом все время платить, платить, платить — за обман поставщиков, базы, за воровство покупателей, за разбитую витрину, за испорченный товар — никто не хочет! Я, например, за год работы выплатила 630 рублей. Теперь вся в долгах...

Прошу прощения за то, что не указываю своей фамилии и места работы, поскольку боюсь крупных неприятностей. Я уже обращалась и к руководству магазина, и к руководству нашего объединения, и мне, мягко говоря, «надавали по шапке». Но делать ведь что-то надо!

Алиса Е.

г. Харьков

«Если честно, то...»

На четвертом заседании мы задали двадцать вопросов, на которые уже успели получить более двух тысяч ответов. Нам хотелось каждому сказать добрые слова за откровенность, с которой делились с нами сокровенными мыслями, за то, что безоглядно и доверчиво рассказывали о своих юных и вовсе не простых судьбах. Монологи были честны и даже несколько беспощадны по отношению к себе, словно исповедь.

Готовя письма к печати, мы не стали сглаживать острых углов, не перекраивали точку зрения автора по привычному некогда шаблону. Нам показалось важным сохранить и шероховатости языка, и свойственную возрасту некоторую мешанину в мыслях. Хотелось как можно рельефнее представить в этой исповеди мировоззрение молодого нашего современника.

Сегодня мы публикуем первую главу этой необычной документальной повести и снова ждем писем...

«А нужны ли кому-нибудь личности?»

С чего же начать? Первое, что бросается в глаза, это представление о всей молодежи, как одинаково бунтующей. Отличие только в длине волос, заклепках и других атрибутах. Но воинствующей молодежи — ничтожное количество, а говорится же только о ней. Получается, что личность тот, кто выделяется, кто ищет конфликт. А если конфликт в душе, — кого он интересует?

Я родился в год смерти Сталина. Какая это была эпоха, знаю только по рассказам, но уже помню (я жил в деревне), как сельсовет облагал налогом каждую курицу, каждое деревце в саду. Как дед работал в шахте и ему урезали приусадебный участок до мизера, и ладно бы колхоз пользовался, а то все заросло бурьяном.

В сельской местности все были примерно равны, поэтому контрастов по материальнымностям не было. В городе же были и стилиги, и хиппи. Ими становились ребята, которые хотели выделиться. Но их больше ничего не интересовало, ни один из них не стал настоящим человеком. Потому что не имел осознанной цели и не ставил ее перед собой.

Сам я принимаю любое поведение человека. Меня это не шокирует, каждый имеет право на свободу, самовыражение. Если это не грозит жизни и здоровью других. С этой точки зрения с молодежью все нормально,стораживают претензии на исключительность, тяга к потребительству. Молодежь была всегда, всегда она чем-то не нравилась старшему поколению!

Почему мало что разрешается, а многое запрещается? Почему нет уважения к конкретному человеку? Почему все обращения вплоть до «цветы не рвать» даются в командном тоне? Это оскорбляет человека, личность, и вся надежда на то, что молодые осознают себя личностями и не позволяют больше считать себя «винтиками».

Легче всего «не брать в голову». Большинство так и живет. Часть шарахается из одной крайности в другую: у кого — спорт, у кого — видео, кто беседует с духами и медиумами. И даже обычные хобби — это выключение из общественного механизма. Мы не хотим понять себя, что уж говорить об окружающем мире. В нас вливают цитаты и лозунги с самого рождения, нас программируют, как ЭВМ, а когда программа стала давать сбои, забили тревогу. Оказывается, личности не нужны, они мешают. Личные качества не играют роли. Такого человека терпят, пока

он тянет за троих, но и высоко не пустят. Пойдет в ход все, от подлога до анонимок.

Давно у нас не показывали китайский мультфильм из 60-х годов про дракона, который сторожил сокровища. Много честных людей ходили его уничтожить, но много веков никто не возвращался. Оказывается, его побеждали, но при виде сокровищ превращались в такого же дракона. Что-то похожее происходит иногда и у нас, стоит человеку прийти к власти. А мы еще призываем добровольно от этого отказываться. Абсурд?! Три-четыре года — крайний срок, затем руководителя надо менять, иначе бюрократизм не изжить.

Вопросов, вижу, задал не меньше вашего. Еще бы хотелось знать, что же такое народ. Чьим именем все делается, но к чему мы по отдельности не имеем отношения. Сможем ли мы себя почувствовать личностями когда-нибудь? Или так и останемся марионетками?

С уважением

Алексей БЫЧКОВ

«Кто даст гарантии, что перестройка не отступит?»

Товарищи! Мне нравятся ваши 20 конкретных вопросов, но я считаю, что среди написавших письма может оказаться большое количество тех, кто не имеет опыта самостоятельной жизни, кто брюзжит о своей личности под юбкой мамы-торгашки или под крылышком папаша-администратора с грозной папкой и неограниченными возможностями. И напишет эта «личность» вам по той простой причине, что вы обещаете опубликовать их «исповеди». Но это будет не исповедь, а цинизм, молчать о котором не надо, но и печатать как исповедь не следует.

Я уже не юный современный, мне — 25, но чувствую себя тридцатилетним и выгляжу таким же.

Моя жизнь с сегодняшним Временем не совпадает: я — дальше, я — впереди. Понимаю, что необходимо ускорение в экономике, иначе мы политически обанкротимся (В. И. Ленин сказал: «Политика — есть концентрированное выражение экономики»), понимаю, что необходима перестройка сознания. У С. Есенина в поэме «Пугачев» есть такие строчки:

«Человек в этом мире — не бревенчатый дом,
Не всегда перестроишь заново».

Считаю, что мыслить я умею, потому что могу независимо от чьего-либо мнения оценить действия, поступки других людей. Но советовать не берусь, сам еще слишком молод. Силы еще есть для того, чтобы оставаться независимой личностью, но мне кажется, что еще иногда для этого нужны и средства в прямом и переносном смысле.

Не так сильно чувствую себя оскорбленным, если человек накричит на меня, даже обругает нецензурной бранью, знаю, что это пройдет... Но честь и достоинство мое бесконечно обруганы и оплеваны, когда молодая красивая моя ровесница не видит меня, не слышит лишь потому, что я еще не имею своей квартиры (лимитчик), не имею машины, не имею большого твердого оклада и т. д.

Считаю, что человека, которому могу рассказать все о себе, сейчас нахожу в лице вашего журнала (не считите за подхалимаж).

Люблю людей, подвергающих все сомнению, т. е. тех, кто пытается критиковать и самостоятельно мыслить. Поражает и влюбляет смелость признать свои личные ошибки.

Ненавижу подхалимов. Подхалимаж развращает руководителя, руководитель, постепенно привыкая, начинает корнать и карать тех, кто не подхалимничает ему.

Люблю поэтов таких, как В. С. Высоцкий, у которых в стихах все «вдоль обрыва, по-над пропастью». Считаю, что такие стихи подняли меня с колен, распалили и разогнули.

Когда мне было 17 лет, я предавал и лгал во имя справедливости. Но ничего хорошего из этого не вышло. И меня предавали. Мне жаль почему-то людей, предавших меня.

Боюсь дожить до пенсии и ходить, шаркая стертymi башмаками, мозолить глаза кому-нибудь. Боюсь задавать вопрос: уважают ли меня мои товарищи? И умирать боюсь, не оставив ничего после себя, наверное, потомства не оставлю, потому что не хочу жениться. А причина есть: катастрофическое падение нравов. Ведь может так случиться, как в романе С. Есина «Временитель», что жена родит ребенка от своего злейшего врага, и еще хорошо, если ты об этом никогда не узнаешь... А если узнаешь???

Что меня больше всего потрясло? Это может у кого-то вызвать улыбку, в худшем случае — неверие. Меня потрясло осознание мною в 1983 году, что В. С. Высоцкий действительно умер. Я не плакал, но уж лучше бы я умер, а он дожил до наших дней, ведь он жил в тысячу раз полноценнее меня и лучше.

Профессия у меня нужная, но не моя. Сам не знаю еще, кем бы я хотел быть. Много профессий сменил, везде старался работать добросовестно, но удовлетворения не получал. Когда меня хвалили, мне было стыдно и противно, а теперь все же горжусь этим.

Люблю себя за то, что до сих пор не женился на москвичке, что не вошел в чей-то чужой дом, что не оттапал у них драгоценные квадратные метры, занимаю койко-место.

Хочу задать вопрос своим современникам. Надеюсь, ты, «20-я комната», поможешь мне в этом.

1. УВЕРЕНЫ ЛИ ВЫ, ЧТО ЧЕРЕЗ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ НЕ ГРЯНУТ КАКИЕ-НИБУДЬ НЕОЗАСТОЙНЫЕ ЯВЛЕНИЯ? ПОЧЕМУ?

Кто мне ответит?

Павел Я.

Постскриптум «20-й комнаты». Действительно: в чем наши гарантии того, что перестройка не сдаст своих позиций? Есть ли у тебя на этот счет своя точка зрения?

Каков вопрос — таков ответ

Наша семья с большим интересом и вниманием следит за новым вашим журналом в журнале—«20-й комнатой». Конечно же, мы не могли оставить без внимания «20 вопросов». Собравшись вечером за чашкой чая, мы решили написать ответы на них сообща. Нам показалось, что в ответах должно быть немного юмора, понятного не только взрослым, но и

нашим ровесникам. Эти ответы появились не ради издевки, не ради пустого развлечения. Это всего лишь самые первые мысли, пришедшие нам в голову после прочтения вопросов. Очень хочется верить, что вы, уважаемая «20-я комната», правильно, с пониманием и добрым сердцем отнесетесь к нашим ответам и напечатаете их, пусть даже самым-самым мелким шрифтом.

Заранее благодарим.

Семья из 3-х студентов

г Москва

ТЕЛЕГРАММА:

МОСКВА. СЕМЬЕ ИЗ 3-х СТУДЕНТОВ. ЮМОР ПРИНЯТ. СО ШРИФТОМ ТУГО. РЕШИЛИ НЕ МЕЛОЧИТЬСЯ. ПЕЧАТАЕМ ПО-КРУПНОМУ:

«20-я КОМНАТА».

Что для тебя означают такие понятия, как честь и собственное достоинство?

Честь и Собственное Достоинство!

Ты нашел человека, которому можешь рассказать все о себе?

Конечно, нашел! Это ты, Дорогая и уважаемая Редакция журнала «Юность»!

Ради чего живешь? В чем видишь смысл жизни?

Деньги! Слава! Почет! и еще немного денег для полного счастья.

Кого любишь? Кого ненавидишь?

Нельзя объять необъятное. А почему мы должны кого-то ненавидеть?!

К чему равнодушен? Почему?

К падению курса доллара на международном рынке. Да пусть себе падает!

В какие минуты живешь по-настоящему?

Когда не сплю.

Что потрясло тебя? Может быть, внешне незаметно, но переворачивало душу?

Нарушение закона сохранения барионного заряда!

«Я хотела быть Джульеттой»

Прекрасно знаю, что моему письму не пробиться сквозь стену «запретных тем». Я — не хиппи, не неонацист и даже не наркоманка. Кстати, я не курю и почти не пью. Учусь в институте, хотя и слабо, без энтузиазма. Но стипендию пока получаю. Есть хобби, которое грозит перерасти в дело жизни. Друзья есть, хорошие, а не «просто так приятели».

Как видите, моя проблема не вписывается в круг, ставший традиционным, — пьянство, наркомания, неформальные объединения, одиночество. Но иногда мне становится страшно. Не за себя, я человек в каком-то смысле сформировавшийся: за тех, кто еще не успел ничего понять...

Мне 17 лет, на них и выгляжу, но мне 30 в душе. Хотя это лучше не показывать окружающим. Вот и прикидываюсь малышкой, но не в этом дело.

Я знаю все, что касается отношений между мужчиной и женщиной, не в теории. Порой хочется, чтобы меня за это презирали, но нынче такие вещи если еще не возведены в ранг «доблестей», то уж в порядок вещей несомненно. Ох, и мало же осталось на свете девушек в 17—20 лет! Да и те порой считают себя старыми девами (не в шутку — всерьез), а кой-кто ищет парня хоть на одну ночь, лишь бы не отстать от других. И не отстают.

Самое смешное — меня не мучит то, что я — женщина в 17 лет. Просто пугает безнаказанность. Думала — родители узнают — убьют; ничего подобного. Неделью дома не жила, думала, хогь теперь что-нибудь переменится. Вернулась — и ничего. Скандалили

один вечер. А так как к скандалам дома мне не привыкать, стало еще тошнее.

Скажите — «любовь»? Ха! Я в нее не верю. Вернее, не верю, что парень может любить и не тащить тебя в постель. Говорить о высоких материях я тоже могу. И я боюсь, что «сорвусь с резьбы» (как называют это мои подруги) и пойду по рукам. Потому что я — далеко не урод, и кокетства моего на троих хватит. В общем-то я — индивидуум обычный, серый по сути. Хотя на поверхности плавает много яркой мишуры, поговорить я могу на любую тему. А внутри — боль, которая пришла неизвестно откуда и заставила взяться за письмо. Эта боль мучит многих девочек, я знаю. И все их выходки — отсюда. Просто некому сказать: «Держи меня! Будь со мной! Храни меня, пока не начался джаз!» Да и поздно уже.

А ведь я хотела быть Джульеттой, но... Но я не стала ждать. Поняла — бесполезно. Да и сама жизнь подсказывает — лучше быть безответно любимой, чем любить безответно. А если у тебя есть парень, то не переспать с ним просто непристойно. Вот и становимся такими, как все. С виду у нас все в порядке — приводов в милицию нет, общественного осуждения нет, выговоров в институте и то нет. А личная жизнь нынче неприкосновенна.

Света.

г. Ленинград

«Не вырывайте строк из текста!»

Куда ни кинь, везде; почему и зачем? Всем все интересно, так и норовят в душу заглянуть. Спрашивается, для чего? А чтобы потом пометке плюнуть. В самую больную точку!

Вы эти вопросы всем коллективом придумывали? Такое впечатление что один человек в здравом уме никогда бы их не задал. Да я не поверю никому, кто скажет, что он не личность, мол, не вырос еще пока. Ничего, как родился, стал «волком», включился в борьбу за выживаемость, так, значит, и стал личностью.

А что такое независимость? Это когда от тебя ничего не зависит. Такая независимость всегда при мне. Главное — никакими усилиями делать не приходится.

Честь же — это страх значиться дерьмом, которое не отмывается. Я раньше боялся, когда мир мне представлялся в розовых красках. Теперь же нет.

А с собственным достоинством совсем напряжено. Меня толкнул — я в морду. Но ведь это не то. Может, у меня и есть зачатки собственного достоинства, но хилые. Ведь не осознал я пока, что это такое.

Что значит, нашел ли ты человека, которому можешь рассказать все о себе? Другими меня бог не обидел, и каждому я могу рассказать все. По той причине, что я терпеть не могу вещи, о которых нельзя говорить. Все секреты и тайны дурно пахнут. Но хотят ли они слушать? Это ли критерий одиночества? Говорить и слушать мало, тут важно понимание, а с этим пока не очень. В драке мы вместе ляжем, но это еще ни о чем не говорит. Одиночество и непостоянство — достоинства моего поколения. Нечего кричать, что это ужасно. Надо просто это воспринимать. Мы одиноки? Да. Принципы и взгляды меняем? Да. Ну и ладно. От этого зубы ведь не перестанут болеть.

Вопрос о смысле жизни... Сколько раз я слышал, мол, смысл жизни и не в деньгах, и не в количестве женщин, и не в «новой волне». Но нельзя вырывать строчки из текста. Суть теряется. Смысл жизни — и в деньгах, и в девушках, и в восходе, и в звездах. И не стоит из-за этого вопроса ломать копыя. Смысл именно в жизни, во всех ее составляющих.

Кого люблю — об этом говорить не буду, а ненавижу — стукачей. Эту гниду терпеть не могу до помрачения. Зачем наше общество нуждается в этих сволочках? Если бы не нужно было — их бы не было.

Равнодушен я ко всему, что не находит отклика в душе. А почему — не знаю. Нет там места для многих вещей.

Предательство. Это уже из другой оперы. Нет, никого не заложил. Единственный человек, который на

меня может обижаться, — так это я сам. Себя я не просто предаю, а продаю. В розницу и скопом. И мучаюсь — не продешевил ли? Из-за будущего благополучия — таскаюсь в институт, из-за денег — подчиняюсь родителям. Тошно.

Бывают дни настоящей жизни. Это когда идет дело. Спишь урывками. Жрешь кое-что и кое-где. Меня будоражит. Времени нет. Надо сделать много. Лишь бы успеть. На горизонте перспективы. Я ношусь, приколол язык к щеке, чтобы не вываливался. Я всем нужен. Я что-то могу. Я вижу цель. Крупную!

Но это продолжается недолго. За неделю-две устрою все дела, достану все необходимое, схвачу перспективу за радужный хвост. И тут начинается депрессия. Достиг, а зачем? Я понял, что для меня важнее искать, чем иметь. Но не так, чтобы искать всю жизнь. Я бегун, но на короткие дистанции, на длинных ломаюсь, а без движений и вовсе вроде не живу.

Что меня потрясло? Больше всего — несогласованность речей и того положения дел, которое я увидел сейчас. Папа мой, коммунист, берет взятки. Ему рыбу привозят с Балтики, апельсины с юга. Маленьким был — радовался. Стал старше — понял, что это взятки. Я поудивлялся немного, а сейчас мне наплевать. Пусть как хочет, так и живет. И ему плевать на мое уважение, и так хорошо устроился. Самое плохое, на мой взгляд, то, что нет веры. А душа без веры, пусть даже самой абстрактной, пуста. Вера поддерживает пламень души. Пусть огонь жжет, испепеляя изнутри, но как радостно чувство, что ты жив. Что я предположил бы? Я не зову насаждать веру, я прошу не убивать ее в себе и в других: в бога, в мир, в людей, в добро. Все равно. Духовность надо ставить на первое место. За людьми надо видеть личности, а не только производительную силу.

Э. С., 18 лет.

г. Москва

«Стараюсь быть независимой»

Не знаю, я ли не совпадаю со временем или жизнь моя с ним никак не встретится. Но я никак не могу понять, как можно каждый день бегать в бар, курить по пачке в день (я тоже пробовала — такая гадость, кошмар!), жить где придется, лишь бы весело было! Не понимаю, как можно выбирать (выбирать!) ребят по «фирме», унижаться перед спекулянтами из-за какой-то шмотки. Это крайности, так называемый «отрицательный полюс».

Но до меня также не доходит, как это человек может целый день (или вечер, к примеру), сидеть дома, учить уроки или вести с подобным себе разговоры о «модах», о «плохих» девочках и мальчиках, о себе, таких хороших-хороших. А нормальному человеку ни с теми, ни с другими говорить не о чем. Не знаю, может быть, это я ненормальная? Возможно, поэтому у меня нет друга. В общем, одна я. Совсем. Мне так хочется, чтобы меня кто-нибудь любил. Вот так я живу в современном мире. Где-то посреднике болтаюсь, сама не знаю где.

Личность — это человек с устоявшимся мировоззрением, а оно у меня еще развивается и сформировывается, ведь мне всего 16. Стараюсь быть независимой. Вероятно, и одна потому, что у меня это слишком хорошо получается. Очень не люблю, когда находишься в зависимости от кого-то (я не имею в виду дружескую или любовную зависимость).

Скажите, а вы сами знаете такого человека, который всегда был бы верен совести, даже в малом? Конечно, случилось жить вопреки совести. Только я бы не назвала это «сделкой». Просто обстоятельства задавливают.

Честь и собственное достоинство. Ну, честь — понятие какое-то неопределенное и расплывчатое для меня. А вот собственное достоинство — это, я считаю, мера уважения к себе, не позволяющая человеку опуститься. Я пока не опустилась, не будет со мной этого.

Как это, ради чего живу? Родилась. Живу. Хочу узнать все самое важное, интересное, ценное. А потом — честно работать, растить детей. Смысл жизни поэтому в сохранении мира.

Фоторепортаж РОВЕСНИКИ

На этой фотографии (слева) они вместе — Зенонас Шилинскас, автор публикуемого здесь фоторепортажа «Ровесники», и Витаутас Станенис, известный литовский фотограф из Алитуса, его учитель и наставник. Снимок сделан во время обсуждения репортажа на творческом семинаре молодых литовских фотографов в Ниде, который ежегодно проводит Общество фотоискусства Литовской ССР. Конечно, сильно волновался тогда Зенонас, но репортаж был принят всеми —

Ненавижу тупых и самовлюбленных людей, эгоистов и скупердяев. Не люблю тех, которые смотрят на людей свысока из-за материального превосходства, из-за престижной работы. Я их просто ненавижу.

Предали меня так: я влюбилась в мальчика из нашего двора. Не знала, что и моя подруга, и другие девчонки тоже равнодушны к нему. Они стали мне строить всякого рода препятствия. Дело ухудшилось, когда мы стали с ним дружить. В один из таких вечеров все девчонки нашего двора собрались вместе (около 15 человек) и закидали меня снежками, приговаривая всякие гадости. Слезы я все-таки не смогла сдержать. Потом они написали ему письмо (вернее, писала моя подруга), в котором «разоблачали» мой скверный характер. Он прочел его мне и тут же сжег. А один раз и вовсе ужасно получилось: мы зашли с ним в подвезд погреться, подошла подруга с девочками и сказала: «Гера, как ты можешь с ней дружить? Она же самая настоящая сывка!» Он дал ей пощечину. Это была моя первая любовь, но они затоптали ее в грязь, стали появляться всевозможные сплетни даже на взрослых языках. Я очень дружила с Гериной мамой. Он рос без отца, и очень трудно им было именно в то время — она второй раз вышла замуж. Во дворе так ни с кем и не помирилась. Я очень отходчивый человек, но тут никак не могу простить, не получается. Жестоко.

Через год Гера с мамой уехали. А недавно я узнала, что он сидит в тюрьме за кражу.

Галия Г. (выпускница 10-го)

г. Белгород

«Не хочи и не могу жить по принципу «живи и ладно»

Не очень верю в ваше начинание: опубликовать исповедь поколения. Слишком уж много «непечатных» вещей вам напишут.

Меня зовут Галия, мне девятнадцать лет, я студентка медицинского института, живу в Москве. На сегод-

няшний день, таким образом, в активе у меня имеет-ся: окончание школы, поступление в институт и неудачное замужество (вышла замуж в восемнадцать лет, развелась через полгода: оказалось, что мы разные люди и что мне недостаточно, чтобы любила меня, я хочу любить сама. Представляете, до чего непрактичная позиция?).

Мне иногда кажется, что я сойду с ума от такого количества противоречий, которые нахожу в себе и вокруг себя. Может быть, для того, чтобы разобраться в них и как-то разрешить их для себя, я и пишу вам. Чтобы письмо не было совсем уж сумбурным, по порядку отвечу на ваши вопросы:

Как моя жизнь совпадает с сегодняшним Временем? Вы, вероятно, имеете в виду, какова моя так называемая «гражданская позиция», моя социальная активность. Видите ли, дело в том, что у меня нет ее, этой самой «позиции». Нет, и все. Начисто. Когда-то, когда мне было 14 лет, до чего мне хотелось заниматься общественной работой, как я верила в комсомол, в то, что он действительно «авангард», «активный резерв» и так далее! Сейчас просто смешно вспомнить.

Потом я, правда, увидела, чего стоят лозунги, провозносимые нашими учителями. Воспитание гражданственности, веры в коллектив и его силу подменялось «процентом вступивших за истекший год». Людей, не желающих вступать, заставляли, так как школа образцовая и «неохваченных» быть не должно. В 15—16 лет такие вещи воспринимаются болезненно, но, поскольку «активность» у меня еще не вышибли, я пыталась протестовать и в школе, и в райкоме (я там часто бывала по комсомольским делам). Какое там! Мне быстро объяснили, что лично для меня это ничем хорошим не обернется. В десятом классе мне выдали такую характеристику для поступления в институт, что мои родители обомлели, когда я принесла ее домой. Потом они отпечатали дома свою, диаметрально противоположную первую, и мой папа отнес ее в школу. И мои принципиальные педагоги подписали ее с тем же энтузиазмом, что и первую! У нас в классе это был случай не единичный. Мы потом сверяли

и мастерами, и начинающими фотографами. Удовлетворен был и Витаутас Станенис — ученик начал самостоятельный путь. Сейчас Зенонас заканчивает службу в армии, ему всего двадцать лет.

Фоторепортаж этот снят еще до той поры, когда все издания стали широко писать о роне и неформалах, стали удивленно вглядываться в молодежь. А молодой фотограф почувствовал, что время его уже пришло. Посмотрите на фотографии, и вы поймете: так до-

верять фотографу и не позировать перед камерой могли только его ровесники. Он же сумел увидеть эти мгновения жизни молодых, удивился и передал это доброе чувство в снимках.

Публикуя репортаж Зенонаса Шилинскаса «Ровесники», мы открываем первую страницу фотокниги о молодежи, ее жизни, труде и увлечениях. Новая рубрика получает название «Одна двадцатая», или так — 1/20, фотографии это поймут.

свои характеристики и очень веселились по этому поводу.

Школа принесла мне первое, необыкновенно сильное разочарование в моей жизни. Своим двуличием, ложью, которой пропитано все, абсолютно все. А ученики, которые пытались с этим бороться или хотя бы говорить то, что они думают, а не то, что требуется, считались «строптивыми». У нас таких строптивцев было — половина класса, поэтому нам все время объясняли, что у нас «гнилая жизненная позиция» (цитирую дословно). Когда я окончила школу, это было большим счастьем. Я считаю, что человек честный и непримиримый ко лжи не мог в нашей школе заниматься этой пресловутой общественной работой. Наши педагоги любыми доступными им средствами планомерно истребляли в нас эту самую гражданственность, о которой кричали на каждом шагу.

Итак, заодно дам ответ на ваш вопрос: «Случалось ли тебе идти на сделку с совестью?» Как видите, случилось. Мне просто пришлось уgomониться.

Далее: «Уверен ли ты, что умеешь самостоятельно мыслить? Считаешь ли себя личностью?» Мыслить самостоятельно, надеюсь, я умею. Вопреки тому, что окончила десять классов ненавистной школы. Назло ей, этой школе. Я этому училась всегда и учусь сейчас. Мне хочется верить, что я могу считать себя личностью. Но не знаю, что лучше: быть слабой личностью или не быть ею вообще. И может ли личность быть слабой? Не знаю. От этих вопросов голова кругом идет. Мне нравится мой институт, я хочу работать в медицине. Работать много, преданно, фанатично. Уверена, что в выборе профессии я не ошиблась. Очень хочу добиться многого в своем деле, стать хорошим специалистом, настоящим профессионалом. Смогу ли? Не знаю. Но очень постараюсь. Я знаю даже, что для этого нужно: много труда, ежедневного, незаметного. Я плохо умею трудиться, но постараюсь научиться.

Моя беда в том, что мне все кажется, что жизнь, настоящая, когда нужно будет выложиться до конца, впереди. А она не впереди, она уже идет. И не

всегда так, как хотелось бы. А хочется стать таким врачом, чтобы на работе забывать обо всем, чтобы мое дело стало для меня отдушиной. Я только сейчас поняла, какую радость доставляет труд, в который вкладываешь душу.

Молодые должны шагать широко, без оглядки. У нас же нет такой возможности, потому что нет возможности Поступка. От нас хотят, чтобы мы шли в колонне, в ногу, желательно где-нибудь в конце. Потому что тех, кто сзади, можно не заметить, и общая картина не пострадает. Почему только сейчас стали писать о том, что у нас есть трудности, неудовлетворенность, разочарование? Что среди нас есть и наркоманы, и проститутки? Зачем из нас делали одинаковых на страницах печати, делали стандартных, штампованных, как лупоглазые куклы?

Тщеславец, тимуровец, передовиков производства, отличников учебы, комсомольских активистов?! Кому это надо? Я знаю кому: тем, кто боится правды, неприкрытой благополучием, вернее, видимостью благополучия. Тем, кто боится самих себя.

У меня есть человек, которому я могу рассказать о себе все. Это моя подруга. Мы с ней вместе пережили школу (десять лет в одном классе). Она знает обо мне все и понимает меня. Мой муж тоже знал обо мне почти все, но ему это было неинтересно. Мы с ним так и не поняли друг друга. Я очень хочу встретить человека, которого смогу полюбить и, главное, уважать. Но я верю, что это приходит само и поэтому не тороплю судьбу. Как будет, так и будет. Сейчас я одна и, наверное, одинока. Но я о многом думаю, нахожу постоянный смысл в своей внутренней жизни, хотя часто он от меня ускользает. Иногда я верю только в будущее, потому что мне выпало счастье не ошибиться в выборе профессии. Часто только эта мысль заставляет меня жить.

Но по-настоящему я живу только тогда, когда прикасаюсь к медициной близко, когда прохожу практику в больнице. Вид чужого страдания обесценивает мои собственные переживания, стирает их остроту. Именно в больнице, где каждому нужна моя помощь,

я не чувствую себя одинокой. Там я сильная, потому что необходима кому-то. А в обычной жизни я нужна только родителям. И я их люблю и уважаю, потому что они говорят то, что делают, и понимают меня. Жить, я считаю, тяжело, очень тяжело. Найти себя, быть собой, быть человеком свободным и богатым внутренне очень трудно. Но мне не хочется жить по принципу «живи, и ладно». Поэтому я и написала это письмо. В нем все — правда.

Галя, 19 лет.

г. Москва

Позвони мне, позвони!

Мне девятнадцать, я пока вроде бы студент-электронщик и абсолютно ни в чем не уверен. Нет смысла ругать или хвалить себя или других. Быть может, есть смысл постараться рассказать о жизни, какой ее видишь...

Вот вам всего лишь один мой вечер... Я открываю дверь и вхожу домой. Сегодня я хочу быть один, сегодня мне никто не нужен. Буду сидеть в кресле, листать старые журналы, слушать музыку, потом выйду на лестницу, выкурю там сигарету, вернусь, сварю кофе, с чашкой в руке буду смотреть на облака за окном...

Но раздастся звонок. Ко мне пришли друзья. И вот уже на плите чайник, нарезан хлеб, на стол ставят чашки и сахарницу. Магнитофон уже качает стекла «новой волной», и на листе бумаги чертят «пулю». Мы играем в преферанс, пьем чай, болтаем всякую чушь и швыряем с балкона окурки. Шум и суета достигают высшей точки и вдруг сходят на нет. Друзья уходят домой, оставляя мне невымытую посуду и тающую радость.

Я мою чашки и расставляю их по местам. Уже поздний вечер. Захожу в свою комнату, сажусь за стол, и мой карандаш малюет на бумаге какую-то мерзкую рожу. Тихо, только редкие машины шумят на улице. Нет, сейчас не нужна тишина.

Я с надеждой смотрю на телефон, надо услышать хоть чей-нибудь, пусть совсем чужой незнакомый голос. Но пластмассовая тварь издевательски молчит. Я сижу, уставившись в черное окно. Вижу в этом мертвом окне отражение своих глаз. В них усталая ненависть. Мне страшно... Как пусто все!

Зафар ХАШИМОВ

г. Зеленоград

От «20-й комнаты»: Писем про одиночество очень много, но никто из авторов не поделился: почему он одинок, что мешает ему найти то, что разрушает состояние одиночества? А впрочем, стоит ли его разрушать? Одиночество, как заметил один из членов «20-й комнаты», ведь тоже по-своему конструирует личность. Что ты на это скажешь?

«Сейчас я счастлива»

О таких, как я, обычно не пишут. Я очень спокойна, отношусь к рок-музыке (потанцевать — пожалуй, ста, но до фанатизма не дохожу), нахожусь в самых лучших отношениях с родителями и очень люблю свою будущую профессию (я студентка политехнического института). Время моего вступления в настоящую жизнь и время больших перемен совпало. Это звучит довольно избито, но я это пишу не ради красивого словца, а откровенно. Чувствуя свои права и возможности, легче жить — работать, кому-то помогать, от кого-то защищаться.

Считаю ли я себя личностью? Пока нет. В школе из меня попытки сделать личность слишком усердно выколачивались, и я еще не все успела забыть. Но, безусловно, я стремлюсь стать личностью. А школу еще долго буду помнить. Я не могу простить ей главного: она умеет прививать отвращение ко всему, чего касается. Но одно я поняла тогда: даже если тебя все вокруг презирают за твои убеждения, ими нельзя поступаться, если ты уверена в своей правоте. Нельзя подчиняться силе только потому, что ты слабее.

По вопросу о чести, собственном достоинстве скажу, что это — святое. Чехов по капле выдавливал из себя раба, а на моих глазах в человеке этого раба воспитывали, по капле выдавливая его человеческое достоинство. Короче, из нормального, но стеснительного и физически слабого мальчика сделали к концу десятого класса человека, который перед каждым сильным землю будет есть, ради собственного благополучия на все пойдет... И я, я тоже в этом виновата. Могла стать ему другом, а не стала по собственной стеснительности. Всему учили, только дружбе пришлось учиться самой, на собственном опыте и собственных шишках.

Ненавижу чувство стадности в людях. Перед чувством коллективизма преклоняюсь. Ненавижу стадность с ее девизом: «Как все, так и я!» Чувство стадности затмевает разум, и тогда толпа раздавит и поглотит того угодно и что угодно.

И еще ненавижу принцип «как бы чего не вышло». Перед глазами слишком много людских судеб, испорченных этим принципом, талантливых людей, которым зажимали рот, подрубали крылья... Скажу только, что мой идеал человека, мой советчик в самые трудные моменты — Владимир Высоцкий. Он один из немногих, которым я верю, когда они говорят с экранов о доброте, человечности, совести, чести, благородстве... А те, кому мешала его правда, живы... Ненавижу этих «как бы чего не вышло» больше всего. И рада, что сейчас имею возможность противостоять этому хотя бы в мелочах.

По-настоящему, полноценно и счастливо живу с первого дня поступления в институт. Несмотря на то, что заниматься приходится не в пример больше, чем в школе, и «в последнюю ночь» перед сессией, конечно, тоже.

В заключение хочу сказать, что сейчас я... счастлива. У меня есть друзья и единомышленники и есть цель впереди. Имея это, легче преодолевать крупные и мелкие препятствия, которые есть всегда.

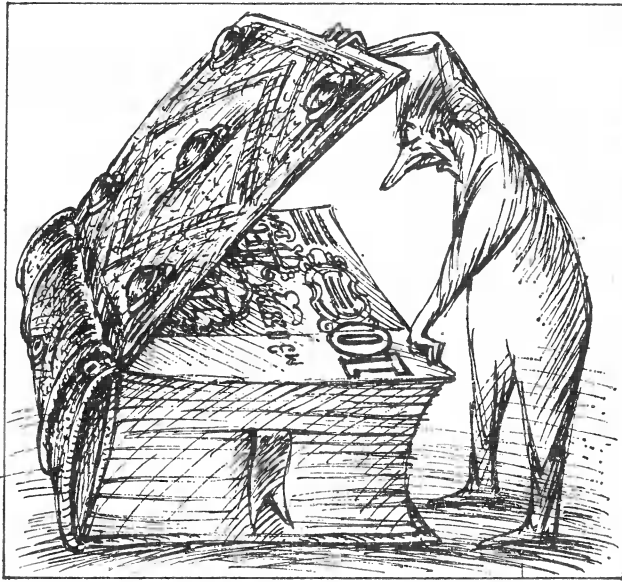
Без подписи.

г. Киев

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ! Этими словами нам хочется закончить первую главу этой документальной повести, потому что не терпится начать следующую, ибо письма идут, идут и идут. Сначала мы думали о комментариях редакции или каких-либо иных «амортизаторах», смягчающих максимализм некоторых высказываний, но потом увидели, что письма дополняют одно другое, ауткаются по настроению, спорят между собой — и все это позволило, как выразился один из наших читателей, «печатать их живыми». Что мы и постарались сделать. Одно только несколько коррижировали: многие из писем явились к нам без адреса... По желанию авторов, мы можем не называть имена и города, но просто письмам с полными адресами, по правде сказать, больше веришь. Хотелось бы, чтобы вы это помнили, когда снова постучитесь в двери «20-й комнаты». Мы вас ждем! Наш телефон 251-02-30.

Публикацию подготовил Михаил ХРОМАКОВ
Рисовал в «20-й комнате» Михаил ЗЛАТКОВСКИЙ

Меняю Агату
на
Ключевского!

Сторонники безлимитной подписки на сочинения Соловьева и Ключевского проиграли. Правда, они добились двукратного по сравнению с первоначальными увеличения тиражей, однако победа эта не радует. И вот почему. В самый разгар дискуссий в книжном мире произошло важное событие, о котором, уверен, знают далеко не все.

С 1 ноября 1986 г. вступил в действие новый каталог цен на букинистическую литературу. Были повышены цены на некоторые старые издания, а также на новые, вышедшие после 1973 г. Этот каталог — прелюбопытнейший документ, как бы подводный итог очередного витка книжного бума. Изучая его внимательно, можно понять, куда мы, книголюбцы, идем, а точнее — в какую пропасть мы катимся.

Больше всего поражает, что подорожали книги, изданные всего лишь пять — семь лет назад. Мало того, что цены на них соответствуют ценам черного рынка, они еще и показывают, что сейчас многие книги становятся библиографической редкостью, едва попав на книжный прилавок, а некоторые даже и раньше.

Тридцать лет назад книга была в первую очередь духовной, культурной ценностью, не более. Теперь же книга стала модной, престижной вещью. Черный рынок почувствовал это немедленно и отозвался стремительным ростом цен при неизменно низких государственных ценах. Возникшие ножницы цен сделали книжный бизнес выгодным предприятием. Спрос на книги возрос, что, в свою очередь, обусловило дальнейший рост чернорыночных цен. Поддерживая и усиливая друг друга, эти факторы породили лавинообразный процесс, в результате которого хорошая, интересная книга практически исчезла с книжных прилавков. И сейчас мы живем в эпоху искусственного, horribly организованного книжного дефицита.

Судьба книги складывается примерно так. Едва ступив в магазин, часть тиража, к примеру, Агаты Кристи, в основном по блатным каналам, сразу обращается постоянных хозяев и на время, так сказать, выходит из дальнейшей игры. Вторая же часть, как правило, значительно меньшая, так или иначе оказывается у спекулянта. В условиях свободной конкуренции черного рынка и формируется истинная, реальная цена книги. «Агата» стоит здесь 30—40 р. После этого все книги данного тиража, в том числе и те, из «первой части», автоматически обретают новую, существенно более высокую, чем первоначальная, цену. Ясно, что в такой ситуации хозяин «Агаты» ни

за что не отнесет ее букинисту, даже если она ему и не нравится. Да и зачем? Ведь в той широчайшей сети взаимного обмена услугами, благами, различными «дефицитами», плотно опутавшей буквально все сферы нашей жизни, книга ценится очень высоко. В известном смысле она даже дороже тех денег, которых стоит на черном рынке. К примеру, дать взятку томиком Ахматовой или Высоцкого лучше, удобнее и, главное, безопаснее, чем непосредственно деньгами. Так что в наше время приобретать книги стало не только престижно, но и выгодно. Только кому?

Превращение книги в выгодный товар привело к тому, что книгу сейчас покупает не тот, кому она действительно нужна, а тот, кто ее может достать, пробить, урвать... Отсюда — массовый рост «мертвых» личных библиотек, в которых многие книги не читаются никогда. Отсюда — насильственное, искусственное отделение книги от ее истинного читателя. Именно поэтому колоссальное увеличение тиражей в последние годы не принесло существенных результатов. С таким же успехом книги можно было бы отправлять просто на склад!

Стало уже общим местом объяснять пустоту наших книжных прилавков ростом читательской аудитории, повышением ее культурного уровня, тем, что мы, мол, «самый читающий народ в мире». Отчасти это так. Однако главная причина все же в том, что нынешний механизм производства и распределения книг изначально порочен. Не имея под собой никакого экономического фундамента, он, по существу, действует на основе субъективно-волевых решений. Старый, давно изживший себя принцип. Причем работает он в условиях, когда мы имеем: а) низкие государственные цены; б) высокие рыночные; в) ограниченность тиражей; г) фактический произвол в распределении. К чему это приводит, ярко показывает новый букинистический каталог. Изучая его, трудно отделаться от ощущения, что Госкомиздат прямо способствует обогащению спекулянтов и людей, близких и книжному распределителю. Вот самый свежий пример. «Мифы народов мира» — бестселлер последних лет. Уже в январе 1987 г., т. е. всего через два месяца после подорожания старого издания, стало известно, что готовится новое издание «Мифов...» тем же, что и ранее, 100-тысячным тиражом и по цене... опять 25 руб! Но ведь ясно, что доступ к этим дешевым «Мифам...» получают те же люди, которые уже раньше, до подорожания, их приобрели. После этого они спокойно от-

несут старое издание букинисту за 60 р. и заработают на этом 60—25=35 р. По существу, готовится очередной грабёж государства (а значит, и нас с вами), грабёж, одобренный Госкомиздатом и Госкомцен! Сумма награбленного составит 35х100000=3,5 млн. р. Если прибавить сюда еще 5 млн. р. прибыли, которую можно было бы извлечь, продавая новое издание по букинистической цене 75 р., получим, что государство потерпит убытки в 8,5 млн. р.

Производство книг в стране, их продажа должны быть подвергнуты коренной реорганизации. Суть ее, как видите она мне, в следующем.

Первое. Должна быть восстановлена прямая связь между книгой и ее истинным читателем, тем, кому она действительно нужна. Для этого книжные магазины должны принимать заказы на любую литературу, пользующуюся повышенным спросом, причем прием должен вестись без ограничений. Выполнение заказов должно быть гарантировано. Тираж издания определяется количеством поступивших заказов.

Второе. Государственные цены на книги повышенного спроса должны быть увеличены до 10—20 р., а, возможно, и более. Эта мера направлена на то, чтобы удерживать тираж в разумных пределах и, таким образом, «не вырубать тайгу». Пусть не покажутся эти цены чрезмерно высокими, они взяты из уже упоминавшегося мною каталога. Мне могут возразить, что предложенная мера неприемлема, так как в результате люди с низкими заработками не смогут приобретать книги. На это отвечу, что книги «первой необходимости» должны выпускаться неограниченными тиражами при более низких, скажем, 5 р., ценах.

Предложенные меры позволят в короткий срок ликвидировать черный рынок, осуществить действительно справедливое распределение. В дальнейшем, когда искусственно созданный ажиотаж исчезнет, цены на книги вновь можно будет снизить, причем без соответствующего увеличения тиражей. Это станет возможно сразу, как только будет понято то, что обогатиться на книгах нельзя.

Кроме того, предложенные меры целиком лежат в русле происходящей сейчас перестройки в экономической и социальной жизни. В будущем они помогут наладить работу издательства и книжной торговли по принципу самофинансирования и самоокупаемости.

Вернемся теперь к вопросу о тиражах изданий Ключевского и Соловьева, затронутому в начале статьи. Думаю, что, исходя из сказанного, «закрывать» безлимитную подписку на них было бы преждевременно. Аргументы, выдвинутые против нее, имеют какой-либо смысл лишь в абсурдных условиях нашего нынешнего книжного распределения.

В феврале 1987 г. газета «Книжное обозрение» опубликовала две статьи под рубрикой «Кому и зачем нужен Соловьев». Основная мысль, как видно уже из названия, в том, что 18-томник Соловьева широкому читателю не нужен. Это безусловно верно и не вызывает никаких возражений. Однако отсюда вовсе нельзя заключить, как это делает газета, что на Соловьева, а тем более на Ключевского не нужна безлимитная подписка. Пытаясь доказать недоказуемое, «КО», потеряв всякое чувство меры, уговаривает «массового читателя» не приобретать в домашние библиотеки эти объемистые и дорогостоящие издания. Одно из двух: либо газета забыла, что объявленная (оно же) цена тома Ключевского — 2 р. 00 к., либо она имеет в виду будущие чернорыночные цены. Далее. Заявив решительное «нет» безлимитной подписке, «КО» от имени члена-корреспондента АН СССР И. Ковальченко рекомендует любителям истории взамен «Истории...» Ключевского... романы Загоскина «Рославлев...», Данилевского «Сожженная Москва», «Записки кавалерист-девицы» Дуровой и другие произведения. Что ж, действуя в таком духе, нам бы, видимо, пришлось изучать добрый кусок XVIII века по известному роману Пикуля «Фаворит», а историю Великой Отечественной войны — по «Штирлицу» Юлиана Семенова. Перебор, конечно, но смысл именно таков. А мы все-таки бы желали изучать настоящую историю, а не романы о ней.

Сейчас стало известно, что Госкомиздат намерен

провести подписку на Соловьева и Ключевского строго по учреждениям соответствующего профиля, предоставив обычному читателю право пользоваться библиотеками. Этого якобы, как утверждает И. Ковальченко, «...требуют интересы науки и простая человеческая справедливость». Справедливость пытаются внедрить волевым способом, неким хитроумным административным приемом, не считаясь при этом с объективной реальностью. Но такие меры — и жизнь неоднократно это доказывала — не принесут результата. В борьбе с чернорыночной конъюнктурой все они окажутся не только бумажным мечом, но будут очень выгодны спекулянтам, помогая им взвинтить цены. Поэтому предлагаю следующее.

В качестве эксперимента объявить безлимитную подписку отдельно на 9-томник Ключевского и на «Историю...» Ключевского. По объему «История...» сравнительно невелика. Она меньше, например, 4-томника «1001 ночи», выпущенного недавно в течение года (!) тиражом 2 млн. экз. При цене 30—50 р. тираж «Истории...», думаю, не будет выше. И не потребуются, как опасается председатель Госкомиздата СССР М. Ф. Ненашев, на 6 лет закрывать издательства.

Стремиться к перестройке — значит осуществлять конкретные шаги. И пусть первым таким шагом будет безлимитная подписка на «Историю...» Ключевского.

Сергей КОВАЛЕНКО.

Приз:
Студенческий
Билет!

— «Представляешь, меня срочно вызывают ночью: на Гавайских островах происходят интересные события. Срочно вылетайте, самолет заказан... Или представь: я беру интервью на Северном полюсе у отважных полярников, иду в одной связке с альпинистами, чтобы написать потом сенсационный репортаж...

— А ты куда поступаешь?

— На журфак...

Друзья! У вас есть уникальная возможность поступить на факультет журналистики БЕЗ ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ЭКЗАМЕНОВ!

«20-я комната» в начале следующего года проведет конкурс, тему которого предложат наши читатели. Конкурс будет проводиться в два тура: из ваших сочинений мы отберем десять лучших, и победители первого тура по заданию «Юности» отправятся в командировки, расскажут о своих впечатлениях в репортажах, очерках, статьях. Победители второго тура будут БЕЗ вступительных экзаменов зачислены на первый курс факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

«20-я комната» хочет найти новых Гиляровских и Кольцовых. Принять участие в конкурсе могут все желающие, независимо от того, будет ли конкурсная работа первым журналистским опытом, брались ли вы раньше за перо или нет. Главное условие: участниками конкурса могут стать все ЧИТАТЕЛИ — ПОДПИСЧИКИ «Юности».

Предлагайте интересные, неожиданные темы.

В жюри конкурса войдут:

— Андрей ДЕМЕНТЬЕВ — главный редактор журнала «Юность»,

— Ясен ЗАСУРСКИЙ — декан факультета журналистики МГУ,

— Владимир АМИНСКИЙ — писатель, член редколлегии журнала «Юность»,

— Евгений СИДОРОВ — критик, член редколлегии журнала «Юность»,

— Михаил ХРОМАКОВ — редактор отдела публицистики.

На следующее заседание «20-й комнаты» мы пригласили Ясена Засурского — декана факультета журналистики МГУ, которого спросили, как стать журналистом.

Итак, ждем тем! Приз — студенческий билет!

В ЧЕЛОВЕКЕ ВСЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ПРЕКРАСНО...

«Юность» объявляет о шефстве в области духовной культуры над учащимися профтехучилищ.

Идея взять шефство над учащимися ПТУ родилась у нас не сразу. Вернее, она витала в воздухе. Но ее надо было осмыслить и как-то практически оформить. Все началось с писем ребят — печальных и радостных, полных вопросов, откровений, искренности, с наших раздумий о них. Из полученных за последнее время одно письмо запомнилось особенно. И не только запомнилось, а заставило возвращаться к нему вновь и вновь. Его прислал выпускник СПТУ, чья судьба складывалась весьма непросто. Юноша не жаловался на трудности, хотя они начались для него очень рано, как это бывает в «неблагополучных» семьях. Он пытался разобраться во всем — и в причинах отчужденности взрослых, и в своем непонимании происходящего.

Алексею — назовем его так, ибо он просил не упоминать его фамилии, — едва исполнилось шестнадцать. Но судя по письму — это человек широких интересов, тонко чувствующий прекрасное. Поразила фраза в письме, которую хочется процитировать: «Детство и юность даются нам, как своеобразный банковский счет: что вложил, на то и жить в зрелости и старости». Алексей имел в виду не денежный счет, конечно, а духовные богатства, которые каждый из нас получает с самого детства — от родителей и учителей, от мудрых книг и музыки, от доброты природы и красоты живописи.

Именно такими — духовно богатыми и щедрыми, красивыми душой и мыслями, прекрасными мастерами своего дела хотим все мы видеть будущих рабочих нашей страны. И они ждут наших слов и поступков, которые помогут им полнее обрести себя. Ибо так еще много у нас проблем с молодежью! Вот несколько цифр. Только в Российской Федерации насчитывается четыре с половиной тысячи профучилищ, где учатся полтора миллиона юношей и девушек. Из кого же состоит эта молодая поросль рабочего класса? Триста тысяч из них росли в так называемых «неполных семьях», семьях, где есть только один из родителей — отец или мать. Сорок — пятьдесят тысяч их не имеет вообще. Сто двадцать тысяч подростков состоят на учете в детских комнатах милиции. Около пятидесяти тысяч входят в конфликт с законом, семь-восемь тысяч имеют уже отсрочку приговора. Стоит ли продолжать эту тревожную статистику? А может быть, есть смысл попробовать разобраться в ней?

В каждом человеке изначально живет стремление к нравственному совершенствованию. Но тяготение это в большинстве своем имеет, к сожалению, пассивный характер и нуждается в определенной поддержке извне. В идеале эта поддержка должна бы исходить от родителей, усиливаться и развиваться в детском саду и далее — обретать глубину — в школе, училище, чтобы затем укрепить в юных душах влечение к самовоспитанию и постижению богатств культуры.

Но это в идеале. А когда речь идет о «неполных» семьях, нередко о сиротах, кто в этом случае должен восполнить пробел в их духовном воспитании?

И нередко «место», отведенное в человеке природой для духовных богатств, остается незаполненным... Незаполненным ли? Увы, это место в юной душе порой начинает занимать то, что обедняет, а не обогащает ее, то, что приносит горе и беду, а не радость и счастливую судьбу. Вспомним наркоманов, «балдеющих» в целлофановых мешках юнцов...

А в двери приемных комиссий сотен ПТУ продолжают стучаться все новые и новые мальчики и девочки. Стучатся, несмотря на их «непрестижность». Кстати, откуда и каким образом приклеилось это мудреное заморское словечко к роду учебных заведений, с которым связано столько славных страниц нашей истории? Достаточно вспомнить мальчиков и девочек из предвоенных и военных ремесленных училищ, взявших на свои худенькие плечи нелегкий труд взрослых, ушедших на фронт, чтобы вознегодовать против этого «не» в приложении к ним.

А какие имена дала нам школа профтехобразования, навечно вписав их в созвездие лучших людей нашего Отечества?! С. П. Королев, Ю. А. Гагарин... Выдающийся конструктор двигателей космических аппаратов В. П. Глушко, один из творцов сверхзвуковой авиации, дважды Герой Социалистического Труда А. И. Микоян. А сколько воспитанников школ ФЗО стали блистательными актерами, певцами, музыкантами?!

Правда, бывает и так, что некоторые из них не любят вспоминать об этой строке своей биографии. Но почему же? Стыдятся рабочей юности? Что это — превратное понимание престижа художника и уверование в искусственно созданную «непрестижность» ПТУ? Или откровенный снобизм, противоречащий сущности настоящего творца, подлинной личности? Пусть ответ на этот вопрос остается пока открытым. А мы с вами вспомним лучше, что Сергей Павлович

Королев и Юрий Алексеевич Гагарин не только не чужались, а, напротив, всегда гордились этим фактом из своей жизни. Гордились! И, конечно же, были правы.

Так что же все-таки делать с той, названной нами печальной статистикой? Как помочь тем — живым людям, стоящим за страшными, многозначными и будто бы неживыми цифрами? Как помочь тем, кто, наверное, и даже сам еще не ведает, что нуждается в помощи? Как помочь вообще всем, кто может и должен стать личностью, в полном смысле этого слова?

Нам кажется, что особенно злободневно встает эта проблема сейчас, когда мы готовимся достойно встретить 70-летие Великого Октября.

Итак, сначала родилась идея. За ней потянулись предложения, постепенно обретающие конкретные формы. И вскоре сложился целый конструктивный план. А если еще точнее — многоэтапная программа, начало которой совпадает с тем временем, когда вы возьмете в руки этот номер журнала «Юность». С уже наступившим сентябрем.

Суть идеи в ее девизе: «Юность искусства — рабочей юности». Мы рассчитываем в первую очередь на молодежь. И, в частности, творческую. И надеемся, что именно с ее помощью и участием сумеем сберечь свои намерения и действия от рутины и формализма.

На первом этапе в реализации нашего курса — на духовность, на нравственное совершенствование принимают участие пять творческих вузов Москвы — Литературный институт им. А. М. Горького, Московская консерватория, Государственный институт театрального искусства им. А. В. Луначарского, Всесоюзный государственный институт кинематографии...

Программа-минимум — открытие культурного центра «Личность» в СПТУ-43 Люберецкого района Московской области, предусматривающего сто общенный ребятам с искусством на протяжении всего учебного года. Молодые поэты, прозаики, музыканты, художники, актеры, студенты ведущих творческих вузов Москвы, постараются донести до них духовные ценности Отечества, без которых невозможно стать полноценной личностью.

Наш Центр откроется 1 сентября и поведет общение с искусством учащихся СПТУ до конца учебного года. Завершится оно фестивалем искусств — «Твой духовный облик», в котором смогут участвовать и проявить полученные за год познания все желающие.

Победителям будут вручены специальные дипломы журнала «Юность» и Государственного комитета РСФСР по профтехобразованию.

«Юность» будет информировать своих читателей о том, как ребята практически овладевают богатствами культуры своего народа. Параллельно — мобильные творческие группы, сформированные из студентов этих же вузов, которые будут «высаживаться» на первом этапе в городах, расположенных недалеко от Москвы (Калинин, Рязань и т. д.). А со временем расширят зону своего воздействия. Уже составлены программы по каждой области искусства — литературе, музыке, живописи, театру... Они содержат в себе тот минимум познаний, каковым должен обладать всякий уважающий культуру своего народа. Культурный Центр предусматривает, конечно же, исключительно свободное и добровольное посещение. Иначе, какое же это общение с Прекрасным — по призыву?

Второй этап наших с вами действий — открытие в столице Всероссийского культурного центра учащихся СПТУ. Уже сейчас мы ходатайствуем перед городскими властями о выделении помещения для этой большой и важной цели. После положительного решения вопроса рассчитываем на непосредственное участие самих учащихся СПТУ в реконструкции и благоустройстве здания будущего культурного Центра.

В нем они смогут проводить вечера музыки, поэзии, танца, обсуждение кинофильмов, снятых студентами ВГИКа, создадут здесь свое литературное объединение. Сюда можно будет и просто заглянуть на чашечку кофе, чтобы встретиться с друзьями, пообщаться, обсудить свои проблемы, послушать музыку или потанцевать. В нашем представлении культурный Центр должен стать местом, где молодой рабо-

чий будет одновременно и желанным гостем, и гостеприимным хозяином.

Третий и, разумеется, самый значительный этап нашей программы — придать ей всесоюзный масштаб. Для решения этой главной задачи сил «Юности», даже учитывая ее более чем трехмиллионный тираж, и сил творческих вузов столицы будет явно недостаточно. Поэтому мы призываем к активной помощи все творческие союзы страны, художественные, музыкальные, театральные и другие учебные заведения и учреждения культуры. Редакция ждет писем и просит читателей обращаться как за нашими советами, так и со своими собственными идеями, предложениями. И желательно — с практической помощью. А в будущем мы думаем организовать нечто вроде всесоюзного фестиваля учащихся СПТУ. С конкурсами, карнавалами, фейерверками, музыкой, живописью, литературой, кино. С активным участием в нем молодежной редакции Центрального телевидения. Все, как говорится, в наших с вами руках, ребята!

Но погодите: все ли? Нет, мы не питаем несбыточных иллюзий. Естественно, что идея наша может подвергаться сомнениям. Найдутся, наверное, и ее противники. Да, мы уже столкнулись с первыми трудностями. И можем поделиться — пока небольшим, но, к сожалению, достаточно горьким опытом. Пусть он послужит предостережением для наших сторонников и будущих последователей. И, наверно, поможет им избежать подобных же разочарований в своих поисках. А еще мы надеемся, что таким образом, возможно, заставим задуматься и ожидаемых противников.

Итак, с чем мы столкнулись сразу же?

Проведенный нами опрос, в частности, показал, что рабочий человек знает о балете очень мало, а рабочая молодежь и вовсе почти ничего. Чтобы восполнить в будущем этот пробел, мы решили привлечь к нашей работе старшекласников балетного училища. Заместителя секретаря партбюро Московского академического хореографического училища Сенченко Л. И., к которой мы обратились за помощью и советом, идея Центра, очень ласково выражаясь, не заинтересовала. И энтузиазм наш был ею несколько охлажден. Нам пришлось выслушивать длинный монолог Людмилы Ивановны о «нечеловеческой» загруженности балетных учеников занятиями, плановыми концертами, выступлениями перед иностранными гостями. В утешение она пообещала нам в будущем один концерт, но согласованный как минимум за полгода.

И все-таки мы верим, что сторонников у нас будет гораздо больше, нежели противников. Мы уже обсуждали свои намерения и с самими учащимися СПТУ. Ребята дружно «за!». И это нас вдохновляет...

У нашего народа всегда был и есть могучий потенциал духовности. И на его основе зиждется наша уверенность — победить, непременно победить в борьбе с духовным голодом, проявляющимся у части нашей молодежи. И потому счет номер один, который «Юность» как бы открывает сегодня, счет духовности ждет своих вкладчиков. И мы надеемся, что он найдет их в великом множестве. И среди самих читателей нашего журнала, и среди широкой общественности. Ведь духовность, как и любой другой капитал, проценты и прибыль дает только в том случае, когда находится в постоянном обращении.

И, скажем еще раз, — это дело *каждого*. Это дело *всех* нас. Равнодушных к нему не должно быть. Ибо неудовлетворенные культурные потребности того же молодого рабочего могут обратиться бумерангом не только к нему самому, но и ко всем нам, живущим рядом с ним и вместе с ним.

Ждите наших вкладов, а мы ждем ваших. «Красивые образы вызывают красивые мысли, а красивые мысли способны построить более красивую жизнь» — ныне, спустя двадцать три века, мы заново открываем эту истину, озарившую еще в далекой древности Платона...

Так, в добрый путь!

Белла
АХМАДУЛИНА

☆☆☆

Памяти О. Мандельштама

В том времени, где и злодей —
лишь заурядный житель улиц,
как грозно хрупко иудей,
в ком Русь и музыка очнулись.

Вступленье: ломкий силуэт,
повинный в грациозном форсе.
Начало века. Младость лет.
Сырое лето в Гельсингфорсе.

Та — бог иль барышня? Мольба —
чрез сотни верст любви нечеткой.
Любуется! И гений лба
застенчиво завешен челкой.

Но век желает пировать!
Измученный, он ждет предлога —
и Петербургу Петроград
оставит лишь предсмертье Блока.

Знал и сказал, что будет знак
и век падет ему на плечи.
Что может он? Он ниц и наг
пред чудом им свершенной речи.

Ему — особенный почет,
двойное злорадство неба,
певец, снабженный кляпом в рот,
и лакомка, лишенный хлеба.

Гортань, затеявшая речь
неслышанную, — так открыта.
Довольно, чтоб ее пресечь
и меньшего усердия быта.

Из мемуаров: «Мандельштам
любил пирожные». Я рада
узнать об этом. Но дышать —
не хочется, да и не надо.

Так значит, пребывать творцом,
за спину заломивши руки,
и безымянным мертвецом
все ж недостаточно для муки?

И в смерти надо знать беду
той, не утихшей ни однажды,
беспечной, выжившей в аду,
неугасимой детской жажды?

В моем кошмаре, в том раю,
где жив он, где его я прячу,
он сыт! А я его кормлю
огромной сладостью! И плачу!

☆☆☆

Так дружно весна начиналась: все други,
дружны вступили в сады-огороды.
Но, им для остротки и нам для науки,
сдружились суровые силы природы.

Апрель, благодетельный к сирым и нищим,
явился южанином и инородцем.
Но мы попривыкли к зиме и не ищем
потачки его. Обойдемся норд-остом.

Снега, отступив, нам прибавили славы.
Вот — землечерпалка со дна половодья
взошла, чтоб возглавить величие свалки
насушной, поскольку субботник сегодня.

Но сколько же ярко цветущих коррозий,
диковинной, миром не знаемой гнили
смогли мы содейть за век наш короткий,
чтоб наши наследники нас не забыли.

А вдруг нам откликнутся силы взаимны
пространства, что смотрит на нас обреченно?
Субботник окончен. Суббота — в зените.
В Тарусу я следую через Пачево.

Но все же какие-то русские печи
радеют о пище, исходят дымами,
еще из юдоли не выпрягли плечи
пачевские бабки: две Ньюры, две Мани.

За бабок пачевских, за эти избушки,
за кладни, за желто-прозрачную иву
кто просит невидимый: о, не забудь же! —
неужто отымут и это, что иму?

Деревня — в соседях с нагрянувшей дурью
захватчиков неприкасаемой выси.
Что им-то неймется? В субботу худую
напрасно они из укрытия вышли.

Буксуют в грязи похитатели неба.
Мои сапоги достигают Тарусы.
С Оки задувает угрозой снега.
Грозу предрекают пивной златоусты.

Сбывается та и другая растрата
небесного гнева. Знать, так нам и надо.
При снеге, под блеск грозового разряда,
в «Оке», в заведение второго разряда,
гуляет электрик шестого разряда.
И нет меж событиями сими разлада.

Всем путникам плохо и плохо рессорам.
А нам — хорошо перекинуться словом
в «Оке», где камин на стене нарисован,
в камин же — огонь воожженный врисован.

Подале от вас! Но становится гулок
субботы разгул. Поищу-ка спасенья.
Вот этот овраг назывался: Игумнов.
Руины над ним — это храм Воскресенья.

В огне дожигает последок зарплаты
Василий, шестого разряда электрик.
Сокроюсь, коллеги и лауреаты,
в содружество с ним, в просторечье элегий.

Где мальчик заснул знаменитый и бедный
нежнее, чем камни, и крепче, чем дети,
пошли мне, о ты, на кресте убиенный,
надежду на близость Пасхальной недели.

В Алексин иль в Серпухов двинемся если,
какой-нибудь странник и после вернется,
к нам тайная весть донесется: Воскресе!
Воистину! — скажем. Так все обойдется.

Фазиль
ИСКАНДЕР

КРОЛИКИ И УДАВЫ

Философская сказка

Это случилось в далекие-предалекие времена в одной южной-преюжной стране.

В этот жаркий летний день два удава, лежа на большом мшистом камне, грелись на солнце, мирно переваривая недавно проглоченных кроликов. Один из них был старый одноглазый удав, известный среди собратьев под кличкой Косой, хотя он был именно одноглазый, а не косой...

Другой был совсем юный удав и не имел еще никакой клички. Несмотря на молодость, он уже достаточно хорошо глотал кроликов и поэтому внушал достаточно большие надежды. Во всяком случае, он еще недавно питался мышками и цыплятами диких индеек, но теперь уже перешел на кроликов, что было, учитывая его возраст, немалым успехом.

Вокруг отдыхающих удавов расстилались густые тропические леса, где росли слоновые и кокосовые пальмы, банановые и ореховые деревья. Порхали бабочки величиной с маленькую птичку и птицы величиной с большую бабочку. Вспыхивая разноцветным оперением, с дерева на дерево перелетали попугаи, даже на лету не переставая тараторить.

Иногда на вершинах деревьев трещали ветки и взвизгивали обезьяны, после чего раздавался сонный рык дремлющего поблизости льва. Услышав рык, обезьяны переходили на шепот, но потом, забывшись, опять начинали взвизгивать, и опять лев рыком предупреждал их, что они ему мешают спать, а он с вечера отправляется на охоту.

Обезьяны снова переходили на шепот, но совсем замолкнуть никак не могли. Они вечно о чем-то спорили, а чего они не поделили, было непонятно.

Впрочем, два удава, отдыхающие на мшистом камне, не обращали внимания на эти взвизги. Какие-нибудь глупости, думали они, иногда мимоходом улавливая обезьянью возню, какой-нибудь гнилой банан не поделили, вот и спорят...

— Я одного никак не могу понять, — сказал юный удав, только недавно научившийся глотать кроликов, — почему кролики не убегают, когда я на них смотрю, ведь они обычно очень быстро бегут.

— Как — почему? — удивился Косой. — Ведь мы их гипнотизируем...

— А что такое «гипнотизировать»? — спросил юный удав.

Следует сказать, что в те далекие времена, которые мы взяли описывать, удавы не душили свою жертву, но, встретившись или, вернее, сумев подстеречь ее на достаточно близком расстоянии, взглядом вызывали в ней то самое оцепенение, которое в простонародье именуется гипнозом.

— А что такое «гипнотизировать»? — стало быть, спросил юный удав.

— Точно ответить я затрудняюсь, — сказал Косой, хотя он не был косой, а был только одноглазый, — во всяком случае, если на кролика смотреть на достаточно близком расстоянии, он не должен шевелиться.

— А почему не должен? — удивился юный удав. — Я, например, чувствую, что они у меня иногда даже в животе шевелятся.

— В животе можно, — кивнул Косой, — только если он шевелится в нужном направлении.

Тут Косой слегка поерзал на месте, чтобы сдвинуть проглоченного кролика, потому что тот вдруг остановился, словно услышал их разговор.

Дело в том, что в жизни этого старого удава был несчастный случай, после которого он лишился одного глаза и едва остался жив. Каждый раз, когда он вспоминал этот случай, проглоченный кролик останавливался у него в животе и приходилось слегка поерзать, чтобы сдвинуть его с места. Вопросы юного удава опять напомнили ему этот случай, который он не любил вспоминать.

— Все-таки я не понимаю, — через некоторое время

спросил юный удав, — почему кролик не должен шевелиться, когда мы на него смотрим?

— Ну, как тебе это объяснить? — задумался Косой. — Видно, так жизнь устроена, видно, это такой старинный приятный обычай...

— Для нас, конечно, приятный, — согласился юный удав, подумав, — но ведь для кроликов неприятный?

— Пожалуй, — после некоторой паузы ответил Косой.

В сущности, Косой для удава был чересчур добрый, хотя и недостаточно добрый, чтобы отказаться от нежного мяса кроликов. Он делал для кроликов единственное, что мог, он старался их глотать так, чтобы причинить им как можно меньше боли, за что в конце концов и поплатился.

— Так неужели кролики, — продолжал юный удав, — никогда не пытались восстать против этого неприятного для них обычая?

— Была попытка, — ответил Косой, — но лучше ты меня об этом не спрашивай, мне это горько вспоминать...

— Но, пожалуйста, — взмолился юный удав, — мне так хочется послушать про что-нибудь интересное!

— Дело в том, — отвечал Косой, — что восстал именно мой кролик, после чего я и остался одноглазым.

— Он что, тебе выцарапал глаз? — удивился юный удав.

— Не в прямом смысле, но, во всяком случае, по его вине я остался одноглазым, — сказал Косой, прислушиваясь, как воздействуют его слова на движение кролика внутри живота. Ничего, кролик как будто двигался...

— Расскажи, — снова взмолился юный удав, — мне очень хочется узнать, как это случилось...

Косой был очень старый и очень одинокий удав. Взрослые удавы к нему относились насмешливо или враждебно, поэтому он так дорожил дружеским отношением этого еще юного, но уже вполне умелого удава.

— Ладно, — согласился Косой, — я тебе расскажу, только учти, что это секрет, молодые удавы о нем не должны знать.

— Никогда! — поклялся юный удав, как и все клянущиеся в таких случаях, принимая жар своего любопытства за горячую верность клятве.

— Это случилось лет пятьдесят тому назад, — начал Косой, — я тогда был ненамного старше тебя. В тот день я подстерег кролика у Ослиного Водооя и вполне нормально проглотил его. Сначала все шло хорошо, но потом, когда кролик добрался до середины моего живота, он вдруг встал на задние лапы, уперся головой в мою спину и...

Тут Косой внезапно прервал свой рассказ и стал к чему-то прислушиваться.

— Уперся головой в твою спину и что? — в нетерпении спросил юный удав.

— Сдается мне, что нас подслушивают, — сказал Косой, поворачиваясь зрячим профилем в сторону кустов рододендрона, возле которых они лежали.

— Нет, — возразил юный удав, — тебе это показалось, потому что ты плохо слышишь. Рассказывай дальше!

— Я косой, а не глухой, — проворчал старый удав, но постепенно успокоился. По-видимому, подумал он, шорох ветра в кустах рододендрона я принял за шевеление живого существа.

И он продолжил свой удивительный рассказ. Так как он часто прерывался — то занимаясь своим кроличьим запором, то подозревая, что его кто-то подслушивает, с чем юный удав никак не соглашался, потому что опасения за чужую тайну всегда кажутся преувеличенными, — мы более коротко перескажем эту историю.

Не опасаясь подслушивания, да и, признайтесь, приятно быть смелым за счет чужой тайны, мы расскажем все как было.

Итак, Косой, который тогда не был ни старым, ни косым, проглотил кролика у Ослиного Водооя. И действительно сначала все шло как по маслу, пока кролик вдруг не встал на задние лапы и снизу не

уперся головой ему в спину, давая понять, что он дальше двигаться не намерен.

— Ты что, — говорил ему Косой, — баловаться взду-мал? Переваривайся и двигайся дальше!

— А я, — кричит кролик из живота, — назло тебе так и буду стоять!

— Делай им после этого добро, — сказал Косой и, подумав, добавил: — Посмотрим, как ты устоишь...

И стал он лупцевать его своим молодым, еще эластичным и сильным хвостом. Лупцует, лупцует, аж самому больно, а кролику ничего.

— А мне не больно, а мне не больно! — кричит он из живота.

В самом деле, подумал удав, ведь шкура у меня толстая, и вся боль, предназначенная этому негодяю, приходится на меня самого.

— Ладно, — все еще спокойно говорит Косой, — сейчас я тебя сдерну оттуда...

Он посмотрел вокруг, нашел глазами огромную кокосовую пальму, у которой один из корней, подмытый ливнями, горбился над землей. Он осторожно прополз под корень до того самого места, где живот его растопырил этот живучий кролик.

— Ложись! — крикнул он. — Сейчас молотить начну!

— Молоти! — отвечал ему из живота этот бешеный кролик. — Сейчас покрепче упрись!

Тут удав в самом деле разозлился и давай ерзать изо всех сил под своим корнем: взад-вперед! взад-вперед!

Пальма трясется, кокосовые орехи летят на землю, а кролику хоть бы что!

— Давай! — кричит. — Еще! — кричит. — Слабо! — кричит.

Косой от ярости так растряс пальму, что обезьяна, с любопытством следившая за его странным поведением, неожиданно свалилась ему на голову. Удар был очень чувствительный, потому что обезьяна летела с самой вершины этой пальмы. Он попытался ее укусить, но она, шлепнувшись ему на голову, успела отлететь в сторону. Он метнулся было за нею, но кролик, стоявший у него поперек живота, не дал ему дотянуться до нее.

Уже до этого достаточно оскорбленный поведением кролика, а теперь и вовсе обесчещенный падением обезьяны на голову, удав пришел в неимоверную ярость и так дернулся, что корень обрвался и он изо всех сил ударился головой о самшитовое дерево, росшее рядом, и потерял сознание.

Примерно через час он пришел в себя и, приподняв голову, огляделся. Хотя в голове у него гудело, он все-таки услышал вокруг родное шипение родных удавов. Узнали, значит, приползли, переговариваются...

— Коль не повезет, — прошипел один, — так и кроликом подавишься...

— А некоторые еще нам завидуют, — сказал удав, известный среди удавов тем, что привык все видеть в мрачном свете.

— Братцы, — простонал Косой, — умялся он там, пропихнулся?

— Примерно на одну обезьяню ладонь пропихнулся, — сказал удав, лежавший поблизости.

— Смотря какая обезьяна, — вдруг сверху с пальмы проговорила мартышка, — если взять орангутана, то получится, что кролик и на четверть ладони не продвинулся...

— Этот кролик и не пропихнулся и не умялся, — подхватил удав, привыкший все видеть в мрачном свете, — как стоял колом, так и стоит...

— Братцы, — взмолился Косой, — помогите...

— Плохи наши дела, — вдруг раздался голос Царя удавов Великого Питона, — дурной пример заразителен... Уже обезьяны начинают нас поучать...

— А что, обезьяны хуже других? — сварливо огрызнулась с пальмы мартышка. — Чуть что, сразу обезьяны, обезьяны...

Услышав голос Великого Питона, бедный Косой пришел в ужас и даже забыл о своих несчастях. Дело в том, что, появляясь среди удавов, Великий Питон произносил боевой гимн, который все удавы в

знак верности должны были выслушивать, приподняв голову.

Вот слова этого короткого, но по-своему достаточно выразительного гимна:

Потомки дракона,
Наследники славы,
Питомцы Питона,
Младые удавы,
Проглоченных кроликов сладкое бремя
Несите! Так хочет грядущее Время!

Для Великого Питона все удавы считались младыми, даже если они по возрасту были старше его. Удав, прослушавший приветствие, не приподняв головы, лишался жизни как изменник.

Вот почему Косой, еще не ставший Косым, услышав голос Великого Питона, пришел в ужас, ведь он был в бессознательном состоянии и не мог поднять головы во время чтения гимна.

На самом деле он напрасно испугался. Привычка при звуках гимна подымать голову была так сильна, что он и в бессознательном состоянии, услышав гимн, поднял голову вместе со всеми удавами.

По предложению Великого Питона удавы стали обсуждать, как спасти своего неудачливого соплеменника. Один удав предложил ему доползти до вершины самой высокой пальмы и оттуда шлепнуться на землю, чтобы раздавить дерзкого кролика.

— Что вы, братцы, — взмолился пострадавший, — да я сейчас и не доползу... А если доползу, то обязательно шлепнусь не тем местом... Мне же не везет...

— Верно, не доползет, — сказал Великий Питон. — Какие еще будут предложения?

— А может, кролика выпустить, и дело с концом? — неуверенно проговорил один из удавов.

Великий Питон задумался.

— С одной стороны, это выход, — сказал он, — но, с другой стороны, пасть удава — это вход, а не выход...

— А мы его не пустим, — осмелел тот, что внес это странное предложение, — как только он выскочит, мы его тут же обработаем.

— Да я лучше ежа проглочу, чем этого бешеного кролика, — сказал удав, привыкший все видеть в мрачном свете.

— Тише, — предупредил Великий Питон, — шипите шепотом, не забывайте, что враг внутри нас... Во всяком случае, внутри одного из нас... За всю свою жизнь, а мне, слава богу, двести лет, был только один случай, чтобы кролик выскочил из пасти удава.

— Расскажи, — стали просить удавы, — мы об этом никогда не слышали.

— Братцы, — застонал Косой, — решайте скорее, а то уже нет сил терпеть.

— Подожди, — ответил Великий Питон, — дай мне поговорить со своим народом... Это случилось в те золотые времена, когда среди удавов была распространена игра, которая называлась «Кролика на кролика до следующего кролика».

— Да что еще это за игра? — закричали удавы. — Расскажи нам о ней!

— Братцы, — снова взмолился Косой, но его уже никто не слушал. Обычно, если Великий Питон начинал вспоминать о том, что было раньше, его трудно было остановить.

А между прочим, в самом деле в старину среди удавов была распространена эта игра. Один удав, проглотивший кролика, находил другого удава, проглотившего кролика, и предлагал ему:

— Кролика на кролика до следующего кролика?!

— Идет, — отвечал второй удав, если соглашался на игру.

Игра заключалась в том, что два играющих удава ложились рядом и по знаку третьего, который брал на себя роль судьи, кролики начинали бегать наперегонки внутри удавов — от хвоста до головы и обратно. Чей кролик оказывался проворней, тот и выигрывал. Бег кроликов внутри удавов можно было легко проследить, потому что спина удава волнообразно прогибалась по ходу движения кролика. Забавно, что сам бег кроликов вызывался тем, что судья, изменив голос, кричал кроликам:

— Бегите, кролики, удав рядом!

После этого оба кролика начинали метаться внутри удавов, потому что, очнувшись от гипноза, они никогда не помнили, что с ними случилось. Они считали, что попали в какую-то странную нору, из которой надо искать выход.

Удав, чей кролик оказывался проворней, считался победителем. Выигрыш его состоял в том, что проигравший должен был найти ему кролика, загипнотизировать его и, скромно отползая в сторону, дать проглотить выигравшему. Это была адская мука. Некоторые удавы после двух-трех проигрышей не выдерживали и заболели нервными болезнями.

По словам Великого Питона, в этой игре имелаась та особенность, что чем больше выигрывал тот или иной удав, тем сильнее растягивался его желудок, чем сильнее растягивался его желудок, тем легче становилось бежать следующему кролику и, следовательно, тем больше шансов выиграть появлялось у этого удава. Среди удавов, оказывается, даже был один чемпион, который так разработал свой желудок, что заставлял внутри него бегать козленка.

— Царь, а, Царь, — вдруг перебил Великого Питона удав-коротышка.

Среди удавов он был известен своей неутомимой любознательностью, которая его уже привела к тому, что он вместо кроликов начал глотать бананы и притом имел наглость уверять, будто они довольно вкусные. К счастью, этому вольнодумству никто из удавов не последовал. Все-таки Коротышка Великому Питону был неприятен, как моральный урод.

— Царь, а, Царь, — спросил Коротышка, — а что если я, например, короткий, а другой, например, длинный?.. Во мне кролик быстрее будет бегать от головы до хвоста?

— У-у-у, Коротышка, — зашипел на него Великий Питон, — вечно ты себя противопоставляешь... Не думай, что в старину удавы были глупее тебя. Если один из удавов оказывался длиннее, его подворачивали настолько, насколько он оказывался длиннее.

Тут удавы пришли в радостное возбуждение, до того им понравился рассказ Царя и удивительно справедливые условия этой древней игры.

— Да здравствует Царь и его память! — закричали они. — Хотим играть в эту замечательную игру!

— К сожалению, невозможно, — печально сказал Великий Питон, дождавшись тишины.

— Почему?! — уныло стали вопрошать удавы. — Вечно ты нас ограничиваешь! Мы тоже хотим, чтобы кролики бегали внутри нас.

— Потому что случилось великое несчастье, — сказал Царь, — после чего пришлось ограничить свободу передвижения кроликов внутри удавов.

— Вот так всегда, — проворчал удав, привыкший все видеть в мрачном свете, — ограничивают свободу кроликов, а страдают удавы.

— Дело в том, — продолжал Великий Питон, — что во время игры один из удавов то ли чересчур широко разинул пасть, то ли кролик его слишком взмылился, но он неожиданно выскочил у него из пасти и убежал в лес.

— Невероятно! — в один голос воскликнули несколько удавов.

— Каков подлец! — качали головами и шипели другие.

— Невероятно, но факт, — рассказывал Великий Питон, — это были самые черные дни нашей истории. Было неясно, что расскажет бежавший кролик о нашем внутреннем строении. Как воспримут его слова остальные кролики. Конечно, были приняты меры для его поимки, объявлена награда, но разложение произошло уже и в ряды удавов. Через некоторое время одно за другим стали поступать сообщения о том, что тот или иной удав поймал этого преступного кролика и обработал его. Но именно потому, что бежавший кролик был один, а сообщений о его заглоте было много, трудно было поверить, что он пойман. Но потом постепенно мы успокоились. Во всяком случае, со стороны кроликов организованного сопротивления не замечалось. Не исключено, что бежавший кролик был пойман каким-нибудь скромным периферийным

удавом, который проглотил его, не только не требуя награды, но и сам не ведая о том, кого он глотает. Через некоторое время мы казнили удава-ротозея, и жизнь вошла в нормальную колею. Правда, эту чересчур азартную игру пришлось запретить, так же как и противоестественное продление жизни кроликов внутри удавов. Проглотил — изволь обрабатывать — нечего церемониться...

Великий Питон помолчал, вспоминая великолепные подробности казни удава-ротозея. Ему хотелось, чтобы кто-нибудь спросил об этой казни, но никто не спрашивал, и тогда он шепнул одному из помощников, чтобы тот организовал вопрос из среды рядовых удавов.

— Группа удавов интересуется, — раздался наконец вопрос, — как именно казнили удава-ротозея?

— Свообразный вопрос, — кивнул головой Великий Питон, — это было великолепное зрелище... Сейчас мы отменили эту казнь, и, честно скажу, напрасно. Смысл казни — самопоедание удава. Ему не давали есть в течение двух месяцев, а потом всунули его собственный хвост в его собственную пасть. Трудно представить себе что-нибудь более поучительное. С одной стороны, он понимает, что это его собственный хвост и ему жалко его глотать, с другой стороны, как удав, он не может не глотать то, что попадает ему в пасть. С одной стороны, он, самопожираясь, уничтожается, с другой стороны, он, питаясь самим собой, продлевает свои муки. В конце концов от него остается почти одна голова, которую расклеивают грифы и вороны.

— Какое грозное зрелище! — воскликнули некоторые удавы. А некоторые молча стали коситься на свои хвосты.

— Не хватало новой заботы, — сказал удав, привыкший все видеть в мрачном свете, — теперь, свиваясь в кольца, я буду думать: а вдруг мой хвост случайно попадет мне в рот?

— Зато будьте спокойны, — сказал Великий Питон, — с тех пор ни один удав не выпускал из себя кролика.

— А все-таки это дикость! — вдруг воскликнул Коротышка, не слишком высываясь из-за дальних рядов.

Не успели удавы что-нибудь сказать по поводу этого грубого выпада, как услышали нечто и вовсе неслыханное.

— Мерзавец! — вдруг раздался чей-то отчетливый голос.

Все удавы стали подозрительно оглядывать друг друга, стараясь угадать, кто посмел произнести столь оскорбительное слово.

Косой, о котором к тому времени все забыли, с ужасом почувствовал, что это был голос кролика, которого он так неудачно проглотил. Он знал, что несет полную ответственность за поведение проглоченного кролика, и потому пришел в ужас.

На всякий случай, пока другие удавы не догадались, кто кричал, он стал озираться как бы в поисках оскорбителя Царя.

— Кто сказал «мерзавцы»?! — страшным голосом прошипел Великий Питон, оглядывая ряды своих питонцев, смущенно прячущих головы в траву. — Уж не ты ли, Коротышка?!

— Я сказал про дикость, а про мерзавца, — подчеркнул ехидно Коротышка, — я не говорил.

Великий Питон нарочно перевел оскорбительное слово во множественное число, чтобы оно, относясь ко многим удавам, к нему лично, Великому Питону, относилось в виде такой дробы, где оскорбление как бы делилось на общее количество присутствующих удавов. Ему казалась такая дробь менее оскорбительной, хотя, в сущности, иная компания содержит в себе вещество мерзости, намного превосходящее то количество, которое необходимо для выполнения нормы мерзавца каждым членом этой компании, то есть на каждого мерзавца этой компании может распределиться полуторная норма мерзости, если они будут настаивать на математическом выражении своей доли мерзости.

Кстати говоря, впоследствии туземцы усвоили этот

обычай удавов придавать оскорблению расширительный смысл, чтобы скрыть долю своей подлости, если дело касается подлеца, или долю своей мерзости, как в этом случае, если дело касается мерзавца.

Итак, Коротышка напомнил, что именно говорил он сам и в каком именно числе было употреблено оскорбительное слово неизвестным оскорбителем. Именно потому, чтобы не заострять внимание на этой неприятной тонкости, Великий Питон не стал особенно придираться к нему.

— У-у-у, Коротышка, — только прошипел он в его сторону, — я еще сотру тебя в пыль!

— Мерзавец! — вдруг снова произнес кролик из живота Косого.

— Прошу тебя, помолчи, — взмолился Косой, холодея от ужаса.

— Я здесь не для того, чтобы молчать! — громко сказал кролик.

Окружающие удавы с недоумением оглядывали Косого, никак не понимая, почему этот неудачник посмел говорить с таким предсмертным нахальством. Все они, заслушавшись рассказом Великого Питона, забыли, что внутри Косого сидит живой энергичный кролик.

— Так это ты?! — наконец прошипел Великий Питон, обратившись к Косому, который все еще не был Косым, хотя и очень близко подошел к тому, чтобы им стать.

— Это не я, это во мне, — в ужасе признался Косой.

— Раздвоение личности?! — брезгливо предположил Великий Питон. Среди удавов это считалось позорной болезнью.

— О, Царь, — взмолился Косой, — вы, как всегда, увлекшись великим прошлым, забыли, что во мне кролик...

— Ну и что? — перебил его Великий Питон. — И во мне кролик и к тому же не единственный...

Но тут к нему склонился один из его помощников и нащептал ему на ухо о том, что здесь произошло.

— Ах, да, — вспомнил Царь, — так это он назвал всех нас мерзавцами?

— Да, я! — воскликнул дерзкий кролик из оцепеневшего от ужаса удава. — Ты первый мерзавец среди своих мерзавцев и притом тупица!

— Я мерзавец?! — повторил Великий Питон, не находя слов от гнева.

— Да, ты мерзавец! — радостно закричал дерзкий кролик.

— Я тупица?! — не веря своим ушам, повторил Великий Питон.

— Да, ты тупица! — восторженно выкрикнул кролик. На этот раз голос его был особенно отчетливым, потому что бедный Косой, от ужаса разинув пасть, так и застыл.

Воцарилась нехорошая тишина, во время которой Великий Питон не сводил глаз с Косого.

— Твой желудок стал трибуной кролика, — сказал он грозно, — но ты за это заплатишься, жалкий инвалид.

— О, мой Царь, — простонал бедный Косой.

— Никаких Царей, — сурово отвечал Великий Питон, — удав, из которого говорит кролик, это не тот удав, который нам нужен.

— Не тот, не тот, — зашепели удавы.

— А потому, — продолжал Великий Питон, наконец приходя в себя, — выволоките его на Слоновую Тропу, пусть они утрамбуют этого дерзкого кролика, если этот жалкий инвалид не мог сам его утрамбовать.

Удавы из стражи Великого Питона подхватили Косого и поволокли его в сторону Слоновой Тропы. Пока они волокли его, кролик не переставая вопил из его живота.

— Кролики! — кричал он. — Один кролик сбежал из живота удава! Сам Царь об этом говорил! Сопроводитесь удавам! Даже в животе! Как я!

— Волочите быстрее! — приказал Великий Питон, которому разглашение этой племенной тайны очень не понравилось.

— Мы стараемся, — отвечали стражники, — но он упирается...

— Братцы,— шептал им в это время Косой,— помилосердствуйте, ведь меня слоны затопчут вместе с кроликом.

— Кролики тебе братцы,— отвечали стражники, уволакивая его в глубину джунглей.

— Кролики! — все еще доносился голос дерзкого кролика. — Один кролик сбежал из пасти удава! Царь сам рассказывал!

— Хи-хи-хи,— вдруг раздался ехидный смех Коротышки,— сам говорил, шипите шепотом, а сам племенную тайну разгласил.

— Выродок,— отвечал Великий Питон, чтобы не опускаться до спора с Коротышкой,— бананами питаешься, обезьяна...

— А чем обезьяны хуже вас? — крикнула мартышка, высунувшись из густой кроны грецкого ореха. — Чуть что, сразу обезьяны, обезьяны...

Впрочем, как только Великий Питон поднял голову, она тут же юркнула в зеленую крону и зацелкала орехами, то и дело бросая вниз сердитые скорлупки.

Обезьяны находились в сложных отношениях с удавами. Дело в том, что обывай удавов разрешал питаться обезьянами, но, так как они слишком волосатые и не слишком вкусные, питаться обезьянами считалось дурным тоном.

Такую точку зрения неоднократно высказывал сам Великий Питон, и обезьяны, с одной стороны, заинтересованные в том, чтобы их считали невкусными, с другой стороны, болезненно воспринимали всякий намек на свою неполноценность. Поэтому они жили, мелко политикуя и огрызаясь на отдельные оскорбления удавов, в то же время стараясь сохранить господствующую среди удавов точку зрения на свои вкусовые качества.

— Слушайте загадку,— сказал Великий Питон, решив напоследок рассеять впечатление от дерзких выкриков кролика,— она же шутка... Какой кролик может стать удавом?

Удавы стали думать. Некоторые решили, что Царь при помощи этой загадки выискивает среди них будущих изменников и потому на всякий случай решили молчать. Другие высказывали более или менее правдоподобные предположения. Но, конечно, никто не отгадал правильного ответа.

— Ответ! Ответ! — стали кричать удавы.

— Хорошо,— сказал Великий Питон,— вот вам ответ: кролик, проглоченный удавом, может стать удавом.

— Но почему, о Царь? — вопрошали удавы.

— Потому что кролик, переработанный удавом, превращается в удава. Значит, удавы — это кролики на высшей стадии своего развития. Иначе говоря, мы — это бывшие они, а они — это будущие мы.

— Ха-ха-ха! — смеялись удавы шутке Великого Питона. — Мы — это бывшие они. Здорово получается!

— Согласно с наукой,— скромно добавил Великий Питон, как бы отводя от себя лично слишком восторженные взгляды удавов.

— Великий Питон — это все-таки Великий Питон,— говорили удавы, распознаясь и с удовольствием вспоминая мудрую шутку своего Царя. Им приятно было чувствовать, что, глотая кроликов, они не просто сами наслаждаются нежным тонкошкурым телом кролика, но, оказывается, и самого кролика, превращая в себя, возвышают до своего уровня.

Но что же случилось на Слоновой Тропе?

Косой мало что помнит. Он только помнит, что удавы его придерживали, пока слоны не появились совсем близко. Кролик внутри него беспрерывно орал, что надо бороться с удавами, даже находясь в желудке удава.

Смог ли он выскочить, когда слоны стали их топтать, он не помнит, потому что потерял сознание еще до того, как первый слон наступил на него.

Через две недели, в Сезон Больших Дождей, к нему вернулось сознание, и он обнаружил себя лежащим недалеко от Слоновой Тропы, куда он, по-видимому, был отброшен каким-нибудь брезгливым хоботом слона.

Тело его в нескольких местах было оттоптанно, и он уже стал одноглазым, хотя не мог точно сказать —

то ли слоны ему нечаянно выдавили глаз, то ли позже, когда он лежал без сознания, этот глаз у него выклевала какая-то птица. Почему-то этот вопрос сильно беспокоил Косого, хотя в его положении хватало других забот. Косому почему-то хотелось, чтобы глаз его был растоптан ногами слонов, а не выклеван какой-нибудь поганой птицей, принявшей его за труп.

Мысль о том, что какая-то птица выклевала его глаз, словно зерно, почему-то не давала ему покоя, пока ощущение голода не стало его вытеснять. Так прошло несколько дней, и вдруг на него села ворона, привлеченная его неподвижной позой. Ему удалось схватить ворону, когда она села ему на голову с тем, чтобы выключить его единственный глаз. С тех пор он часто неподвижно лежал, уставившись в небо своим единственным глазом. За это время ему удалось поймать трех стервятников и двух ворон, соблазненных его трупным видом.

Так выжил Косой — к равнодушному удивлению других удавов и к явному неудовольствию Великого Питона. Соплеменники его не трогали, но относились к нему презрительно, потому что, как сказал Царь, удав, из которого говорит кролик, — это не тот удав, который им нужен.

Бедняга Косой пытался сослаться на то, что проглоченные кролики иногда заговаривали и в других удавах, но это не помогало.

— То совсем другое,— говорили ему,— то гипнотический бред, а у тебя кролик говорил сознательно.

Кстати, мы забыли упомянуть, что с тех пор как кролик выбежал из пасти удава, был введен закон о немедленной обработке кролика после заглота. Закон этот, в сущности, был рассчитан на джентльменство удавов, потому что проверить, сразу ли приступил удав к обработке проглоченного кролика или, продлевая ему жизнь, продлевает свое удовольствие, было невозможно.

Одним словом, после всего, что случилось, соплеменники старались избегать Косого. Его не трогали, но и почти не говорили с ним. Косой от этого страдал, потому что у каждого живого существа есть неистребимая потребность общаться с подобными себе.

Именно поэтому Косой, оказавшись сегодня рядом с юным удавом, откровенно рассказал ему всю свою горестную историю. Пожалуй, единственное, что он скрыл от юного удава, это то, что он и сейчас иногда, притворяясь мертвым, ловит ворон, потому что охотиться на кроликов с одним глазом нелегко и гипноз нередко дает осечку.

— Кстати,— спросил юный удав,— а как ты охотился с одним глазом?

— Что делать,— вздохнул Косой,— приходится гипнотизировать профилем, глаз устает.

— А я все слышал! — вдруг раздался голос кролика.

Косой похолодел.

— Как? — сказал он дрожащим голосом. — Ты жив? Я тебя снова проглотил?

— Да нет,— поправил его юный удав,— это необработанный кролик говорит из кустов.

— Уф,— вздохнул Косой,— а мне показалось, что тот.

— А что ты услышал? — спросил юный удав, всматриваясь в кусты рододендрона и пытаясь разглядеть там кролика.

— Я давно веду наблюдения над удавами,— сказал кролик из кустов,— вы подтвердили, что легенда о дерзком кролике не легенда, а быль. Это лишний раз убеждает в правильности моих некоторых догадок. Теперь я твердо знаю: ваш гипноз — это наш страх. Наш страх — это ваш гипноз.

— Пользуешься тем, что мы сейчас оба сыты? — сказал Косой, прислушиваясь к своему желудку.

— Нет,— отвечал кролик,— это плод долгих раздумий и строгих научных наблюдений.

— Чего ж ты подслушиваешь, если ты такой умный,— спросил Косой,— или ты не слышал, что это нечестно?

— Я об этом тоже много думал,— отвечал кролик, так и не высунувшись из кустов,— подслушивать во всех случаях жизни низко, это я знаю. Даже подо-

зрелая кого-то в преступлении, нельзя его подслушивать, потому что подозрения могут не оправдаться, а метод может укорениться. Я хочу сказать, что каждый подслушивающий может говорить: «А я его подзревал в преступлении». Подслушивать можно и нужно в том случае, если ты абсолютно уверен, что имеешь дело с преступником. А вы, удавы, — убийцы, вы или совершили убийство или готовитесь совершить. Следовательно, как можно больше знать о вас, это благо для живых кроликов.

— Кажись, я чего-то слышал о тебе, — вспомнил юный удав, — это ты Задумавшийся?

— Да, я, — отвечал кролик.

— Ну, подойди сюда, если ты такой, — сказал юный удав, чувствуя, что он, пожалуй, и второго кролика смог бы обработать.

— Нет, — отвечал кролик, — я сейчас не имею права рисковать. Хотя гипноза нет, но укусить вы можете.

— Спасибо и на том, — сказал Косой, стараясь придать всей этой истории легкий юмористический оттенок. Все-таки он много сказал такого, чего не должны были слышать уши кроликов. Все это пахло новыми опасностями. К тому же Задумавшийся, так и не высунувшись из кустов, ушелестел в глубь джунглей.

— Что ж ты не показался? — еще более тоскливо спросил Косой.

— Пусть вам в каждом кролике мерещится Задумавшийся! — крикнул кролик, и голос его растворился в шорохах джунглей.

На теплом мшистом камне стало как-то тесно и неуютно. Оба удава подумали, что хорошо бы избавиться друг от друга как от опасных свидетелей, но оба не решались нападать. Молодой — потому что боялся, что ему не хватит опыта, а старый боялся, что ему не хватит сил и проворства.

— Нехорошо все это получилось, — прошипел юный удав, — пожалуй, мне придется донести Великому Питону о том, что ты здесь набтал.

— Не надо, — попросил Косой, — ты ведь знаешь, как он меня не любит...

— А если обнаружится? — возразил юный удав.

— Будем надеяться, что никто не узнает, — ответил Косой.

— Тебе хорошо, — сказал юный удав, — ты свое отжил, а у меня все впереди... Нет, я, пожалуй, донесу...

— Но ведь тогда и ты пострадаешь?

— Это почему же?

— Если я начал проговариваться, ты ведь должен был дать отпор, — напомнил Косой о старом обычае, принятом среди удавов.

В самом деле, подумал юный удав, есть такой обычай. Он был в растерянности. Он никак не мог понять, что ему выгодней: донести или не донести.

— А если обнаружится? — сказал он задумчиво. — Ну ладно, промолчу... А что ты мне дашь за это?

— Что я могу дать, — вздохнул Косой, — я старый инвалид... Если тебе придется туго с кроликами, притворись мертвым, и рано или поздно тебе на голову сядет ворона...

— Да на черта мне твоя ворона! — возмутился юный удав. — Я, слава богу, имею регулярного кролика.

— Не говори, — отвечал Косой, — в жизни всякое бывает...

— У нее, наверное, и мясо жесткое? — неожиданно спросил юный удав.

— Мясо жестковатое, — согласился Косой, — но в трудное время это все-таки лучше, чем ничего.

— А если обнаружат? — снова усомнился юный удав и, сползая с камня, на котором они лежали, добавил: — Ладно, не донесу... Лучше бы я с тобой не связывался... Тысячу раз прав был Великий Питон, когда сказал, что удав, из которого говорит кролик, это не тот удав, который нам нужен.

Уползая от Косого, юный удав в самом деле еще не знал, что выгоднее: донести или не донести. По молодости он не понимал, что тот, кто раздумывает над вопросом, донести или не донести, в конце концов

обязательно донесет, потому что всякая мысль стремится к завершению заложенных в ней возможностей.

Вот жизнь, с грустью думал Косой, лучше бы меня тогда растоптали слоны, чем жить в презрении и страхе перед собратями.

Так думал Косой и все-таки в глубине души (которая находилась в глубине желудка) чувствовал, что из жизни уходит ему не хочется. Ведь так мягко лежать на теплом мшистом камне, так приятно чувствовать солнце на своей старой ревматической шкуре, да и кроликоварение — что скрывать! — все еще доставляло ему немало удовольствия.

В тот же день, когда солнце повисло над джунглями на высоте хорошего баобаба или плохой лиственницы, у входа в королевский дворец на Королевской Лужайке было создано чрезвычайное собрание кроликов.

Сам Король сидел на возвышенном месте рядом со своей Королевой. Над ними развевалось знамя кроликов с изображением Цветной Капусты.

Полотнище знамени представляло из себя большой лист банана, на котором кочан Цветной Капусты был составлен из разноцветных лепестков тропических цветов, приклеенных к знамени при помощи сосновой смолы.

В сущности говоря, ни один кролик никогда не видел Цветной Капусты. Правда, в кроличьей среде всегда жили слухи (хотя их и приходилось иногда взбадривать) о том, что местные туземцы вместе с засекреченными кроликами, работающие на тайной плантации по выведению Цветной Капусты, добились решительных успехов. Как только опыты, близкие к завершению, дадут возможность сажать Цветную Капусту на огородах, жизнь кроликов превратится в сплошной праздник плодородия и чревоугодия.

Время от времени сочетание цветов в изображении Цветной Капусты на знамени едва заметно менялось, и кролики видели в этом таинственную, но бесостановочную работу истории на благо кроликов. Увидев на знамени слегка изменившийся узор цветов, они многозначительно кивали друг другу, делая для себя далеко идущие оптимистические выводы. Говорить об этом вслух считалось неприличным, нескромным, считалось, что эти внешние знаки внутренней работы истории появились случайно, по какому-то доброму недосмотру королевской администрации.

В ожидании этого счастливого времени кролики жили своей обычной жизнью, паслись в окружающих джунглях и пампах, поворачивали в огородах туземцев горох, фасоль и обыкновенную капусту, высокие вкусовые качества которой оплодотворяли мечту о Цветной Капусте. Эти же продукты они поставляли и ко двору Короля.

— Ну, как сегодня капуста? — бывало, спрашивал Король, когда рядовые кролики, выполняя огородный налог, прикатывали кочаны и складывали их в королевской кладовой.

— Хороша, — неизменно отвечали кролики, обливаясь.

— Так вот, — говорил им на это Король, — когда появится Цветная Капуста, вы на эту зеленую даже смотреть не захотите.

— Господи, — вздыхали кролики, услышав такое, — неужели доживем до этого?

— Будьте спокойны, — кивал Король, — следим за опытами и способствуем...

Великая мечта о Цветной Капусте помогала Королю держать племя кроликов в достаточно гибкой покорности.

Если в жизни кроликов возникали стремления, неугодные Королю, и если он не мог эти стремления остановить обычным способом, он, Король, прибегал к последнему излюбленному средству, и, конечно, этим средством была Цветная Капуста.

— Да, да, — говорил он в таких случаях кроликам, проявляющим неугодные стремления, — ваши стремления правильные, но несвоевременны, потому что именно сейчас, когда опыты по выведению Цветной Капусты так близки к завершению...

Если проявляющий стремления продолжал упорствовать, он неожиданно исчезал, и тогда кролики приходили к выводу, что его засекретили и отправили на тайную плантацию. Это было естественно, потому что те или иные стремления проявляли лучшие головы, и эти же лучшие головы, конечно, прежде всего нужны были для работы над выведением Цветной Капусты.

Если семья исчезнувшего кролика начинала наводить справки о своем родственнике, то ей намекали, что данный родственник теперь «далеко, в том краю, где Цветная Капуста цветет».

Если семья исчезнувшего кролика продолжала упорствовать, то она тоже исчезала, и тогда кролики говорили:

— Видно, он там большой ученый... Семью разрешили выписать...

— Везет же некоторым, — говорили крольчихи, вздыхая.

Других подозрений в головах у рядовых кроликов не возникало, потому что по вегетарианским законам королевства кроликов наказывать наказывали — путем подвешивания за уши, — но убивать не убивали.

Итак, в этот день, который уже клонился к закату, на Королевской Лужайке Король и Королева сидели на возвышенном месте, а над ними слегка колыхалось знамя с изображением Цветной Капусты.

Чуть пониже располагались придворные кролики, или, как их называли в кроличьем простонародье, Допущенные к Столу. А еще ниже те, которые стремились быть Допущенными к Столу, а дальше уже стояли или сидели на лужайке рядовые кролики.

Легко догадаться, что чрезвычайное собрание кроликов было вызвано чрезвычайным сообщением Задумавшегося.

— Наш страх — их гипноз! Их гипноз — наш страх! — повторяли рядовые кролики, смакуя эту соблазнительную мысль.

— Какая смелая постановка вопроса! — восклицали одни.

— И мысли следуют одна за другой, — восторгались другие, — ну, прямо, как фасолины в стручке.

— Ой, кролики, что буде-ет! — говорили третьи, которым от великого открытия Задумавшегося делалось до того весело, что становилось страшно.

И только жена Задумавшегося, стоя в толпе ликующих кроликов, то и дело повторяла:

— А почему мой должен был разоблачать удавов? А где Допущенные к Столу мудрецы и ученые? А что мы за это имеем? Ведь удавы будут мстить мне и моим детям за то, что он здесь наболтал!

— Ты должна им гордиться, дура, — говорили ей окружающие кролики, — он великий кролик!

— Оставьте, пожалуйста! — отвечала им крольчиха. — Уж я-то знаю, какой он великий! Дожил до седин, а до сих пор не может листик гороха отличить от листика фасоли!

А между тем Король кроликов сообщение Задумавшегося не понравилось. Он почувствовал, что эта новость ничего хорошего ему не сулит. Но, будучи опытным знатоком настроения толпы, он, видя всеобщее ликование, не мешал ему проявляться со всей полнотой. Он понимал, что всякое ликование толпы имеет свою высшую точку, после которой оно обязательно должно пойти на убыль, и тогда уже можно будет высказывать свои сомнения.

Дело в том, что когда кто-нибудь, а в особенности толпа, начинает ликовать, она еще не знает, что всякое ликование рано или поздно должно пойти на убыль. И вот, когда ликование начинается идти на убыль, ликующий, чувствуя, что его ликование иссякает, склонен обвинить в этом того, кто, вызвав ликование, оказывается, не придал ему неиссякаемого характера.

Но если кто-то своим критическим отношением к предмету ликования перебил всеобщее ликование, тогда гнев ликующих с особенной силой устремляется на него. Ведь ликующие думали, что их ликование носило неиссякаемый характер, а этот злобный завистник нарочно им все испортил.

Король кроликов все это знал хорошо и поэтому долго молчал. И вот, когда ликование очень сильно

иссякло, хотя все еще отдельные его вспышки то здесь, то там озаряли радостью толпу, кролики стали замечать, что сам Король почему-то молчит. И не только молчит. Лицо его выражает грустную терпимость перед печальным зрелищем всеобщего заблуждения.

И тут все начали понимать, что Король сомневается в правильности наблюдений Задумавшегося. Допущенные, заметив сомнение Короля, довели его при помощи отдельных выкриков до степени откровенного возмущения. Возмущение Допущенных, в свою очередь, было подхвачено Стремящимися Быть Допущенными и доведено до выражения гневного протеста против не проверенных Королем научных слухов.

Да, Король был прав, почувствовал великую опасность, которая заключается в словах Задумавшегося. Вся деятельность Короля была связана с тем, что он лично вместе со своими придворными помощниками определял, какое количество страха и осторожности должны испытывать кролики перед удавами в зависимости от времени года, состояния атмосферы в джунглях и многих других причин.

И вдруг вся эта разработанная годами хитроумная система управления кроликами может рухнуть, потому что кролики, видите ли, не должны бояться гипноза.

Король знал, что только при помощи надежды (Цветная Капуста) и страха (удавы) можно разумно управлять жизнью кроликов. Но на одной Цветной Капусте долго не продержишься. Это Король понимал хорошо, и потому он собрал всю свою государственную мудрость и выступил перед кроликами.

— Кролики, — начал он просто, — я пожилой Король. Я на престоле, слава богу, уже тридцать лет и ни разу за это время не попал в пасть удава, а это о чем-то говорит...

— О том, что тебе все приносят во дворец! — выкрикнул из толпы какой-то дерзкий кролик.

Правда, уже было слишком темно, чтобы разглядеть, кто говорит. Допущенные к Столу и особенно Стремящиеся со страшной силой зашикали на дерзнувшего кричать из толпы.

Посмотрев на придворных, Король строгим голосом приказал осветить народ достаточным количеством светильников. До этого всего несколько пузырей, выдутых из прозрачной смолы и наполненных светлячками, озаряли вход в королевский дворец и возвышение, на котором сидели Король и Королева.

— О Король, — напомнили придворные шепотом, ссылая жар светляков из кокосовых шкатулок, в которых они хранились, в светильники, — вы ведь сами нас учите режиму экономии.

— Только не за счет интересов режима, — отвечал Король вполголоса, молча оглядывая толпу, пока придворные укрепляли светильники в разных концах Королевской Лужайки. — Кролики, — кротко обратился Король к своим подданным, — прежде чем раскрывать ошибку Задумавшегося, хочу задать вам несколько вопросов.

— Давай! — закричали кролики.

— Кролики! — И голос Короля задрожал. — Любите ли вы фасоль?

— Еще как! — хором ответили кролики.

— А зеленый горошек, свеженький, с куста?

— Не говори, Король, — застонали кролики, — не буди сладких воспоминаний!

— А свежей капустой, — безжалостно гремел Король, — крупчатой, рубчатой, говорю, любите похрумкать?!

— У-у-у, — завывали кролики и стали со свистом втягивать воздух в рот, — не расстраивай, Король, не сыпь на раны сладкую соль!

— Если это так, — продолжал Король, глядя на кроликов, застывших в сентиментальных позах обглаживания свежих стручков или хрумканья капустными листьями, — перекожу к наиглавнейшей мысли. Кто из вас выращивает горох, капусту, фасоль?

На некоторое время воцарилось удивленное молчание.

— Но, Король, — стали кричать кролики, — этим занимаются туземцы!

— Значит, им принадлежат эти самые совершенные на сегодняшний день (тончайший намек на завтрашний день, связанный с Цветной Капустой) продукты питания?

— Выходит,— отвечали кролики.

— А каким образом,— продолжал Король,— вы добываете эти продукты?

— Воруем,— сокрушенно отвечали кролики,— разве вы не знали?

— Ну, это сказано слишком резко,— поправил Король,— правильной сказать — отбираете излишки... Ведь вы туземцам кое-что оставляете?

— Приходится,— отвечали кролики.

— Теперь перехожу к наиглавнейшей мысли,— объявил Король.

— Ты уже переходил к наиглавнейшей мысли! — крикнул один из кроликов в толпе.

— То была первая наиглавнейшая мысль, а теперь вторая,— не растерялся Король.— То, что удавы глотают кроликов,— это ужасная несправедливость, не правда ли?!

— В том-то и дело,— закричали кролики,— об этом-то и толкует Задумавшийся!

— Да,— продолжал Король,— это ужаснейшая несправедливость по отношению к кроликам, и мы с нею боремся теми средствами, которые доступны нашему разуму. Правда, за эту ужасную несправедливость мы пользуемся маленькой, но очаровательной несправедливостью, присваивая нежнейшие продукты питания, выращенные туземцами. Теперь допустим на минуту, что Задумавшийся прав, хотя это еще никак не доказано. Но представим. Гипноза, оказывается, нет, скажите, кролики, куда хотите! Браво, браво, Задумавшийся! Но что же дальше? А дальше Задумавшийся нам говорит: мол, если отгала ужаснейшая несправедливость по отношению к кроликам, значит, и кролики должны прекратить приятную, разумеется для нас, несправедливость по отношению к огородам туземцев.

— Не скажет! Не скажет! — закричали кролики хором.

— А где уверенность? — спросил Король и обратился к Задумавшемуся, который стоял недалеко от Короля и спокойно слушал его.

После своего сообщения о гипнозе он так и остался на возвышении, потому что Король велел ему остаться, чтобы, с одной стороны, никто не подумал, будто Король недоволен, а с другой стороны, чтобы долгое созерцание Задумавшегося сделало его облик более привычным и потому менее чудодейственным.

Задумавшийся молчал, хотя по его виду никак нельзя было сказать, что он смущен вопросом Короля.

— Так что ты нам скажешь? — снова обратился к нему Король, стараясь, чтобы он сейчас же разоблачил себя перед кроликами.

— Я потом отвечу сразу на все вопросы,— спокойно сказал Задумавшийся,— пусть Король продолжает.

— Хорошо,— усмехнулся Король, хотя и разозлился про себя, именно оттого разозлился, что Задумавшийся не в результате хитрого дипломатического хода уклонился от его удара, а просто в результате глупого желания не терять время на отдельные вопросы.

— Пойдем дальше,— продолжал Король.— Конечно, это ужасная несправедливость, что удавы пожирают кроликов, и мы делаем все, чтобы уменьшить количество жертв. Но зачем подчеркивать только темные стороны? Жизнь есть жизнь! И она иногда подсовывает нам изумительные подарки. Например, вы сталкиваетесь с удавом, вы в ужасе! Но что же? Оказывается, это Коротышка, который только что налопался бананов, он на вас и смотреть не хочет. Снова сталкиваемся с удавом! Снова ужас. Но что же? Оказывается, это Косой — и вы в полной безопасности, потому что очутились в мертвом пространстве его слепого профиля. Кролики, братья и сестры, нельзя пренебрегать такими дарами жизни! Помните, в природе все связано! А что, если тончайшее удовольствие, которое мы получаем от святой троицы (горох, фасоль, капуста), связано с чувством страха, который мы испытываем перед удавами? А вдруг без этого

страха ароматнейшие продукты природы покажутся безвкусными и жесткими, как пампасская трава?

— Это ужасно,— воскликнули кролики,— тогда и жить не стоит!

— А если это так,— продолжал Король, сам загораясь от собственного красноречия,— перестанем мечтать о будущей Цветной Капусте, перестанем следить за опытами и способствовать?!

— Это ужасно, ужасно, ужасно,— стонали кролики, от природы очень впечатлительные, чем, кстати, и пользовались удавы, как, впрочем, и Король, хотя мы никак не хотим проводить какие-то параллели между ними.

— И вот что, кролики,— продолжал Король, оглядывая толпу с выражением проникательной умудренности,— будем откровенны, ведь мы здесь все свои... Признайтесь, когда вы вечером возвращаетесь в свою нору и узнаете от крольчихи, что такого-то кролика проглотил удав, разве вы вместе с печалью по погибшему брату с особенной силой не ощущаете уют безопасности собственной норы?! А сладость облизывать нежные тельца своих очаровательных крольчат?! А прижиматься, прижиматься (тут все взрослые кролики, и я могу говорить прямо), прижиматься, говорить, к теплой, ласковой крольчихе?!

— Да, да,— соглашались кролики, потупившись,— стыдно признаться, но все это так...

— Нечего стыдиться, кролики! — воскликнул Король.— Вы же это испытываете вместе с грустью по погибшему брату, а не отдельно?!

— В том-то и дело,— отвечали кролики,— как-то все это перемешивается...

— Тем более! — вдруг во весь голос закричал кролик по прозвищу Находчивый.

Он сидел среди Стремящихся Быть Допущенными к Столу. Сейчас его дерзкий выкрик был всеми замечен, и наступила довольно-таки неловкая тишина. В сущности, он почти перебил Короля. Король нахмурился.

— Тем более! — снова закричал Находчивый, ничуть не смущаясь всеобщим вниманием.

— Что тем более? — наконец строго спросил у него Король.

— Тем более, как быть с предками? — воскликнул Находчивый.— Ведь если Задумавшийся прав, получается, что все наши предки, героически погибшие в пасти удавов, были дураками и трусами, выходит, что они погибли по глупости?!

— Уместное замечание,— сказал Король, кивнув головой и обернувшись к Задумавшемуся.— Интересно, что ты ответишь на это?

— Я сразу отвечу на все вопросы,— спокойно отвечал Задумавшийся.— Король может продолжать...

— Ишь ты, какой самоуверенный! — не удержалась Королева и фыркнула в сторону Задумавшегося.

— Пока я кончил,— сказал Король.— Одно могу добавить: жизнь есть жизнь. Раз бог создал кролика — он имел в виду кролика!

Конец королевской речи потонул в дружных аплодисментах во славу прекрасных продуктов. В шуме этих аплодисментов время от времени раздавались выкрики в честь Короля из среды Допущенных к Столу и восторженные высвисты в его же честь из среды Стремящихся.

Как всегда, скандировалась слава великой троице с некоторыми частными добавлениями, среди которых чаще всего слышалось:

— Скромной морковке тоже слава!

Интересно отметить, что каждый кролик, аплодируя, был уверен, что он лично аплодирует идее союза прекрасных продуктов питания с кроликами. Но при этом он думал, что другие аплодируют не только этому союзу, но и всей речи Короля. И поскольку все думали так и все считали, что признаться в эгоистической узости своих аплодисментов по меньшей мере уродство, они аплодировали изо всех сил, чтобы скрыть эгоистическую узость собственных аплодисментов и слиться с общим восторгом, с которым они в конце концов сливались, и, уже подхваченные этим восторженным потоком, сами тащили его дальше. Так маленькие ракеты личных аплодисментов, слившись,

давали могучую силу двигателю общественного мнения кроликов.

— Ну, как речуга? — спросил Король у Королевы, усаживаясь рядом с ней и кивая на восторженный шум, поднятый кроликами.

— Ты был бесподобен, милый! — сказала Королева и нежно утерла листиком капусты пот с лица Короля.

— Находчивый делает успехи, — сказал Король и кивнул в его сторону.

Королева улыбнулась Находчивому и поманила его к себе. Находчивый быстро подскочил и замер перед ней. Королева, улыбаясь, подарила ему листик капусты, которым она только что утирала лицо Короля.

— Можешь съесть, — сказала она ему. Это был знак великой милости, в сущности, знак Допущенности к Столу.

— Никогда! — с жаром воскликнул Находчивый, принимая подарок. — Я засушу его в память о вашей великой милости.

— Как хочешь, — сказала Королева и с немалым женским любопытством оглядела Находчивого. Ей понравилась его приятная внешность и горячие быстрые глаза. В нем было что-то такое, отчего ей захотелось родить маленького быстроглазого крольчонка.

Когда все затихло, Задумавшийся, который все это время продолжал стоять перед толпой собратьев, наконец, заговорил.

— Начну с конца, — сказал он. — Мне, кролику, не зачем заботиться о природе удава. Пусть он сам заботится о своей природе...

— Вот он и заботится, — ехидно вставил Находчивый и, посмотрев на Королеву, поцеловал капустный листик. Королева еще раз улыбнулась ему нежной улыбкой.

— Этот Находчивый — прелесть, — сказала она.

— Считаю, что он у тебя за столом, — сказал Король, сосредоточиваясь на словах оратора и поэтому забыв, что эта милость Находчивому уже оказана.

«Как много можно сделать незаметно от мужичины, — подумала Королева, — когда мужчину раздрают общественные страсти».

— Хорошо, пусть будет так, — продолжал Задумавшийся, — если удав имеет право заботиться о своей природе, то и кролик имеет такое же право. А суть природы кролика состоит в том, что он не хочет быть проглоченным удавом. Можем мы, кролики, обойтись без удавов?

— Еще как! — воскликнули кролики. — С удовольствием!

— Тогда скажи, — вскочил Король, — почему бог создал удава?

— Не знаю, — ответил Задумавшийся, — может, у него плохое настроение было. А может, он создал удава, чтобы мы понимали, что такое мерзость, так же как он создал капусту, чтобы мы знали, что такое блаженство.

— Правильно! — закричали кролики. — Удав — мерзость! Капуста — блаженство!

— Горох и фасоль — тоже блаженство! — напомнил один из кроликов с такой тревогой в голосе, словно, не напомины он об этом вовремя, столь прекрасные деликатесы выйдут из употребления кроликов.

— Продолжаю, — сказал Задумавшийся, — итак, если бог создал удава таким, какой он есть, то и меня он создал таким, какой я есть. И если я задумался, значит, моей природе кролика не чуждо сомнение. Развивая свою природу сомнения, которая, оказывается, все-таки существовала в моей природе кролика, я стал приглядываться, прислушиваться, думать. Жизнь, как любит говорить наш Король, — великий учитель. Именно она натолкнула меня на все мои сегодняшние выводы. Однажды я нос к носу столкнулся с удавом. Я почувствовал, что гипноз сковал мои мышцы. От ужаса я потерял сознание. Через несколько мгновений я пришел в себя и с удивлением обнаружил, что я не проглочен, а хвост этого же удава, прошуршав мимо меня, проскользнул дальше. Я оглянулся и узнал Косого, который, не заметив меня, скользил дальше, пройдя мимо меня слепой стороной своего профиля. И тут великая мысль, хотя еще и не

так четко оформленная, промелькнула в моей голове. Я понял, что их гипноз — это наш страх. А наш страх — это их гипноз.

— О святая наивность! — воскликнул Король, вскакивая с места и обращаясь к толпе кроликов. — Разве я вам не говорил о счастливой встрече с Косым или Коротышкой?

— Да, да, говорил, — ответили кролики, чувствуя, что в словах Задумавшегося есть какая-то соблазнительная, но чересчур тревожная истина, а в словах Короля какая-то скучная, но зато успокаивающая правда.

— В том-то и дело, кролики, — сказал, волнуясь, Задумавшийся, — что я ощутил все признаки гипноза, а удав меня даже не заметил! Значит, я сам своим страхом внушил себе гипноз!

— Гениально! — воскликнул какой-то кролик из толпы и, ударив себя лапой по лбу, замертво упал. Бедная его голова не выдержала этой мысли.

В толпе возник некоторый переполох, впрочем, не опасный для продолжения сходки. Убедительность примера, который привел Задумавшийся, повергла кроликов, несмотря на жертву, в большое ликование.

— Первые плоды нового учения! — крикнул Находчивый, когда выносили кролика, умершего от силы собственного прозрения. Но на его слова никто не обратил внимания.

— Здорово! Здорово! Здорово! — скандировали теперь кролики. — Да здравствует наш освободитель!

— Это еще надо доказать! — закричал Король, вскакивая. — Почему он уверен, что сам себя загипнотизировал? Только потому, что Косой прошел мимо него своим слепым профилем. Пусть мой Ученый выступит и объяснит Задумавшемуся, что произошло, с научной точки зрения.

Тут кролики постепенно замолкли, и из толпы Допущенных к Столу выступил Главный Ученый и, дождавшись тишины, произнес:

— Конечно, сообщение Задумавшегося представляет немалый научный интерес...

Кролики на его слова ответили восторженным гулом.

— ...И хотя наша сходка затянулась допоздна, — продолжал Главный Ученый, — еще рано делать какие-либо выводы. Но что же могло произойти во время предполагаемой встречи Задумавшегося с Косым или, выражаясь нашим научным языком, слепым на один глаз удавом? По-видимому, наш дорогой коллега Задумавшийся, к нашему общему счастью, прошел перед отключенной от зрительных впечатлений частью профиля удава. Только поэтому он остался жив, ибо смертоносные гипнотические лучи действующего глаза оказались в стороне от нашего возлюбленного коллеги, что послужило ему поводом к столь легкомысленным выводам относительно гипноза...

— Держат там всяких калек, — пробормотал Король, слушая Ученого и кивая в знак согласия головой.

— Нет, дорогие мои кролики, — продолжал Ученый, — гипноз — пока еще страшное оружие наших врагов. Только следуя Таблице Размножения, разработанной нашими учеными при личном участии Короля, мы можем победить удавов. Помните, изучайте Таблицу Размножения — и будущее кроликов будет достойно Цветной Капусты!

Речь Ученого тоже показалась кроликам убедительной, но все-таки большинство кроликов было настроено в пользу Задумавшегося.

Кстати, суть Таблицы Размножения заключалась в том, что кролики, размножаясь с опережением удавов, уменьшают риск каждого отдельного кролика настолько, насколько кроликов будет больше, чем удавов. Из этой таблицы следовало, что в будущем шанс встретиться с удавом у каждого кролика станет, уменьшаясь, стремиться к нулю и в конце концов достигнет его и даже превзойдет! Поэтому кролики очень любили размножаться.

Но сейчас настроение кроликов было в пользу Задумавшегося. Король, видя это, решил перенести сходку на какой-нибудь другой, более подходящий день.

С этой целью он незаметно для толпы приказал выступить придворному осветителю.

— Кролики,— сказал тот,— время позднее. Светильники гаснут, пора кормить светляков.

— Ничего,— кричали в ответ кролики,— в лесу полно гнилушек! Надо будет — наберем!

Пришлось продолжить сходку и дать слово Задумавшемуся.

— Кролики,— сказал Задумавшийся,— наш Ученый, как всегда, говорит глупости! Я утверждаю, что гипноза нет вообще. Вспомните, сколько лягушек в Лягушачьем Броде. Через этот брод каждый день переплывает тот или иной удав. Если бы удав обладал гипнозом, то независимо от его воли десятки лягушек, потерявших сознание, всплывали бы на его пути. А если бы всплывали лягушки, то водоплавающие птицы летели бы вслед за плывущим удавом. Но, как вы знаете, никакие птицы не следуют за плывущим удавом.

— Точно! Точно! — кричали кролики. — Там сотни птиц, но ни одна не летит за удавом.

— Задумавшийся прав! — кричали они. — Наш страх — их гипноз! Их гипноз — наш страх!

Пока они шумно изъявляли свои восторги, Король подозвал из толпы Допущенных кролика, занимавшего должность Старого Мудрого Кролика.

Небезынтересна история возвышения этого кролика. Возле королевского дворца растет морковный дуб, желуди которого имеют форму морковки. Хотя плоды морковного дуба и несъедобны — их кролики обычно используют для украшения праздничных шествий, — морковный дуб почитается кроликами как священное дерево.

Время от времени с морковного дуба падают морковные желуди, кстати, весьма увесистые. Были случаи тяжелых увечий и даже смерти кроликов, оказавшихся в момент падения желудя под сенью дерева. Однажды именно этот кролик очутился под морковным дубом, когда с него слетел желудь, попавший ему в голову.

Он получил сотрясение мозга. Это был первый случай такого рода заболевания в кроличьем племени.

— Сотрясение мозга? — удивился Король неведомой болезни.

— Да, сотрясение, — подтвердили врачи.

— Значит, было что сотрясать? — догадался Король.

— Значит, было, — подтвердили врачи.

— Вылечится — назначим его на должность Старого Мудрого Кролика, — решил Король, и, когда этот рядовой кролик вылез из-под дуба, он сразу оказался в числе Допущенных к Столу.

— Выступишь, — сказал ему сейчас Король, мрачно оглядывая толпы ликующих кроликов, среди которых находились и такие, которые вздымали лапки, сжатые в кулачок, как бы грозя удавам.

— Кажется, это конец, — сказал Старый Мудрый Кролик.

— Надо попытаться, — сказал Король, одновременно давая распоряжение Начальнику Королевской Охраны проверить запасные выходы из дворца на случай бунта.

— Я старый, мудрый кролик, — начал Старый Мудрый Кролик, и он был отчасти прав, потому что с тех пор, как его назначили на эту должность, он успел постареть. — Клянусь морковным деревом, сделавшим меня мудрецом, в словах Задумавшегося...

Но тут ликование кроликов приняло угрожающие размеры. Можно было ожидать, что они немедленно переизберут Короля и посадят на его место Задумавшегося.

— В словах Задумавшегося, — повторил он, пропустив волну ликования, — очень много правды.

— Ура! — дружно кричали кролики, перекрывая взвизги Допущенных, которых в случае переворота ничего хорошего не ожидало.

А между тем Стремящиеся притихли и старались выглядеть так, как если бы они вообще никаких стремлений не имели. Некоторые из них даже покидали свои места, словно им очень захотелось пройтись по своим физическим надобностям... На обратном пути они сильно задерживались, узнавая в толпе кро-

ликов своих старых знакомых и охотно заговаривая с ними.

— В том, что сказал Король, — продолжал Старый Мудрый Кролик, — не очень...

Толпа кроликов притихла. Старый Мудрый Кролик посмотрел на Короля и с ужасом подумал: а вдруг не переизберут? Когда толпа ликovala, ему казалось, что она сильнее Короля. Когда она замолкла, Король снова казался сильнее. И потому он неожиданно даже для себя окончил:

— Очень много правды... Но скажи, Задумавшийся, — продолжал он, — если ты прав и кончится ужасная несправедливость по отношению к нам, разрешишь ли ты нам пользоваться нашей божественной тройцей: фасолью, горохом и капустой?

— Да, да, — кричали кролики, — разреши сомнения!

Задумавшийся молча смотрел на свой народ и ничего не говорил. Между тем рядовые кролики, взявшись за руки, стали притоптывать, повторяя:

— Разрешив воровать, разреши сомнения! Разрешив воровать, разреши сомнения!

Задумавшийся продолжал молчать. Король, сидевший, мрачно опустив голову, вдруг почувствовал, что щекокущий лучик надежды коснулся его ноздрей.

— Кролики, — наконец сказал Задумавшийся, — я вам предлагаю разрешить главную нашу задачу: перестать бояться удавов. А что будет дальше, я могу только предполагать...

— Видите ли, он может только предполагать! — воскликнула Королева и, гневно разорвав листик капусты, отшвырнула его от себя.

Стремящиеся одобительно загудели, стараясь вспомнить, куда упали обрывки капустного листа.

— А еще корчит учителя жизни! — воскликнул кролик по прозвищу Находчивый. Он это воскликнул, дождавшись тишины, чтобы выделить свой голос.

Никого так не раздражал Задумавшийся, как Находчивый, потому что в юности они дружили и довольно часто влюблялись в одну и ту же крольчиху. Находчивый был уверен, что он мог бы сделать не меньше блестящих открытий, чем Задумавшийся, если бы не стремился быть Допущенным. Поглощенный философией собственного существования, он никак не находил времени заняться существованием всех кроликов.

— Ему хорошо, — говорил он своим знакомым, когда речь заходила о Задумавшемся, — он-то не стремится быть Допущенным.

— А кто тебе мешает не стремиться? — спрашивали знакомые в таких случаях.

— Вы лучше спросите, кто мне помогает, — отвечал им на это Находчивый, раздумывая, как бы поприглядней попасться на глаза Королю.

Между тем Задумавшийся продолжал:

— Кролики, — говорил он, — если мы будем стремиться с самого начала увидеть самый конец, мы никогда не сдвинемся с места. Важно сделать первый шаг, и важно быть уверенным, что он правильный.

— Ну хоть что-нибудь, — кричали кролики, — скажи, что ты думаешь насчет фасоли, гороха и капусты!

— Я думаю, — сказал Задумавшийся, — когда отпадет ужасная несправедливость удавов по отношению к нам, мы должны подумать и о нашей несправедливости по отношению к огородам туземцев.

— У-у-у! — завывали недовольные кролики.

А Король покачал головой: дескать, больше слушайте его, он вам устроит счастливую жизнь.

— Дело не в том, чтобы отменить эти прекрасные продукты, — сказал Задумавшийся, — а в том, чтобы научиться самим выращивать их.

— У-у-у! — завывали кролики хором. — Как неинтересно... А как мы будем обрабатывать землю?

— Не знаю, — сказал Задумавшийся, — может, мы договоримся с кротами, может, еще что...

— У-у-у! — завывали кролики еще скучней. — А если кроты не согласятся? Значит, прощай, фасоль, горох, капуста?

И тут от имени рядовых кроликов выступил простой уважаемый всеми кролик.

— Послушай, Задумавшийся, — сказал он, — мы все

тебя любим, ты наш парень, думаешь о нас. И это хорошо. Но чего-то ты недодумал. Вот я, например, каждый день хожу в лес, в пампасы, к туземцам на огороды заглядываю... Каждый день я могу встретиться с удавом, но могу и не встретиться. Позавчера, например, не встретился, вчера тоже и сегодня, слава богу, как видишь, жив-здоров. Что же получается? На огородах туземцев я могу бывать каждый день, а удав меня может проглотить далеко-о не каждый день. Выходит, пока я в выигрыше. Выходит, ты чего-то недодумал, Задумавшийся. Вот пойдی на свой зеленый холмик и придумай такое, чтобы и удавы нас не трогали и чтобы, как говорится, бог троицей не обидел. Тогда мы все, как один, пойдём за тобой.

— Правильно! Правильно! — стали кричать рядовые кролики, потому что в трудную минуту решение не принимать никакого решения было для кроликов самым желанным решением.

— Я лично первый пойдю за тобой, — крикнул Король кроликов, — как только твои выводы подтвердятся!

— Да здравствует наш благородный Король! — стали кричать кролики, довольные своим решением не принимать никакого решения.

— Более того, — продолжал Король, — чтобы Задумавшийся мог думать, не отвлекаясь, ежедневно с нашего стола будут выдаваться его семье две полноценные морковины!

— Да здравствует Король и его щедрость! — закричали кролики.

— Размножаться с опережением — вот наше оружие! — крикнул Король и в знак того, что собрание закончено, взяв за лапку Королеву, удалился к себе во дворец.

Кролики тоже, окликая попутчиков, разошлись по своим норам. Некоторые из них, чувствуя угрызения совести, горячо хвалили замечательную идею Задумавшегося, хотя и указывали на ее некоторую незрелость.

Иные кролики спрашивали у жены Задумавшегося, довольна ли она королевской помощью.

— Это невеста что, но все-таки кое-что, — отвечала она любопытствующим кроликам и, в свою очередь, пыталась узнать, включается ли сегодняшней день в пенсионный срок и сможет ли она на этом основании получить завтра четыре морковины у королевского Казначея, известного своей скарденностью и крючковатством.

— Сегодняшний день включительно! — со всей либеральной решительностью отвечали ей кролики, и тем либеральной и тем решительной отвечал каждый, чем больше не хватило ему решительности поддержать ее мужа во время собрания.

Печально сидел Задумавшийся на опустевшей Королевской Лужайке. Возле него остался один молодой кролик, не только поверивший в правильность его учения (таких было немало), но и решившийся, рискуя спокойной жизнью, следовать за ним.

— Что теперь делать? — спросил он у Задумавшегося.

— Ничего не остается, — отвечал Задумавшийся, — будем думать дальше.

— Можно я буду думать с тобой? — спросил молодой кролик. — С тех пор, как я услышал то, о чем ты говорил, у меня появилась жажда знать истину.

— Будем думать вместе, Возжаждавший, — сказал Задумавшийся. — Я всю силу своего ума тратил на изучение удавов, но о том, что сами братья-кролики еще не подготовлены жить правдой, я не знал...

На следующее утро жизнь кроликов продолжалась по-старому. Часть из них ушла пастись в пампасы, часть предпочла тенистые джунгли, а некоторые отправились на огороды туземцев.

Задумавшийся с утра сидел на зеленом холмике, где он и раньше обдумывал свои наблюдения над удавами. Теперь к размышлениям об удавах прибавились тревожные думы о своем же брате-кролике.

С этого холмика открывался чудесный вид на пампу, на изгиб реки, широко разлившейся внизу и по-

этому названной в этом месте обитателями джунглей Лягушачьим Бродом.

Возжаждавший с утра пасся на склоне зеленого холмика, время от времени поглядывая на Задумавшегося и стараясь издали по его позе определить, пришло ему в голову что-нибудь новое или еще нет. Через некоторое время умственное любопытство победило его аппетит, и он, слегка недозавтракав, взобрался на зеленый холмик.

В это время в обширной столовой королевского дворца шел обильный по случаю вчерашней победы завтрак. Все Допущенные к Столу, естественно, сидели за столом. Король был в хорошем настроении, за завтраком он много шутил и то и дело подымал высокий бамбуковый бокал, наполненный кокосовой брагой, после чего Допущенные быстро наполняли свои бокалы и выпивали вместе со своим Королем этот веселый бодрящий напиток.

Интересно отметить, что среди Допущенных к Столу сидели несколько охранников. Под видом Допущенных к Столу они следили за разговорами Допущенных к Столу, чтобы вовремя обнаружить следы заговора или просто отклонений от королевской линии, которые впоследствии могли бы привести к заговору.

Но так как они, хотя и сидели под видом Допущенных, на самом деле не были Допущенными, им по инструкции полагалось меньше налегать на особенно ценные продукты, каковыми считались капуста, горох и фасоль. Но так как Допущенные к Столу знали, что среди них есть охранники, сидящие под видом Допущенных, а также знали, что охранникам не положено есть по норме Допущенных, они следили за тем, как едят остальные Допущенные, и в то же время сами старались есть как можно больше, чтобы их не приняли, как говорится в кроличьем просторечии, за шпионов. Но так как те, кого в кроличьем просторечии именовали шпионами, знали, что, если они будут скромничать за столом, остальные обнаружат их истинные застольные функции, они, стараясь замаскироваться, ели как можно больше, что соответствовало их личным склонностям.

Таким образом получалось, что за королевским столом все ели с огромным патристическим аппетитом.

На этот раз среди Допущенных не было кролика, занимавшего должность Старого Мудрого Кролика. Его вчерашние колебания, разумеется, не остались незамеченными Королем. На его месте теперь сидел Находчивый, предложивший переименовать Старого Мудрого Кролика в Стармуда, что было встречено веселым одобрением. Король по этому поводу рассказывал несколько анекдотов из жизни Стармуда.

В разгар завтрака в столовую вошел, ковыряя в своих изъеденных временем зубах, тот, над которым сейчас все смеялись и который еще вчера считался первым королевским советником. Оказывается, теперь он завтракал на кухне. Как раз в это время Король шуточно предложил поставить своего бывшего мудреца под сенью морковного дуба и дожидаться, когда на его голову упадет морковный желудь, чтобы посмотреть, получит он теперь сотрясение мозга или нет. Все Допущенные, смеясь королевской шутке, уверяли, что теперь там нечего сотрясать.

— Я знаю, — сказал вошедший, — за что меня пересидели на кухню, но я не знаю, почему мне подали не очень свежие овощи.

— Как, как? — переспросил Король, подмигивая сидящим за столом. — Тебе подали не очень... очень свежие овощи?

Допущенные к Столу стали заходиться в хохоте. При этом многие из них падали на стол с той нежной доверчивостью, с какой влюбленные при подобных обстоятельствах падают на грудь своих возлюбленных, нередко сочетая это движение с мимолетной лаской. В данном случае они, падая на стол, невзначай прихватывали ртом листик капусты или стручок свежего гороха, что, по-видимому, совпадает по смыслу с мимолетной лаской влюбленных.

— Клянусь морковным дубом, сделавшим меня мудрецом, — сказал вошедший, — я оговорился... Но ведь я же потом исправил ошибку?

— Еще бы,—отвечал Король, улыбаясь,— иначе ты завтракал бы не на кухне, а где-нибудь подальше. Ну, ладно, садись, я добрый. В другой раз будешь знать, кто снабжает витаминами твой не очень... очень сообразительный мозг.

Таким образом, под хорошее настроение Старый Мудрый Кролик был возвращен к столу. Правда, Король оставил за ним шутиливую кличку Стармуд, что, с одной стороны, вносило в его должность некоторую шутовскую двусмысленность, а, с другой стороны, еще больше приближало Находчивого к королевскому семейству.

Примерно с месяц Находчивый жил в числе Допущенных к Столу, припеваючи и попиваючи лучшие королевские напитки, не говоря о самых свежих овощах, доставляемых с огородов туземцев.

Все здесь Находчивому нравилось и только одно удивляло, что, когда собираются Допущенные к Столу, почему-то ни Король, ни остальные не говорят о Цветной Капусте. Это было очень странно, потому что Король при каждой встрече с рядовыми кроликами так или иначе касался вопроса о Цветной Капусте. А здесь почему-то не принято было о ней говорить.

Раздумывая об этом, он решил, что, вероятно, среди Допущенных к Столу есть еще более узкий круг посвященных, то есть Допущенных к Столику, и они, вероятно, не только говорят о Цветной Капусте, но хотя бы раз в неделю пробуют ее. Так думал Находчивый, а спросить ни у кого не решился, потому что не знал, кто именно среди Допущенных к Столу допущен к Столику. Спросить, думал Находчивый, значит признаться, что ты сам к этому Столику не допущен. Он решил дожидаться случая и спросить обо всем самого Короля.

И такое время пришло, потому что Король однажды сам попросил его остаться с ним после обеда для личной беседы.

— У меня к тебе поручение всенародной важности,— сказал Король и, когда Королева прикрыла дверь и, возвратившись, присела рядом с Находчивым, добавил: — Ты готов его исполнить?

— О Король,— сказал Находчивый, опуская глаза. — Тут наш придворный Поэт набросал куплет. Так вот, ты должен выйти в джунгли на Нейтральную Тропу и на протяжении всего пути туда и обратно спеть этот куплет...

— Мои уши к вашим услугам,— сказал Находчивый и шевельнул ушами.

Король внимательно посмотрел на его уши, как бы стараясь определить, насколько они надежны.

— Тогда слушай,— сказал Король и прочел стихотворение, записанное соком ягод бузины на широком банановом листе.

**Задумавшийся кролик
На холмике сидит.
Видны оттуда пампа
И Лягушачий Брод.
Но буря все равно грядет!**

Вздрогнуло сердце Находчивого от страшной догадки.

— Ваше Величество,— с дрожью проговорил он,— не означает ли...

— Не означает,— перебил его Король, нахмурившись.

Находчивый сразу же понял, что пропеть этот куплет — значит выдать удавам своего собрата Задумавшегося. И он сразу же решил отказаться от королевского стола и уйти в рядовые кролики. Ведь все-таки он был от природы не злой, хотя и очень честолобивый. Но тут был один щекотливый момент. По принятому придворному этикету кролик, разжалованный в рядовые, обязан был возвратить Королю все полученные награды.

Значит, он должен был возвратить и тот капустный лист, который ему когда-то подарила Королева и с которого началось его возвышение. Но дело в том, что на обратном пути домой он на радостях съел полкапустного листа, хотя никак не должен был его есть, ибо сам же обещал засушить его на память.

Дело в том, что, принимая от Королевы капустный лист в качестве подарка, как она ему предлагала, он имел право его съесть, но, возвышая подарок до награды, как он сам ей предложил, он уже не имел права его съесть.

Все это сейчас с быстротой молнии промелькнуло в голове Находчивого, и он понял, что ему неловко, что он никак, ну, никак не может возвратить Королеве этот наполовину обесчещенный капустный лист. Конечно, он понимал: никто его за это преследовать не будет,— но так уж устроены кролики, что им сегодняшняя неловкость непереносимей завтрашнего предательства. Неловкость — это сейчас, вот-вот, а завтра — это еще когда, это еще бабушка надвое сказала, может, вообще ничего не будет или, скажем, будет солнечное затмение и по этому поводу все отменяет.

— Хорошо,— сказал Находчивый, вздохнув и бросив мученический взгляд на Королеву,— только можно я одну поправку внесу.

— Если это не меняет сути,— согласился Король. — Я хотел бы пропеть так,— сказал Находчивый и пропел:

**Задумавшийся некто
На холмике сидит.
Видны оттуда пампа
И Лягушачий Брод.
Но буря все равно грядет!**

— Идет! — сказал Король и весело хлопнул Находчивого по плечу. Он понял, что Находчивый, пытаясь перехитрить его, на самом деле довольно успешно перехитряет свою совесть. — Тем более,— добавил Король,— что некоторые считают, будто вообще все это предрассудки...

— А можно я еще одну поправку внесу? — попросил Находчивый и, не дожидаясь согласия Короля, быстро пропел:

**Задумавшийся некто
На холмике сидит.
Пам-пам, пам-пам, пам-пам-па!
И Ля-ля-ля-чий Брод!
Но буря все равно грядет!**

— Ну, это уже романс без слов,— махнул рукой Король,— вот что значит дать слабинку...

— Ничего, ничего,— вдруг перебила его Королева,— так получается еще приманчивей. Только у меня одна просьба. Пожалуйста, когда будешь петь, последние два слога в третьей строчке бери как можно выше. Пам-пам, пам-пам, пам, П-А-А-М! ПА. Понятно?

— Конечно,— сказал Находчивый,— я это обязательно учту.

— Ладно,— сказал Король,— так и быть! Добавь только одно слово... Значит, так: «Видны пам-пам, пам, П-А-А-М! ПА», — и не будем торговаться.

— Хорошо, Ваше Величество,— сказал Находчивый.

— И Ля-ля-ля-чий Брод, говоришь? — спросил Король, проверяя на слух последнюю строчку.

— Совершенно верно,— подтвердил Находчивый,— и Ля-ля-ля-чий Брод, пою...

— В наших краях,— сказал Король, задумавшись,— известны три Брода: Тигринный, Обезьяний и Лялялячий... Не получится ли путаница?

— Да нет же,— сказала Королева,— не надо думать, что они глупее нас.

— Мой Король,— спросил Находчивый,— я одного не пойму. При чем тут строчка: «Но буря все равно грядет»?

— Ну, ты же знаешь нашего Поэта,— сказал Король,— он ведь жить не может без бури...

— А он знает, для чего будут использованы его стихи? — спросил Находчивый. Ему было бы легче, если бы не он один участвовал в предательстве Задумавшегося.

— Нет, конечно,— поморщился Король,— он Поэт, он парит в небесах. Зачем его посвящать в наши малоприятные земные дела.

— Да, конечно,— грустно согласился Находчивый.

— Ладно,— сказал Король,— текст утрамбован

окончательно. Я удивляюсь, как ты быстро сообразил убрать некоторые натуралистические подробности...

— О, Король, — погулился Находчивый, — в таких случаях само соображается...

— Кстати, — вспомнил вдруг Король лукаво, — можешь доесть тот капустный листик, что тебе подарила Королева...

— О, Королева, — прошептал Находчивый и, ужасно смутившись, спрятал голову между лапками, — простите эту... сладость...

— Чего уж там, — добродушно взбодрил его Король, — все мы кролики... Но какова служба информации, а, Королева?

— Ах ты, плутишка, — промолвила Королева и с грустной укоризной погрозила лапкой Находчивому, — надо было видеть, Король, с каким неподдельным жаром он воскликнул: «Никогда!»

Тут Королева подала Находчивому королевский журнал, где было записано, что такого-то числа придворный кролик Находчивый выступит на Нейтральной Тропе с исполнением «Вариаций без слов на тему Бури», дабы всем жителям джунглей было бы ясно, что кролики бодро живут и бодро размножаются.

Находчивый расписался, и Король собственноручно потрепал его по плечу.

— Теперь проси, — сказал Король, — что-нибудь такое, что бы тебе нравилось и что бы я мог сделать.

— Я только спрошу, — отвечал Находчивый. — Я удивляюсь, что за королевским столом никогда не говорят о Цветной Капусте, тогда, как беседуя с народом, вы и другие часто вспоминаете о ней.

— А что говорить, — пожал плечами Король, — опыты проходят успешно, и мы им всячески способствуем... Все Младодопущенные думают, что, кроме Допущенных к Столу, есть еще Сверхдопущенные к Столику...

— А разве нет? — опечаленно спросил Находчивый.

— Нет, дорогой мой, — дружески приобняв его, отвечал Король, — больше не к чему мне вас допускать, разве что супружеское ложе...

— Фу, Король, как грубо, — сказала Королева, отворачиваясь и в то же время стрельнув глазами в сторону Находчивого.

Но Находчивый так опечалился, что даже не заметил этого.

— Теперь ты понимаешь, — сказал ему Король, — почему мне трудней всего?

— Нет, — сказал Находчивый, очень огорченный, что Сверхдопущения не существует.

— Потому что для каждого из вас, — отвечал Король, — есть тайна, вам есть к чему стремиться. А у меня нет тайны постижения. Если я уж чего не понимаю, так это навсегда... Вот почему мне трудней всех в моем королевстве... Но у меня одно утешение... Ему, — Король показал лапой на небо, — еще трудней...

— Но если нет Сверхдопущения к Столику, то и мне не к чему стремиться! — воскликнул Находчивый, через свое разочарование поняв печаль Короля. — Как это грустно!

— Это у тебя пройдет, — сказал Король уверенно, — со временем стремление удержаться за столом делается единственным неутоляемым стремлением Допущенных к Столу. А теперь ступай... Выспись... И завтра со свежими силами на Нейтральную Тропу...

Находчивый раскланялся и покинул королевский дворец.

— Знаешь, чем мне нравится Находчивый? — сказал Король, прохаживаясь по кабинету. — Тем, что у него есть совесть.

— С каких это пор? — спросила Королева несколько удивленно.

— Ты ничего не понимаешь, — сказал Король, оставившаяся посреди кабинета. — Когда даешь кролику деликатное поручение, несмертельная доза совести бывает очень полезна.

— Я не очень тебя понимаю, — отвечала Королева рассеянно, потому что она все еще была огорчена тем, что Находчивый с его такими живыми глазами оказался такой ненадежный.

— Да, — повторил Король, продолжая прохаживаться по кабинету, — когда кролик, выполняя деликатное поручение, испытывает некоторый стыд, он старается как можно чище выполнить его, чтобы потом не извлекаться от стыда, оставив за собой неряшливые улики. А это как раз то, что нам надо. Несмертельная доза совести — вот что должны прививать кроликам наши мудрецы.

— Но каковы мужчины, — сказала Королева, вздохнув, — сам говорил: «Никогда!» И сам же его съел. — Будем надеяться, что съест, — ответил Король невпопад, обдумывая, как бы лучше внедрить в сознание кроликов несмертельную дозу совести, чтобы они, работая на благо королевства, никогда не оставляли за собой неряшливых улик.

Сейчас мы немного отвлечемся от нашего сюжета и расскажем историю взаимоотношений Короля кроликов и Поэта.

В характере Поэта причудливо сочетались искреннее сочувствие всякому горю и романтический восторг перед всякого рода житейскими и природными бурями.

Кстати, Король пришел к власти благодаря одной из бурь, которые неустанно воспевал Поэт.

— Это не совсем та буря, которую я звал, — говаривал Поэт, в первое время недовольный правлением Короля. Но потом они примирились. Король его соблазнил, обещав ему воспевание бурь сделать безраздельным, единственным и полным содержанием умственной жизни кроликов. Против этого Поэт не мог устоять.

Одним словом, Поэт ужасно любил воспевать буревестников и ужасно не любил созерцать горевестников.

Увидит буревестника — воспоет. Увидит горевестника — восплачет. И то и другое он делал с полной искренностью и никак при этом не мог понять, что воспевание буревестников непременно приводит к появлению горевестников.

Бывало, не успеет оторвать на плече горевестника, а уже высмотрит из-за его поникшего плеча взмывающего в небо буревестника и приветствует боевую птицу радостным кличем.

Он был уверен, что его поэтический голос непременно взбодрит буревестника и напомнит окружающим кроликам, что, кроме любви к свежим овощам, есть у них высшее предназначение — любовь к буре. Кролики иногда прислушивались к его голосу, сравнивая любовь к овощам с любовью к высшему предназначению, и каждый раз удивлялись, что любовь к овощам они ясно ощущают в своей душе, а любовь к высшему предназначению они чувствуют очень смутно, точнее даже совсем не чувствуют.

В старости Поэт все так же восторгался при виде буревестника, но, ослабнув зрением, стал за него иногда принимать обыкновенную ворону.

И Король, чтобы Поэт не конфузился перед рядовыми кроликами, велел приставить к нему глазастого крольчонка-поводыря, чтобы тот его вовремя останавливал. Кстати, крольчонок этот оберегал Поэта и от всяких колдобин и ям, когда они гуляли в пампасах, потому что Поэт все время смотрел на небо в поисках буревестника и не замечал вокруг себя ничего.

— Разразись над миром... — бывало, начинал Поэт, но тут его перебивал глазастый крольчонок:

— Дяденька Поэт, это не буревестник, это ворона!

— Ах, ворона, — отвечал Поэт, несколько разочарованный. — Ну, ничего, призыв к буре никогда не помешает!

Но мы опять отвлечлись, а надо о жизни Поэта и Короля рассказывать по порядку. К тому же вся эта история, в сущности, гораздо грустнее и надо соответственно снизить тон.

Одним словом, когда Король и Поэт примирились, Король обещал в самое ближайшее время ввести всеобщее образование кроликов.

— Только так мои мудрые повеления и твои божественные стихи смогут стать достоянием всех кроликов, — говаривал будущий Король.

Но оказалось, что будни королевской жизни заполнены таким большим количеством государственных мелочей, что до великих замыслов руки у Короля никак не доходили.

— Крутишься на троне, как белка в колесе,— оправдывался Король, когда друг юности напоминал о его смелых замыслах,— но я велел заготовить еще десять кадок чернил... Так что кое-что делается в этом смысле.

Король заготавливал впрок чернила из сока бузины, чтобы, когда придет время, сразу все королевство кроликов обеспечить средствами борьбы с безграмотностью. Но время шло, а до всеобщего образования кроликов руки у Короля никак не доходили. Единственное, что он успевал сделать, это давать иногда распоряжения заготовить еще несколько кадок чернил из сока бузины на случай будущих надобностей.

Но время надобностей никак не наступало, а сок бузины, перебродив в кадках, превращался в прекрасный крепкий напиток, о чем, впрочем, никто не подозревал, пока через многие годы Поэт однажды, мучительно грызя свое поэтическое перо, случайно не всосал сквозь его трубчатое тело бодрящий сок чернил. Слух о свойствах чернил быстро распространился среди кроликов, и они стали проявлять неудержимую склонность к самообразованию. Но подробнее об этом мы расскажем в другом месте.

Держа в руках королевскую власть, Король кроликов с горечью убеждался, что все силы уходят на то, чтобы эту власть удержать. Для чего власть, думал Король иногда, если все силы уходят на то, чтобы ее удержать? В конце концов он пришел к такому решению, что надо увеличить королевскую охрану, чтобы освободить свое время и силы для дел, ради которых он и рвался к власти.

И он увеличил королевскую охрану и почувствовал, что ему становится легче: часть сил, уходившая на то, чтобы удержать власть, освободилась. Но в один прекрасный день ему в голову пришла вполне здравая мысль, что такая сильная охрана может сама попытаться отнять у него власть. Как же быть?

Если сейчас внезапно уменьшить охрану, решил Король, злоумышленники подумают, что наступил удобный случай для захвата власти. Поэтому он еще больше увеличил охрану, дав новым охранникам тайное задание охранять Короля от старой охраны.

Но это еще больше осложнило положение Короля. Стало ясно, что новая охрана, имея такие широкие полномочия внутри старой охраны, будет слишком безнадзорной и потому опасной для Короля. Тогда он старой охране дал тайное указание следить за новой охраной на случай, если новички захотят его предать.

Но это еще больше запутало Короля и осложнило его жизнь. Имея такую огромную охрану с такими сложными полномочиями, надо было дать каждому охраннику какую-то ежедневную работу, иначе, развратившись от безотчетной власти, любой из них мог стать злоумышленником.

И вот, чтобы у каждого была работа и каждый должен был бы отчитываться за нее, пришлось ввести слежку за всем племенем кроликов и в особенности за теми кроликами, которые находились на королевской службе. Но среди тех, кто находился на королевской службе, было немало кроликов, которым Король абсолютно доверял. Это были товарищи его юности, помогавшие ему взять власть в свои руки.

И вот пришлось установить слежку и за этими кроликами, хотя Король им доверял. Сложность его теперешнего положения состояла в том, что он не мог сказать: таких-то и таких-то кроликов надо освободить от слежки, потому что он им доверяет, а за такими-то следить. Это было бы слишком не похоже на Закон, который должен ко всем относиться безразлично.

— Я себя не исключаю,— говорил Король Начальнику Охраны,— если обнаружите, что я в заговоре против своей законной власти, карайте меня, как всех.

— Только попробуйте войти в такой заговор,—

грозно отвечал ему Начальник Охраны, и это успокаивало Короля.

Ведь если вводится закон о тайной слежке, он должен относиться ко всем одинаково, думал Король. Ведь если всех кроликов, находящихся на королевской службе, разделить на тех, за кем надо следить, и тех, за кем не надо следить, это вызовет в умах охранников слишком грубые и ошибочные представления о том, что есть кролики, которым все доверяют, и есть кролики, которым ничего не доверяют. На самом деле все обстоит сложнее, и истина более опасно переливчата.

Те, за которыми следят, узнав, что есть те, за которыми не следят, могут слишком сильно обидеться и уже в глубоком подполье устроить заговор против Короля.

Но то же самое могут сделать и те, за которыми не следят. Именно в силу того, что кругом за всеми следят, а за ними не следят, они могут по закону соблазна устремиться к осуществлению возможностей, вытекающих из этого положения.

А между тем, установив слежку за друзьями юности, которым он доверял, Король чувствовал угрызения совести. Друзья его юности, заметив, что за ними установлена слежка и, значит, Король им не доверяет, стали с ним вести себя сдержанней, то есть, с его точки зрения, стали скрытными.

Но все-таки каждый раз, когда он думал о друзьях юности, за которыми он установил слежку, он чувствовал угрызения совести и от этого ему было неприятно. Время шло, и постепенно Король позабыл, почему, вспоминая о друзьях своей юности, он чувствует какую-то неприятность.

Он только чувствовал, что они ему внушают какое-то неприятное чувство, и решил, что чувство это вызывается их подозрительной сдержанностью.

Сам того не замечая, он перед собой пытался оправдать свою неприязнь к друзьям юности за счет донесений тех, кто следил за ними. Слушая доклады об их жизни, он каждый раз проявлял такой живой и жадный интерес ко всему, что в их жизни могло показаться подозрительным, что следящие за ними не могли не почувствовать это. Почувствовав живой интерес Короля ко всему подозрительному, следящие сначала бессознательно, а потом и сознательно стали подчеркивать в своих донесениях все, что вызывало живой интерес Короля.

Как это ни странно, им помогало именно то обстоятельство, что друзья его юности были абсолютно чисты. В таких случаях именно чистые кролики подвергаются наиболее опасной клевете.

Существо, имеющее профессию выявлять в другом существе возможности враждебных мыслей или действий, не может рано или поздно не постараться обнаружить такие мысли и такие действия. Долгое время ничего не обнаруживая, оно слишком явно обнаруживает ненужность своей профессии.

Но почему более чистый кролик в таких случаях должен страдать сильнее?

Не давая никаких реальных примет враждебности, он вынуждает кролика, следящего за ним, рано или поздно приписывать ему какую-нибудь подлость. И при этом немалую подлость. Но почему немалую? Так устроена психология кроликов. Не приписывать же кролику, на которого надо донести, что он скрыл от королевского склада лишнюю морковку. Это как-то глупо получается! Чтобы оправдать перед собой подлость доноса, доносящий кролик выдуманное злодействие делает достаточно значительным, и это ему самому помогает сохранить чувство собственного достоинства. Одно дело, когда кролик приписал другому кролику заговор против Короля, и совсем другое дело, когда он приписал ему лишнюю морковку, не сданную в королевский склад.

Психология кроликов так забавно устроена, что доносящему кролику проще доказать, что невинный кролик устроил заговор против Короля, чем доказать, что тот же невинный кролик подворовывает на складе королевскую морковку.

В последнем случае начальник, которому он докладывает об этом, вполне может спросить:

— А кто, собственно, видел, что он ворует морковку?

И тогда доносящий кролик должен привести убедительные доказательства.

Но если доносящий кролик докладывал начальнику о заговоре против Короля, в котором участвует тот или иной кролик, то начальник не мог спросить у него:

— А где, собственно, доказательства существования заговора?

Почему не мог спросить? Да просто потому, что так устроена психология кроликов. Когда какого-нибудь кролика обвиняют в государственной измене, требовать доказательств существования этой измены считается у кроликов ужасной бестактностью. Такой нежный, такой интимный вопрос, как верность или неверность Королю, и вдруг какие-то грубые, зримые, вещественные доказательства. С точки зрения кроликов это было некрасиво и даже возмутительно.

И стоит ли удивляться, что доносящий кролик, услышав от начальника требование доказательств измены того или иного кролика, мог воскликнуть в порыве патриотического гнева:

— Ах, ты не веришь в существование заговора?! Да ты сам в нем состоишь!

В королевстве кроликов страшнее всего было окатиться под огнем патриотического гнева. По обычаям кроликов, патриотический гнев следовало всегда и везде поощрять. Каждый кролик в королевстве кроликов в момент проявления патриотического гнева мгновенно становился рангом выше того кролика, против которого был направлен его патриотический гнев.

Против патриотического гнева было только одно оружие — перепатриотичить и перегневить патриота. Но сделать это обычно было нелегко, потому что для этого нужен разгон, а разогнаться и перепатриотичить кролика, который вплотную подступился к тебе со своим патриотическим гневом, почти невозможно.

В силу вышеизложенных причин начальники доносящих кроликов не решались требовать доказательств, когда речь шла об измене Королю того или иного кролика.

Совершив несправедливость по отношению к своим бывшим друзьям, Король в глубине души готов был ожидать, что они постараются отомстить ему за эту несправедливость. И когда стали поступать сведения об их измене, он эти сведения воспринимал с жадным удовлетворением. Вскоре в окружении Короля не осталось ни одного из старых друзей, кроме Поэта. А что же он?

Сначала он напоминал Королю о его великих предначертаниях, и Король ему неизменно отвечал, что все помнит хорошо, но пока, к сожалению, приходится вертеться на троне, как белка в колесе. Кроме того, он приказывал заготовить еще несколько кадров чернил, чтобы, когда придет время всеобщего образования кроликов, быть готовым.

Поэта сначала мучила совесть, и он решил, по крайней мере, ничего прямо прославляющего Короля не писать. Но что-то мешало ему уйти от придворной жизни и роскоши, к которой привык и он, и что самое главное, его постепенно разросшаяся семья.

— Ведь Король все-таки кое-что делает для будущего, — говаривала жена Поэта, — вон новые кадки с чернилами стоят в королевском складе.

— Придется подождать, посмотреть, — утешал себя Поэт и делал то, что мог, а именно не писал стихов, прославляющих Короля.

Когда Король стал уничтожать своих друзей, кроме мучений совести, Поэт стал чувствовать мучения страха.

Он считал, что Король преувеличивает опасность, но, видимо, нет дыма без огня, ведь его, Поэта, не арестовывают, не подвешивают за уши, как других кроликов.

Однажды Король пригласил его на ночную оргию, где пили хорошо перебродивший нектар и веселились в обществе придворных балерин. Поэтому пришлось веселиться со всеми, чтобы не обижать Короля. Впро-

чем, сам Король неожиданно освободил его от не слишком настойчивых угрызений совести.

— Ох, и достанется нам когда-нибудь от нашего Поэта, — сказал Король шутило в разгар оргии.

Сам того не ведая, он заронил в душу Поэта великую мечту. Поэт решил, что отныне вся его жизнь будет посвящена разоблачению Короля гневной поэмой «Буря Разочарования». И ему сразу стало легче.

С тех пор он не пропускал ни одного греховного увеселения Короля, оправдывая это тем, что он все должен видеть своими глазами, чтобы разоблачение было глубоким и всесторонним.

— Мне что, для меня все это только материал, — говаривал он, глотая цветочный нектар или обнимая придворную балеринку.

Поэт очень быстро привыкал к материалу, который впоследствии собирался разоблачить гневным сатирическим пером. Иногда ему самому представлялось странным, что он вновь и вновь старается испытать те низменные удовольствия, которые он уже испытывал. Ему все казалось, что он еще недочувствовал каких-то тонких деталей нравственного падения Короля.

И все-таки он искренне готовился написать свою поэму «Буря Разочарования». Он думал начать ее, как только удалится от придворной жизни. А удалиться он собирался, как только изучит все детали падения Короля. Он считал аморальным начинать поэму, пока сам пользуется всеми льготами придворной жизни.

Поэтому он решил, не теряя времени, разрабатывать поэтические ритмы своей будущей разоблачительной поэмы. Работа с ритмами без слов ему очень понравилась. С одной стороны, его гневные порывы не пропадали даром, а с другой стороны, смысл их оставался недоступным придворным шпионам. Он сочинял какой-нибудь ритм, записывал его на листке магнолии и прятал в ящик, сокращенно написав на ритме смысл его будущего предназначения, чтобы потом не забыть.

Иногда он эти ритмы читал Королю, и Король всегда одобрял свежесть и наступательный порыв каждого нового ритма.

Однажды он прочел ему ритм, выражавший ярость по поводу медлительности Короля в деле всеобщего образования кроликов.

Одобрив ритм, Король сказал:

— Тебе хорошо, ты разговариваешь прямо с богом, а мне с кроликами приходится иметь дело. Я тебя прошу, заполни этот ритм яростным разоблачением кроликов, медлящих с уплатой огородного налога.

Услышав такую просьбу, прямо противоречащую смыслу его ритма, Поэт растерялся и согласился исполнить просьбу Короля. Ему показалось, что Король что-то заподозрил, и он таким образом решил рассеять его подозрения. Он пришел домой и написал заказанные ему стихи.

Между тем неправомерное использование ритма праведной ярости вызвало в душе Поэта новый прилив еще более яростного ритма, и он, записав его, окончательно успокоился. Как обычно, для маскировки он сделал заголовок над записью ритма: «Повторная ярость по поводу...»

— Дорого обойдется Королю это мое унижение, — сказал он себе, представляя, как он исхлестает Короля, когда заполнит словами ритмы повторной ярости.

Теперь каждый раз, когда Король такими беспардонными просьбами унижал его божественные, ну, если не божественные, то, во всяком случае, праведные ритмы, в душе Поэта зарождался новый ритм протеста, и он его записывал, чтобы в будущем еще более язвительными стихами разоблачить Короля в поэме «Буря Разочарования». Так что теперь, читая Королю свои новые ритмы, он с немалым самоудовольствием ждал нового унижительного задания.

Кстати, во время исполнения одного из этих унижительных заданий он, грызя верхний конец своего пера фламинго, случайно втянул чернила из перебродившего сока бузины и почувствовал прилив вдохновения. Позже, как мы уже говорили, открытие это стало достоянием всего племени кроликов.

Наконец он принял решение уйти со двора, чтобы начать поэму, но тут жена стала на его пути. Она сказала, что ему сейчас хорошо уходить со двора, он уже прожил свои лучшие годы, а каково его подросшему сыну покидать двор, когда перед ним раскрывается такая карьера.

— Вот устрой сына, тогда уйдем, — сказала она ему, — а ты пока еще собирай ритмы...

И он устроил сына в королевскую охрану, и ему по этому поводу пришлось вынести унижительный разговор с Начальником Охраны, которого он не любил за жестокость и который его презирал за стихи.

Но и после этого он не смог покинуть двор. Упрямая жена его начала закатывать истерики, потому что поэтическая глушь, о которой он мечтал, была неподходящим местом для его дочерей, собирающихся выйти замуж за кроликов придворного круга.

— Пристроим сначала дочерей, — рыдала она, — а ты пока собирай ритмы.

— Да я уже вроде достаточно собрал, — пытался он вразумить жену.

Но вразумить жену не удалось еще ни одному поэту, и ему пришлось подождать, пока дочери выйдут замуж. А все это время он принимал участие в различных увеселениях Короля, хотя пока еще и не принимал участия в его коварных проделках.

Именно в это время Король придумал хитроумный, как ему казалось, способ убирать подозрительных кроликов. Дело в том, что в вегетарианском королевстве кроликов смертной казни не существовало, а убирать всех подозрительных кроликов при помощи удавов было слишком хлопотно. И вот что он придумал.

Он стал объявлять ежегодный конкурс на должность Старого Мудрого Кролика. Как известно, Старый Мудрый Кролик попал на эту должность после того, как он получил сотрясение мозга от упавшего на его голову морковного желудя, когда он находился под сенью морковного дуба. Получив сотрясение мозга, кролик этот неопровержимо доказал, что в его голове было что сотрясать, и его назначили на эту должность.

С тех пор подозрительных кроликов, а подозрительными Король находил именно тех кроликов, которые выступали за дальнейшее усовершенствование правления кроликов, Король заставлял принимать участие в конкурсе на должность Старого Мудрого Кролика.

— Посмотрим, — говорил он, — если выяснится, что вы и есть в настоящее время Старый Мудрый Кролик, мы тогда серьезно обдумаем ваши предложения.

Кроликов, заподозренных в претензии на должность Старого Мудрого Кролика, ставили под морковный дуб, после чего сверху начинали трясти дерево, чтобы вызвать при помощи падающих морковных желудей сотрясение мозга конкурентов.

Обычно несколько кроликов после этого погибало от наиболее прямых попаданий морковных желудей. Оставшиеся кролики продолжали конкурс победителей, и в конце концов, когда оставался последний кролик, он или отказывался от претензий на должность Старого Мудрого Кролика, или, если не отказывался, придворный врач объявлял, что он не получил сотрясение мозга по той простой причине, что в голове его нечего было сотрясать.

Поэт не только не одобрял этого издевательства над наивным тщеславием кроликов, но, рыдая, следил за жестоким зрелищем. Щадя его чувствительное сердце, придворные кролики иногда пытались увести Поэта в сторону от морковного дуба, но он, продолжая рыдать, упирался и не уходил.

— Нет, — говорил он, — я должен испить эту чашу до дна.

При этом, утирая глаза, он мельком успевал взглянуть на небо, по-видимому, в ожидании утешительного пролета гордой птицы.

Интересно отметить, что во время ежегодного конкурса, в разгар тряски морковного дуба некоторые кролики, вовсе ни в чем не заподозренные, сами вбежали в зону падения желудей, надеясь, что вдруг в них обнаружится мудрость, достойная должности Старого Мудрого Кролика.

Наблюдая за картиной этого горестного выявления мудрости, Поэт не только создал ритм, выражающий бурю протеста, но и, рискуя своим положением, заполнил словами его начало. В узком кругу доверенных друзей он его иногда читал:

**Разразись над миром, буря,
Порази морковный дуб!**

Прочитав эти строчки, он молча всовывал в стол листик магнолии, на котором они были написаны, а потрясенные друзья переглядывались, покачивая головой и тем самым выражая догадку о безумной храбрости зашифрованной части стихотворения.

— А ведь морковный дуб растет рядом с дворцом, — наконец, произносил один из них.

— В том-то и вся соль, — добавлял другой.

Впрочем, безумная храбрость на этом заглохла. Поэт считал и притом не без оснований, что пока он находится при дворе, пользуясь излишествами в еде и сладострастными излишествами ночных оргий, он не имеет никакого права выступать против Короля. Но вот дочери его вышли замуж, и тут всплыло новое обстоятельство. Оказывается, работнику королевской охраны, то есть его сыну, как кролику, приобщенному к тайнам охраны, запрещено иметь родственников, удаленных или тем более добровольно удалившихся за границу двора.

Пришлось помочь сыну уйти из охраны и перевести его на работу в казначейство. На это ушел еще один год.

И тут обнаружилось, что через год исполняется двадцать лет его безупречной службы Королю и по законам королевства он должен был получить звание Первого Королевского Поэта. Такое звание при жизни ему ничего не давало, потому что у него уже было все, но после смерти давало ему право захоронения в Королевском Пантеоне среди самых почетных кроликов королевства.

Удалиться со двора перед самым получением этого звания было бы неслыханной дерзостью, а уходить после получения звания было бы хамской неблагодарностью, и он остался еще на несколько лет.

Теперь он уже был стар, но все-таки жизнь казалась бы слишком невыносимой, если бы он отказался от своего замысла. Однажды, перебирая высохшие листья магнолии с записями ритмов будущей поэмы «Буря Разочарования», он тихо рассмеялся.

— Ты чего? — спросила жена, которая только что возвратилась из королевского склада, где получала продукты.

— Да так, — сказал он, осторожно, чтобы они не рассыпались, откладывая ворохи пожелтевших листьев магнолии, на которых были записаны его ритмы, — запасы моих ритмов напоминают запасы чернил Короля.

— Мало ли какие совпадения бывают, — ответила жена, раскладывая на столе свежие продукты с королевского склада.

Да, теперь Поэт понимал, что семья — не самое серьезное препятствие. Конечно, жена поворчит немного, лишившись придворного продуктового пайка, но останавливать его не будет. Препятствие было в нем самом.

Он был достаточно стар, чтобы думать о своей смерти. Он знал, что если умрет, оставаясь при дворе, то будет похоронен по самому высокому разряду в Королевском Пантеоне. Конечно, формально такое право за ним оставалось, даже если бы он ушел со двора, но кто его знает, как Король воспримет его уход.

Какое трагическое противоречие, думал он иногда, никто, кроме меня, не может помочь моему трупу получить достойные похороны.

— Если бы я мог, — говаривал он жене, — похоронить себя с почестями, потом уйти со двора и спокойно писать свою поэму.

— Да не волнуйся ты, — отвечала жена, — похоронят тебя с почестями...

— Если останусь при дворе, конечно, похоронят, — отвечал Поэт, — но мы же собираемся покинуть двор... Идеально было бы похоронить себя с почестями, по-

том написать поэму «Буря Разочарования» и спокойно умереть...

— Ты слишком много хочешь, — отвечала жена, — другому на всю жизнь было бы достаточно, что он открыл кроликам такой прекрасный веселящий напиток... Ты уже много сделал для племени, пусть другие теперь постараются...

— Будем надеяться, что кое-что сделал, — отвечал Поэт, обдумывая, как пристроить лучшим образом свой будущий труп, и одновременно стараясь извлечь новый поэтический ритм из своих горестных раздумий.

Положение было настолько безвыходным, что он иногда предавался самым мрачным фантазиям. Ему приходило в голову притвориться мертвым, дать себя похоронить в Пантеоне, а потом, тайно покинув свой роскошный склеп, уйти в джунгли и там спокойно писать свою поэму.

Но у него хватало здравого смысла понять, насколько этот проект рискованный. Даже если б он удался, его угнетала мысль о неполноценности такого склепа. Конечно, другие будут считать, что он лежит в своем прекрасном склепе. Но он-то будет знать, что это не так, он-то будет знать, что раз он не лежит в своем склепе, значит, в сущности, этот склеп ему не принадлежит.

Так и не найдя выхода из этого трагического противоречия, Поэт заболел и в один прекрасный день умер. Перед самой смертью его посетил Король со своими сподвижниками и, пожелав ему доброго здоровья, намекнул, что в случае его смерти он самым лучшим образом распорядится его трупом.

И Король выполнил свое обещание.

Над трупом Поэта склонялись знамена с изображением Цветной Капусты. Сам Король и все Допущенные к Столу стояли в почетном карауле, а молодые кролики читали стихи Первого Поэта кроликов.

Его похоронили в Пантеоне, а ворохи листьев магнолии с записями ритмов будущей поэмы перешли в королевский архив. Главный Ученый королевства расшифровал все ритмы будущей его поэмы и нашел на каждый из них соответствующее стихотворение, вошедшее в хрестоматию королевской поэзии.

Так, для ритма, кратко озаглавленного «Ярость по поводу медлительности...», он нашел стихотворение, высмеивающее злых неплательщиков огородного налога. А на ритм, озаглавленный «Повторная ярость по поводу...», он нашел стихотворение, высмеивающее все тех же, а может быть, и других неплательщиков огородного налога.

И так все ритмы нашего трагического неудачника были расшифрованы столь примитивным образом, что давало более поздним поколениям кроликов возможность утверждать, будто Первый Поэт кроликов был довольно-таки бездарный рифмоплет.

Правда, находились и более образованные ценители поэзии, которые утверждали, что у Поэта был ранний период, когда он писал божественные стихи, и только впоследствии под влиянием Короля он стал писать чепуху.

Но другие, еще более тонкие знатоки (а может быть, еще более тонкие хулители?) утверждали, что и в более ранних стихах его замечалась та неуверенность в силе истины, то есть они имели в виду неуверенность в конечной и самостоятельной ценности истины, что является, по их мнению, единственным признаком прочности и жизнестойкости всякого творчества. Именно отсутствие этой уверенности в душе Поэта, по их мнению, привело впоследствии к столь прискорбному падению его таланта.

К сожалению, к нам в руки не попали эти спорные или бесспорные продукты самого раннего творчества нашего Поэта, и у нас нет собственного мнения по этому поводу. Мы просто излагаем мнения поздних ценителей, чтобы познакомить читателей, интересующихся этим вопросом, с самим фактом существования такого мнения.

Ибо все это касается несколько более поздней истории королевства кроликов. Наша тема — это, в сущности, расцвет королевства кроликов в ожидании Цветной Капусты.

...Теперь вернемся к событиям, на которых мы прервали свой рассказ. На следующий день посреди джунглей послышалась веселая песенка.

Задумавшийся некто
На холмике сидит.
Пам-пам, пам-пам, пам-пам-па!
И Ля-ля-ля-чий Брод!
Но буря все равно грядет!

Разумеется, это был голос Находчивого. Он уже несколько раз пропел свой нехитрый куплет, но никто на него не отзывался. Тем лучше, думал Находчивый радостно, я им так запутал эту песню, что тут сам черт ногу сломит. Тем более, я на свой риск убрал главное слово в третьей строчке «видны»... Попробуй догадаться: кто задумался, о чем задумался и кому на пользу то, что он задумался?!

Он еще раз спел свой куплет и, не услышав ни в траве, ни в кустах знакомого омерзительного шелеста, совсем успокоился и пошел еще быстрее. Если я буду очень быстро идти, то я быстрее пройду Нейтральную Тропу, и ни один удав не успеет понять, о чем я пою, думал Находчивый, сам удивляясь своей находчивости. Теперь он бежал вприпрыжку, напевая на ходу свою песенку, и только иногда останавливался, чтобы перевести дыхание и еще раз убедиться в приятном бесплодии своего пения.

На этот раз Находчивый остановился под сенью дикой груши, росшей у самой Нейтральной Тропы. Здесь он решил передохнуть и заодно полакомиться грушами, падающими с дерева, если дикие кабаны не успели их сожрать.

Как раз в это время две мартышки, мартышка-мама и мартышка-дочка, зацепившись хвостами за одну из верхних веток, раскачивались на груше. Услышав приближающееся пение Находчивого, мартышка-мама перестала раскачиваться и тревожно прислушивалась к пению. Мартышка-дочка тоже прислушалась.

— Опять Король кроликов кого-то предает, — сказала мартышка-мама, — ну и противный голос у этого Глашатая.

— А что такое «Ля-ля-ля-чий Брод»? — спросила мартышка-дочка.

— Это Лягушачий Брод, — сказала мартышка-мама, снова начиная раскачиваться на хвосте. — Одно утешение (и раз! взмах руками, чтобы усилить раскачку): сколько я их здесь ни вижу, этих Глашатаев, они немалого (и снова раз! взмах руками, чтобы усилить раскачку) переживают свою жертву.

— Значит, предавать — это убивать, — догадалась мартышка-дочка, — только не своими руками?

— Да, — согласилась мартышка-мама, добившись нужной раскачки, — предательство — это всегда убийство чужими руками своего человека, как сказали бы туземцы... А теперь следи за мной. Видишь, как я свободно тело держу? Когда откачнешься на самую высокую точку, отпускаешь хвост и падаешь, ни о чем не думая. Но как только долетела до нужной ветки, легчайшим взмахом забрасываешь за нее хвост, а сама летишь дальше. Хвост сам захлестывается, и ты прочно повисаешь на ветке.

— А у меня почему-то хвост не выдерживает, и я падаю, — ответила мартышка-дочка.

— Потому что ты по дороге от страха цепляешься за всякие там лианы, — объясняла мартышка-мама, — у тебя не получается скорости захлеста. Запомни, во время вертикального падения главное — скорость захлеста. Падение — ничего. Скорость захлеста — все. Раз, — сказала она, усиливая мах и одновременно ослабляя тело и этим показывая, что совершенно не боится за его судьбу, — два-три...

Мартышка-мама полетела вниз, придав лицу то выражение безмятежности, которое бывает у туземок, когда они вяжут одежду из шерсти животных. Но вот хвост ее вяло закрутился за нужную ветку, и через мгновение, сдернутый силой тяжести тела, он намертво зацепился за ветку.

— Понятно? — спросила снизу мартышка-мама, глядя на свою дочку.

— Понятно, — ответила дочка не очень уверенно,

глядя вниз, где покачивалась ее мама, и еще ниже, где под сенью дерева ходил Находчивый, собирая груши, слетевшие с ветки, за которую зацепилась мартышка-мама.

Поев груш, Находчивый залюбовался резвящимися мартышками. Хорошо им, вдруг подумал он с грустью, прыгают себе по веткам, и никаких тебе песен, никаких тебе королевских поручений.

— А тебе кто мешает? — вдруг услышал он голос из самого себя.

— Как кто? — ответил он громко от неожиданности. — Надо же стремиться к лучшему, раз природа сделала меня Находчивым.

Он прислушался, ожидая, что голос внутри него что-нибудь ему ответит, но голос почему-то не отвечал.

— То-то же, — строго сказал Находчивый этому голосу и зашагал дальше.

Он дошел до конца Нейтральной Тропы и повернул назад, думая о том, что это за чертовщина внутри него завелась. Ему было все-таки как-то не по себе. Главное, что голос этот неожиданно начался и неожиданно замолк. Если ты решил спорить со мной, спорь, думал Находчивый, а иначе что это получается? То вдруг возник, то вдруг исчез, а у меня настроение портится. Ну, нет, назло тебе спую еще раз:

Задумавшийся некто
На холмике сидит.
Пам-пам, пам-пам, пам-пам-па!
И Ля-ля-чий Брод!
Но буря все равно грядет!

Он спел и прислушался к джунглям. Ни один тревожный звук не возник в ближайшем окружении. Ну вот, еще разочек спую, мысленно сказал он тому голосу, и все, я свободен!

И вдруг он услышал ненавистное шипение в кустах папоротника, и в сторону реки, покачивая вершины папоротников, потянулось, полилось невидимое тело удава. Мало ли, кто куда ползет, с ужасом подумал Находчивый, пытаюсь себя утешить. Нет, нет, я не верю, что он туда ползет!

И чтобы самому себе доказать, что он не верит этому, он стал громко и уже не прерываясь петь свою песню.

И мысли его в то время лихорадочно пронеслись в голове. Зачем я не ушел в рядовые, думал Находчивый. Но я не мог уйти в рядовые, тут же оправдался он. О, если б я не отъел подарок Королевы, я бы мог уйти в рядовые. О, если бы я знал, что они и так знают, что я надкусил капустный листик, я бы тогда тоже ушел бы в рядовые. О, если б, думал он, продолжая петь и возвращаясь по Нейтральной Тропе.

А все-таки, вдруг этот удав сам по себе полз в сторону реки, может быть, он уже давным-давно куда-то завернул, думал Находчивый, стараясь освободиться от тоски, которая ему была очень неприятна. А вон и груша, сказал он себе, если мартышки на ней, узнаю у них, не проползал ли здесь удав. Может, он уже давно завернул в другую сторону.

А между тем мартышка-мама и мартышка-дочка все еще продолжали отрабатывать вертикальный прыжок. За это время дочка успела свалиться с дерева, потому что у нее опять не получился захлест. Почесывая ушибленный бок, она уныло слушала свою маму, которая посвящала ее в тонкости прыжка.

— Но ведь я сейчас не цепляюсь за ветки, а у меня все равно не получилось, — говорила она в свое оправдание.

— Именно потому, что ты не цеплялась, — объясняла ей мартышка-мама, качаясь на хвосте и снизу вверх поглядывая на дочку, — ты еще больше испугалась, и у тебя от страха затвердел хвост. Тогда как во время захлеста хвост должен быть совершенно расслабленным... Тогда получается достаточное количество витков, полностью обеспечивающих безопасность... Попробуем еще раз...

Мартышка-дочка зацепилась хвостом за ветку и только взмахнула руками для раскачки, как вдруг

заметила внизу у самой Нейтральной Тропы ползущего удава.

— Удав! — крикнула она. — Я боюсь.

— В сторону реки ползет, — уточнила мать.

— Уж не Глашатай ли его накликать?! — воскликнула дочка.

— А кто же еще, — вздохнула мартышка-мама, — давай, он уже достаточно отполз.

— Подожди, мама, — сказала дочка, — я вся дрожу... Как только подумаю, что этот Задумавшийся там сидит на своем холмике, а к нему ползет удав, подосланный своими же кроликами, мне делается не по себе...

— Успокойся и еще раз попробуй, — сказала мартышка-мама, — значит, теперь главное — расслабить хвост...

Мартышка-дочка почему-то никак не могла успокоиться. А тут вдруг послышались бодрые звуки предательской песни. Это Королевский Глашатай возвращался назад по Нейтральной Тропе.

— Чего он поет, — удивилась мартышка-дочка, — разве он не знает, что удав уже прополз?

— Еще как знает, — ответила мартышка-мама, — это он нарочно, чтобы никто не подумал, что предательство и песня связаны друг с другом... Мол, он поет сам по себе, а удав сам по себе наткнулся на Задумавшегося...

— До чего ж хитер! — воскликнула мартышка-дочка. — Уж не от кроликов ли произошли туземцы?

— Не знаю, — сказала мартышка-мама, продолжая покачиваться на хвосте и прислушиваться к Нейтральной Тропе, — они так говорят, как будто произошли от нас...

В это время Находчивый подошел к груше и снова увидел все тех же мартышек на все той же ветке дикой груши. Это были первые живые существа, которых он увидел после своего предательства, и ему было приятно их видеть. Ему вдруг показалось, что в мире ничего не изменилось, в мире все осталось, как было. Вот дикая груша, как она росла, так она и растет, вот обезьяны на ней, как отрабатывали свой вертикальный прыжок, так и отрабатывают. И все, все осталось по-прежнему... Ему вдруг страшно захотелось поговорить с кем-нибудь, хотя бы с этими мартышками.

— Эй, там на дереве, — крикнул он снизу, — тряхни-ка ветку, грушами хочется побаловаться!..

Молчание. Только слышалось равномерное поскрипывание ветки, на которой качалась мартышка-мама. И снова Находчивому стало как-то неприятно, скучно.

— Жалко, что ли?! — крикнул он вверх.

Опять молчание. Неужели все-таки удав прополз к реке, где сидит Задумавшийся?

— Слушай, — крикнул он снова мартышке, — здесь никто... не проходил в сторону реки?!

Тягостное молчание. Но мартышка долго молчать не может.

— Ты хотел сказать, никто не прополз, — наконец ядовито ответила она.

Знает, с ужасом подумал он и в то же время почувствовал злость на эту чересчур развязную мартышку.

— Я хотел сказать именно то, что я сказал, — надменно ответил он и замолк.

— Ой, какой наглый, — прошептала мартышка-дочка.

— Сейчас я сделаю вертикальный прыжок и плюну ему в лицо, — решительно прошептала мартышка-мама, — а ты проследи, как я буду делать захлест...

— Плюнь ему в лицо, мама, плюнь! — радостно прошептала мартышка-дочка и от волнения заерзала на ветке.

Мартышка-мама раскачалась на хвосте и полетела вниз. Она зацепилась хвостом за самую нижнюю ветку над самой головой Находчивого. Христнула ветка, за которую зацепилась мартышка, и град груш посыпался на землю. Находчивый от неожиданности страшно испугался и впервые в жизни, несмотря на свою находчивость, не сразу понял, в чем дело. Он еще не знал, что душа, совершившая предательство,

всякую неожиданность воспринимает как начало везения.

— Ой, — наконец перевел дыхание Находчивый, — это ты, мартышка?

— Нет, карающий ангел свалился с небес, — съязвила мартышка, покачиваясь на хвосте.

— При чем здесь карающий ангел? — холодно ответил Находчивый. Он уже успел прийти в себя и принять вид, подобающий Королевскому Глашатаю.

— А при том, — ответила мартышка-мама, — что можешь заткнуться со своей песней, потому что кое-кто кое-куда уже давно прополз...

— При чем здесь удав?! — закричал Находчивый, теряя самообладание. — Я не позволю! Я Королевский Глашатай! Я буду жаловаться! Я! Я! Я!

— А между прочим, я ничего не говорила про удава, — сказала мартышка, продолжая качаться на хвосте.

— Нет, говорила! — закричал Находчивый. — Это безобразие! Это издевательство над Королевским Глашатаем! Ты тренируешься над Нейтральной Тропой! Я этого так не оставлю!

А в самом деле, над Нейтральной Тропой тренироваться не положено, и вообще лучше с ним не связываться, подумала мартышка. Отменив обещанный плёвок, она молча полезла вверх, а Находчивый пошел дальше, возмущенно жестикулируя ушами и что-то бормоча.

— Ну что, плюнула? — спросила мартышка-дочка, когда мать долезла до верхней ветки и уселась рядом с дочкой.

— Еще как! — ответила та.

— А он что? — спросила дочка.

— А что он? Утерся и пошел.

— Мама, — сказала мартышка-дочка, — а что если я сбегаю, предупрежу Задумавшегося...

— Не стоит вмешиваться, — ответила мартышка-мама и добавила: — Да, пожалуй, уже поздно...

— А вдруг успею! — воскликнула мартышка-дочка. — У меня ведь очень быстрый горизонтальный прыжок...

— Нет, и все! — сказала мартышка-мама более строгим голосом. — Ты еще маленькая, чтобы вмешиваться в такие дела.

— Мама, мамочка! Прошу тебя! Я побегу! Я полечу! Я успею! — умоляла мартышка-дочка свою мать.

— Нет! — еще строже и непреклонней отвечала мать. — Ты еще многого не понимаешь... Мне тоже жалко Задумавшегося... Его учение и для нас представляет интерес... Но он слишком далеко заходит... Слишком...

— А мне его так жалко, — теперь поняв, что мать никуда ее не пустит, разрыдалась мартышка-дочка, — он там сидит и думает, а его уже предали.

— Что делать, — вздохнула мартышка-мама и, посадив дочку к себе на колени, стала гладить ее по голове, — туземцы говорят, что наука — это такое божество, которое требует жертв... Если кролики перестанут пастись в огородах туземцев, может, встанет вопрос, что и мы должны оставить кукурузу туземцев... Задумавшийся слишком далеко заходит...

— Но ведь, мама, ты сама говорила, что туземцы от нас произошли, — напомнила дочка, постепенно успокаиваясь, и потерялась головой о подбородок матери. Так она напоминала матери, чтобы та поискала у нее в голове блох.

— Во-первых, это не я так говорю, это они так говорят, — сказала мартышка-мама и, щелкая ногтями, стала рыться у нее в голове, — а во-вторых, когда дело касается кукурузы, они, забывая о нашем родстве, травят нас собаками и ставят свои капканы, омерзительные, как пасть крокодила... Ну что, может, еще раз попробуем вертикальный?

— Только не сегодня, — грустно отвечала мартышка-дочка, — я слишком наводновалась...

— Тогда пошли домой, — сказала мартышка-мама, — расскажем нашим все, что мы видели и слышали... Интересно, чем это все кончится...

— Пошли, — уныло согласилась дочка, и они, пере-

прыгнув на магнолию, исчезли в глянцевой листве магнолиевой рощи.

А между тем Находчивый уже прошел почти всю Нейтральную Тропу и выбрался на небольшой луг, расположенный недалеко от первых кроличьих поселений. Всю дорогу он думал о случившемся и теперь почти успокоился и забыл про мартышек.

Во-первых, думал он, может, удав полз к реке по своим собственным надобностям. Во-вторых, может, Задумавшийся прав, и удав не сможет его обработать, а, в-третьих, вон какие тучи идут с юга. С минуты на минуту начнется гроза, и Задумавшийся не станет в грозу сидеть на открытом холмике. И чем больше он находил шансов для Задумавшегося, тем бодрей он становился.

И вот на этом лугу у первых кроличьих поселений он вдруг встретил жену Задумавшегося.

— Ты что тут делаешь? — спросил он у нее после первых приветствий.

— Да вот клеверок на зиму заготовляю, — ответила она, вздохнув. — Мой-то все думает...

— Ты же пособие от Короля имеешь, — удивился Находчивый.

— Две морковины на шесть ртов? — сказала крольчиха, подняв голову. — Нет, я благодарна Королю, но все-таки приходится крутиться...

— Должно быть, будет гроза, — задумчиво сказал Находчивый и посмотрел на небо. В самом деле, очень черные, очень обнадеживающие тучи ползли с юга.

— Так я ведь тут рядом живу, — сказала крольчиха, мельком взглянув на небо.

— Послушай, а твой, если его застанет гроза, домой приходит? — вдруг спросил Находчивый.

Тут жена Задумавшегося решила, что Находчивый намекает. Когда-то в молодости они оба были в нее влюблены, но она тогда по глупости выбрала Задумавшегося, о чем теперь очень сожалела.

— Ну что ты, — сказала она и махнула лапой, — да он там сидит с утра до ночи и думает. Да его днем палкой домой не загонишь...

— Нет, в самом деле, — спросил Находчивый, — там же открытый холмик... Что ж, он будет целый день мокнуть?

— Но я же лучше знаю, — отвечала крольчиха, глядя в глаза Находчивому. — Так что заходи, ужо, чем бог послал...

— Нет, спасибо, — сказал Находчивый, наконец поняв ее намек, но решив, что это уже будет слишком, — мне отчитаться надо перед Королем...

— Да, — вздохнула крольчиха, — ты теперь вон какая шишка... Куда тебе к нам...

— А-а-а, — махнул лапой Находчивый, — ничего особенного... Ну, Допущен, ну, можно вдосталь поест, попить... Да не в этом, оказывается, счастье...

— Все вы так говорите, — снова вздохнула жена Задумавшегося, — а у меня от клевера оскомина... Мой-то дурак тоже мог бы, да не захотел.

— Ну, ладно, до свидания, — сказал Находчивый и двинулся дальше, чувствуя, что настроение у него делается все хуже и хуже.

— До свидания, — отвечала крольчиха и снова начала косить резцами клевер. — А то, если надумаешь, заходи... Худо-бедно... Чем бог послал...

Находчивый как-то неопределенно кивнул и пошел через луг, срезая его так, чтобы выйти поближе к Королевской Лужайке.

Задумавшийся сидел на своем зеленом холмике возле реки. Налево от него расстилались пампасы, а направо был хорошо виден широкий Лягушачий Брод. Печальными и вместе с тем пронизательными глазами следил Задумавшийся за окружающей жизнью. А точнее сказать, пронизательными и именно потому печальными глазами следил Задумавшийся за окружающей жизнью.

Вот комар зазевался и слишком низко пролетел над Лягушачьим Бродом, и его схватила лягушка. А там лягушка зазевалась, и ее копьём клюва пронзила цапля. А там цапля, завистливо глядя на дру-

гую цаплю, глотающую лягушку, зазевалась, и ее в свою ужасную пасть затолкал крокодил. А там туземцы сумели поймать в сетку зазевавшегося крокодила, после чего, разрубив его на аппетитные (как им казалось) куски, погрузили в лодку и переправились на тот берег. Но не успели они доплыть до своей деревни, как одного из них, слишком низко наклонившегося над водой, сумел выхватить из лодки другой крокодил.

— И это они называют жизнью, — сказал Задумавшийся, кивая сидящему рядом с ним Возжаждавшему.

— Учитель, — ответил Возжаждавший, — все-таки мне кажется, если бы ты в тот раз обещал кроликам сохранить воровство, мы бы выиграли дело. Ты был так близок к победе. Неужели нельзя было один раз солгать ради нашей прекрасной цели?

— Нет, — ответил Задумавшийся, — я об этом много раз думал. Именно потому, что живая жизнь все время движется и меняется, нам нужен ориентир алмазной прочности, а это и есть правда. Она может быть неполной, но она не может быть искаженной сознательно даже ради самой высокой цели. Иначе все развалится... Мореплаватель не может ориентироваться по падающим звездам...

— Но ведь победа была так близка, Учитель, — напомнил Возжаждавший тот великий день, когда кролики чуть не скинули Короля.

— И все-таки нельзя, — повторил Задумавшийся, — ведь если мы победим большую несправедливость по отношению к кроликам, у нас появится возможность избавиться от малой несправедливости по отношению к чужим огородам. Кроме этого, откроются и другие малые несправедливости в жизни кроликов, в том числе и новые. Например, кролики могут загордиться, объявить, что они избавили джунгли от страха перед удавами, что они теперь выше существа... Мало ли что... И запомни, как только мы освободимся от этой великой несправедливости, для рядового кролика она мгновенно забудется, исчезнет. И любая из новых мелких неприятностей мгновенно займет те душевные силы, которые отнимал смертельный страх кроликов перед удавами. Такова жизнь, таков закон обновления тревоги, закон самосохранения жизни.

— Но ведь сейчас получается еще хуже, — возразил Возжаждавший, чувствуя, что Задумавшийся слишком далеко отходит, — кролики остались верны Королю.

— Пока — да. Сознание кроликов развращено великой подлостью удавов. К этой великой подлости они приспособили свои маленькие подлости, в том числе и подлость подворовывания плодов с туземных огородов. Расплатываться это сознание — вот наша нелегкая задача.

— Но где уверенность, Учитель? — спросил Возжаждавший. — А если все так и останется?

— Есть нечто более высокое, чем уверенность, — надежда, — отвечал Задумавшийся. — Вчера я здесь сидел один, а сегодня сюда пришел ты, хотя это невыгодно и опасно.

— Ну, хорошо, — снова возразил Возжаждавший, — не надо было лгать. Но мог же ты промолчать про эти проклятые огороды туземцев? Мы бы сначала скинули Короля, а потом получили бы самые удобные возможности расплатываться сознание.

— Нет, нет и нет, — повторил Задумавшийся, — я об этом много думал. Дела всех освободителей гибли из-за этого. Каждый из них, увлеченный своей благородной задачей, невольно рассматривает ее как окончательную победу над мировым злом. Но, как я уже говорил, когда исчезнет то, что зло сейчас, мгновенно наступит то, что зло завтра. Этого не понимали все немудрые освободители и потому, добившись победы, впадали в маразм непонимания окружающей жизни.

— А мудрые освободители? — спросил Возжаждавший.

— А мудрые освободители, — усмехнулся Задумавшийся, — до победы не доживали... Почему немудрые, победив, впадали в маразм? — продолжал Задумавшийся. — Не понимая закон обновления тревоги, они воспринимали забвение освобожденными от того зла,

от которого они с его помощью освободились, как чудовищную неблагодарность. Поэтому они искусственно заставляли освобожденных, склонных забывать о своем освобожденч. справлять праздники освобождения. В конечном счете освобожденные и освободители проникались тайной взаимной ненавистью. Освободители, думая, что они сделали своих соплеменников счастливыми, но те по глупости этого не могут осознать, старались день и ночь вдалбливать в них это сознание. Освобожденные, зная, что освобождение не сделало их счастливыми, злились на освободителей за то, что они обещали их сделать счастливыми, но не только не сделали, но еще и заставляют признавать то, чего они не чувствуют, а именно — счастья освобождения. Потерявшие идеал начинают идеализировать победу. Победа из средства достижения истины превращается в самую истину. Запомни: там, где много говорят о победах, — или забыли истину, или прячутся от нее. Вспомни, как любят удавы говорить о своих ежедневных победах над кроликами, и вспомни, как наш лицемерный Король каждое случайное снижение количества проглоченных кроликов удавами объявляет очередной победой кроликов, а каждое повышение количества проглоченных кроликов — временным успехом удавов.

— Вот бы мы его и скинули тогда, — бил в одну точку Возжаждавший, — если б ты промолчал, когда дело пахло капустой.

— Нет, нет и нет, — так же упрямо повторял Задумавшийся, — я об этом много думал. Дела всех преобразователей гибли из-за этого...

— Ты это уже говорил, Учитель, — перебил его Возжаждавший, — до меня твои мысли доходят лучше, когда ты через какой-нибудь пример из нашей жизни что-нибудь доказываешь...

— Хорошо, — сказал Задумавшийся и, немного подумав, добавил: — Вот тебе пример. Представь, что за кроличьим племенем гонится один обобщенный удав. Кролики устали, кролики бегут из последних сил, и вот они приближаются к спасительной реке. Река их спасет, потому что кролики ее перейдут вброд, а этот обобщенный удав, представь, страдает водобоязнью. Если кролики добегают до воды, они будут обязательно спасены. Но многие из них еле волочат ноги. А до реки еще осталось около ста прыжков. Так вот, имеет ли право вожак, чтобы взбодрить выбившихся из сил, воскликнуть: «Кролики, еще одно усилие! До реки только двадцать прыжков!»?

— Я полагаю, имеет, — сказал Возжаждавший, стараясь представить всю эту картину, — потом, когда они спасутся, он им объяснит, в чем дело.

— Нет, — сказал Задумавшийся, — так ошибались все преобразователи. Ведь задача спасения кроликов бесконечна во времени. Перебежав реку, кролики получат только передышку. Наш обобщенный удав найдет где-нибудь выше или ниже по течению переброшенное через реку бревно и будет продолжать преследование. Ведь удав у нас обобщенный, а любителей крольчатины всегда найдется достаточно...

— Значит, я так думаю, надо сохранить право на ложь самого лучшего случая?

— Нет, — сказал Задумавшийся, — такого права нет. Как бы ни были кролики благодарны своему вожаку за то, что он взбодрил их своей ложью, в сознании их навсегда останется, что он может солгать. Так что в следующий раз сигнал об опасности они будут воспринимать как сознательное преувеличение. Но и вожак, солгав во имя истины, уже предал истину, он ее обесчестил. И насколько он ее обесчестил, настолько он сам ее не сможет уважать... Она его будет раздражать...

— Господи, как все сложно! — воскликнул Возжаждавший. — Что же нам делать?

— Расплатываться уверенностью кроликов в том, что удавы их гипнотизируют. Развивая свою природу, кролик невольно, по слабости, может спотыкаться, даже впадать в огородный разгул, но идеал должен оставаться твердым и чистым, как алмаз. Я же говорил, что моряк не может ориентироваться по падающим звездам. И дело не в количестве ошибок и заблуждений, а в другом. Пока кролик, очнувшись от

огородного разгула, осознает его как падение, будущее не потеряно. Поражение начнется тогда, когда он свое падение станет оправдывать своей природой или законами джунглей. Тут начинается измена идеалу, ложь, из которой нет выхода.

— Учитель! — неожиданно крикнул Возжаждавший. — Сюда ползет удав. Впервые вижу, чтобы удав охотился на открытых пространствах.

— Ну и что, — сказал Задумавшийся, — ты ведь знаешь, что их гипноз — это наш страх.

— Вообще-то, да, — замылся Возжаждавший. — Ну, а вдруг?

— Тогда отойди, и ты увидишь, что все, что я говорил, — правда.

— Мне стыдно, Учитель, но страх сильнее меня...

— Я тебя не осуждаю... Ты еще недостаточно долго думал... Когда после мучительных раздумий тебе открывается крупица истины, ты, защищая ее, делаешься бесстрашным...

— А все-таки, Учитель... Ведь тот был одноглазый инвалид... Может, ускорим, пока не поздно?..

— Этого удовольствия я Королю не доставлю, — ответил Задумавшийся, глядя, как удав вылезает на его зеленый холмик, где он провел столько дней в раздумьях о судьбе своих братьев-кроликов.

Между тем удав выползал на холм. Это был тот самый, юный, теперь уже просто молодой удав, которому когда-то Косой рассказывал о своих злоключениях.

Он первым услышал песню Глашатая и, по принятому среди удавов обычаю, получил «право на отглот». Время от времени Король через того или иного Глашатая предавал того или иного кролика, и удавы к этому давно привыкли.

Право на отглот считалось подарком судьбы, верняком. Юный удав сначала сильно обрадовался, получив это право, но теперь он был не очень доволен.

Начать с того, что на пути сюда он встретил крота и спросил у него, как лучше выйти к зеленому холму напротив Лягушачьего Брода. И что же? Оказывается, крот пустил его по неверной дороге, и он, пропутав в джунглях несколько лишнего часов, с трудом нашел этот проклятый зеленый холм.

Поняв, что крот его обманул, он был потрясен бессмысленностью этого обмана. Зачем? Зачем он меня обманул, думал удав и никак не мог понять. Во-первых, удавы кротов вообще не трогают. А во-вторых, крот и не знал, куда и зачем он ползет. Ну, если бы его обманула дикая коза или индюшка, тогда было бы все понятно: удавы глотают не только кроликов. Но за что обманул крот? Кому это выгодно? Ведь ясно, что кроту нет никакой выгоды от этого обмана. Тогда зачем?! Зачем?! Зачем?!

Теперь, добравшись до зеленого холма, он был неприятно поражен видом открытого пространства, на котором ни одного дерева, ни одного куста, где можно было бы спрятаться в ожидании добычи. Какая бесплодная местность, думал он, не дай бог здесь жить.

Доползая до вершины зеленого холма, он вдруг обнаружил, что там вместо одного кролика его ожидают два. Он знал, что кролики очень быстро размножаются, но никогда не думал, что это у них происходит с такой сказочной быстротой. Собственно говоря, кто из них Задумавшийся и кто кого родил?

Медленно подползая, он издала оглядывал обоих, на всякий случай стараясь обоим внушить, что он именно его собираются обработать. Теперь, приблизившись к кроликам, он пытался дышать спокойней и не выдавать своей усталости. По обычаям удавов считалось, что удав перед обработкой кролика должен выглядеть бодрым, свежим, полным веселой энергии.

— Слушай меня внимательно, — сказал Задумавшийся, — я сейчас буду проводить опыт с этим удавом, а ты стой в сторонке и наблюдай. На каком расстоянии по сводке бюро прогноза сегодня действует гипноз?

— На расстоянии трех прыжков, Учитель! — воскликнул Возжаждавший, не спуская глаз с подползающего удава.

— Прочерти борозду на расстоянии двух прыжков от меня, — сказал Задумавшийся спокойно.

— Но ведь это опасно, Учитель?! — попробовал возразить Возжаждавший.

— Не спорь, у нас слишком мало времени, — поторопил его Задумавшийся.

Удав уже полз по гребню зеленого холма и был от них на расстоянии десяти прыжков. Возжаждавший не заставил себя долго упрашивать. Он сделал два прыжка от Учителя в сторону приближающегося удава, и это были далеко не самые удачные его прыжки, хотя он очень не хотел рисковать жизнью Учителя.

Тем не менее он прочертил борозду, как сказал Учитель, и сразу же сделал десяток прыжков в сторону от удава, и каждый прыжок был удивительно удачен, хотя он изо всех сил сдерживал себя. Теперь он сидел на довольно безопасном расстоянии и с замيراющим от волнения сердцем следил за происходящим.

Удав подползал все ближе и ближе. Он никак до сих пор не мог решить, на какого из этих двух кроликов распространяется право на отглот. И если один из этих кроликов родил другого, то не может ли он осуществить отглот обоих кроликов, ссылаясь на свое опоздание? Или на преждевременные роды в процессе заглота? Или не стоит?

Странные действия кролика, который сначала прыгнул в его сторону и прочертил какой-то кабалистический знак, а потом и вовсе отскочил, внушали ему сильные подозрения. Тут что-то не то, думал он, стараясь быть как можно осмотрительней.

Теперь в движениях его огромного тела чувствовалось какое-то противоречие. Та часть тела, которая была поближе к голове, явно замедлила свои движения, тогда как хвостовая часть нервно извивалась, как бы раздраженная медлительностью своего начала. Кончик хвоста нетерпеливо пошлепывал по траве, выбивая из нее небольшие струйки пыли.

Предельно замедлив свое продвижение, молодой удав осторожно приблизил голову к борозде, понюхал ее языком и внимательно оглядел, стараясь понять ее коварное назначение.

— Ты видишь, — сказал Задумавшийся, — даже удав, вырванный из привычных обстоятельств, сразу же теряется.

— Да! — крикнул Возжаждавший в сильнейшем волнении. — Я вижу, но хвостовая часть здорово напирает!

— Так и должно быть, — спокойно пояснил Задумавшийся, — приказывает желудок, а голова удава — это только служба заглатывания...

Но тут удав остановился в полной нерешительности. Он даже слегка покосился на второго кролика, думая, не взяться ли за него. Неожиданная борозда, а главное, спокойный голос этого кролика слишком смущали его.

Но в это мгновение Задумавшийся наконец замер, уши у него опустились, а глаза стали покрываться приятной поволокой. Удав снова взбодрился и, уже не спуская глаз с этого кролика, продвинул голову за черту. Кролик был довольно худой, и ему мелко подумалось, что Король кроликов именно таких нежирных кроликов предает, чтобы жирными питаться самому. Он, конечно, знал, что кролики кроликов не едят, но сейчас почему-то забыл об этом.

— Учитель, Учитель! — крикнул Возжаждавший. — Ты, кажется, засыпаешь? Проснись!

— Не беспокойся, все идет правильно, — ответил Задумавшийся, стараясь своим голосом не испугать удава.

— Но зачем так рисковать, Учитель! — снова крикнул Возжаждавший.

— Мой подопытный удав слишком вяло работает, — ответил Задумавшийся, — я ему помогаю...

Удав, уставив на Задумавшегося свои омерзительные глаза, продолжал медленно переползать борозду.

— Что делает взгляд удава страшным? — продолжал Задумавшийся свои наблюдения. — Полное отсутствие мысли... В сущности что такое удав? Удав — это ползающий желудок.

— Учитель, он уже совсем близко! — крикнул в ужасе Возжаждавший. — Прыгай в сторону!

— Ничего, я успею, — отвечал Задумавшийся и продолжал наблюдать за удавом.

Удав наполнил, сосредоточив все свои силы на священном ритуале гипноза, то есть стараясь не спускать с кролика глаз. Но на этот раз все происходило как-то необычно, странно. Нервы молодого удава были слишком напряжены.

Обрабатываемый кролик вел себя оскорбительно. И, главное, от него шла утечка информации — и куда! В сторону кролика, даже не находящегося в сфере обработки. Такие ляпсусы Великий Питон никогда не прощал.

Младой удав сейчас так жалел, что пустился на эту авантюру (ничего себе верняк!), так ненавидел этого Глашатая! Но ничего не поделаешь, теперь уже отступать было поздно...

— Слушай меня, — продолжал Задумавшийся спокойным голосом, — я полностью в сфере лжегипноза, и я ничего не чувствую, кроме его дыхания, правда, достаточно зловонного... Я полностью владею своими чувствами и конечностями. Моя речь с научной точки зрения должна служить доказательством моей полной вменяемости... Запомни это на случай, если Король объявит все, что я говорю, гипнотическим бредом. Сейчас я произведу ряд действий в заранее мною же предсказанной последовательности.

— Скорей, Учитель, скорей! — крикнул Возжаждавший, от нетерпения подпрыгивая на месте.

Удав уже был на расстоянии одного прыжка и тревожно прислушивался к словам Задумавшегося. Несколько раз он уже порывался ответить на его оскорбления, но строгие обычаи соплеменников запрещали заговаривать или вступать в дискуссию с обрабатываемым кроликом.

— Итак, я сейчас шевельну правым ухом, — сказал Задумавшийся, — потом левым. Потом обоими сразу... А потом три раза фыркну с равными промежутками между каждым фырком...

И вдруг удав, покрываясь холодным потом, с ужасом заметил, что правое ухо обрабатываемого кролика приподнялось и шевельнулось. И тут он сам, нарушая священный ритуал, перевел взгляд на левое ухо, которое тоже как-то задумчиво приподнялось и как-то укоризненно шевельнулось, хотя он изо всех своих гипнотических сил приказывал и даже униженно умолял кролика не шевелиться.

После этого к полной панике удава оба уха шевельнулись одновременно, и, согласно собственному предсказанию, кролик начал фыркать. И тут нервы молодого удава не выдержали.

— Я не могу так работать! — крикнул он. — Что ты фыркаешь мне в лицо! Что ты ерзаешь ушами, разговариваешь!

— Все правильно! Победа! Победа! — крикнул Возжаждавший, приплясывая и хлопая лапками. — Ты все сделал точно, только фыркнул четыре раза!

— В последний раз я чихнул, — поправил его Задумавшийся. По голосу его видно было, что он сам доволен продленным опытом. — Очень уж от него воняет... Кстати, не исключено, что на этом основана легенда о гипнозе. Возможно, что один из наших предков, не выдержав его дыхания, упал в обморок. Тогда воздух в джунглях был чище, потому что туземцев было гораздо меньше. И это послужило поводом для панических слухов...

— Победа! Победа! — закричал Возжаждавший, приплясывая на месте. — Победа разуму!

— Не надо злоупотреблять словом «победа», — поправил его Задумавшийся, — даже если это победа разуму... Я бы вообще выкинул это слово... Я бы заменил его словом «преодоление». В слове «победа» мне слышится торжествующий топот дураков... Но я замолкаю, кажется, мой удав совсем увял...

С этими словами Задумавшийся замолк, опустил уши и стал прикрывать глаза. Удав попробовал было снова взяться за дело, но, почувствовав огромную усталость, расслабился и осел.

— Я должен передохнуть, — сказал он, стараясь скрыть смущение. Это было довольно позорное при-

знание, но он и так уже заговорил, да и надо же было как-то объяснить остановку.

— Отдыхай, — согласился Задумавшийся, — только смотри, не усни и дыши немного в сторону...

— Мне с самого начала не повезло, — сказал удав, отчасти оправдывая свою вялость. — Если ты такой умный, ответь мне, с какой целью меня обманул крот, какая ему от этого была выгода?

Он рассказал о том, как крот его обманул, когда он направлялся сюда для отглотта Задумавшегося. Между прочим, о том, кто его направил сюда, он благообразно умолчал.

— Если бы это был козленок или дикая индюшка, — повторил он свой довод, который ему самому казался неотразимым, — я бы понимал, почему они меня обманули. Но почему обманул крот, какая ему от этого выгода?

— Затем, что крот — мудрое животное, — сказал Задумавшийся, — я всегда это знал.

— Это не ответ, — возразил удав, подумав. — Он же не знал, куда и зачем я иду.

— Возжаждавший, — сказал Задумавшийся своему ученику, — обрати внимание на этот частный, но любопытный случай. Крот — мудр. Но если мудрость бессильна творить добро, она делает единственное, что может, — она удлиняет путь зла.

— А если я спешил помочь товарищу? — снова возразил удав.

— Ха, — усмехнулся Задумавшийся, — никто никогда не слышал, чтобы удав помогал товарищу.

— Почему же, — сказал удав, стараясь припомнить какой-нибудь подходящий случай из жизни удавов, — а Косому кто помог, когда кролик встал у него поперек живота?

— Во-первых, это уже история, — снова усмехнулся Задумавшийся, что удаву было особенно неприятно, — а во-вторых, знаем, как помогли...

— Ну и что, — сказал удав, еще больше уязвленный правильной догадкой Задумавшегося, — во всяком случае, удавы друг друга не предают, а кролики предают.

— Откуда ты это взял? — спросил Задумавшийся.

— А как ты думаешь, почему я здесь очутился? — ехидно спросил удав. Он почувствовал, что Задумавшийся совершенно не знаком с богатством и многообразием форм предательства.

— Не знаю, — отвечал Задумавшийся, — мало ли куда удав может забрести.

— Так знай, — пояснил удав, чувствуя, что превосходство знаний — тоже немалое удовольствие. — Король через Глашатая объявил, что ты здесь. А Глашатаем на этот раз был так называемый Находчивый кролик.

Младой удав без колебаний предавал предателя Глашатаю. Он был обозлен на него за все свои мучения. Чтобы у Задумавшегося не оставалось никаких сомнений, он даже прочел ему песенку Глашатаю.

— Расшифровать, чтобы не мучался? — спросил он у Задумавшегося.

— Ясно и так, — отвечал Задумавшийся, глубоко опечаленный этим предательством, — такого я не ожидал даже от нашего Короля. Ты слышал, Возжаждавший?

— Я потрясен! — воскликнул Возжаждавший. — Но, может, это провокация?!

— Нет, — сказал Задумавшийся грустно, — я узнаю бездарный стиль нашего придворного Поэта... Ну, что ж, я осуществлю до конца коварный замысел Короля, чтобы ты потом мог его разоблачить...

— Что ты этим хочешь сказать, Учитель?! — ужаснулся Возжаждавший.

— Придется пожертвовать жизнью, — печально и просто сказал Задумавшийся.

— Не надо, Учитель! — воскликнул Возжаждавший. — Мне без тебя будет трудно... И потом Король объявит, что он был прав, что твоя смерть — результат неправильных научных выводов.

— А ты для чего? — отвечал Задумавшийся. — Ты же все видел... Моя смерть, наконец, раскроет глаза нашим кроликам на своего Короля. А расчет гипноза ты теперь все знаешь и все можешь повторить...

— Все равно, Учитель,— взмолился Возжаждавший,— я тебя очень прошу, не надо этого делать!

— Нет,— сказал Задумавшийся,— я не знал, что наш Король так глубоко погряз в подлости, раз он способен предавать кроликов удавам... Теперь от него все можно ожидать. Он может объявить, что я проводил свой опыт с большим, малокровным удавом. Нет, это вполне здоровый, нормальный удав, и он сейчас сделает свое дело.

— А я не буду тебя глотать! — неожиданно воскликнул удав и слегка отполз назад.

После всего, что здесь случилось, он чувствовал великую неуверенность в гипнозе и теперь боялся опозориться. Он даже слегка отвернулся от Задумавшегося, как отворачиваются капризные существа от неугодного блюда.

— Молодец, удав! — обрадовался Возжаждавший. — Хоть один раз в жизни сделаешь доброе дело.

— Вы это можете называть как хотите, — презрительно прошипел удав и снова украдкой посмотрел на Задумавшегося, стараясь почувствовать, до чего у него худое и невкусное тело.

— То есть как это не будешь глотать? — строго спросил Задумавшийся.

— А вот так и не буду! — раздраженно воскликнул удав. — То крот меня обманул, то Глашатай обещал верняк, а ты тут ушами ерзаешь, разговариваешь, чи-хаешь в лицо!

— Я тебе не дам испортить свой опыт, так и знай, — сказал Задумавшийся и так строго посмотрел на удава, что тот слегка струхнул.

— Давай разойдемся по-хорошему, — мирно предложил удав. — Я скажу, что не нашел тебя, тем более крот меня сбил с дороги. А вы тут еще расплодились... Откуда я знаю, кто из вас настоящий Задумавшийся? Может, ты нарочно жертвуешь собой, чтобы спасти настоящего Задумавшегося?

— Мы теперь оба Задумавшиеся, — сказал Возжаждавший, отчасти чтобы окончательно запутать удава, отчасти из тщеславия.

— Вот именно, — согласился удав, — мне дано право на отглот одного Задумавшегося, а вас тут двое. Я даже не понимаю, как вы могли родить друг друга? Кто из вас крольчиха?

— Ты видишь, как они плохо нас знают, — сказал Задумавшийся. — Миф о всезнающих удавах порожден кроличьим страхом.

— Судя по всему, — снова обиделся удав за своих, — ты тоже кроликов не очень-то знал.

— Это горькая правда, — согласился Задумавшийся, — но я тебя заставлю проглотить себя!

— Никогда! — воскликнул удав. — Кролик не может удава заставить себя проглотить!

— Ты еще не знаешь, насколько твой желудок сильнее твоего разума, — сказал Задумавшийся и стал замирать.

Младой удав презрительно отвернулся от него, потом несколько раз блудливо посмотрел на него и, убедившись, что кролик не шевелится, начал оживать и вытягиваться в его сторону.

— Конечно, — бормотнул он, глядя на Задумавшегося неуверенным и именно потому особенно наглым взглядом обесчещенного гипнотизера, — после долгой дороги перекусить не грех...

— Учитель! — крикнул Возжаждавший. — Но ведь твоя смерть — это уход от борьбы. Ты оставляешь наше дело...

— Тихо, — спокойно остановил его Задумавшийся, — а то ты его опять пугаешь... Я любил братьев-кроликов и делал все, что было в моих силах. Но я устал, Возжаждавший. Меня сломило предательство. Я знал многие слабости кроликов, знал многие хитрости Короля, но никогда не думал, что этот вегетарианец способен проливать кровь своих же кроликов. Я столько времени отдал изучению врагов, что упустил из виду своих. Теперь я боюсь за себя, я боюсь, что душа моя погрузится в великое равнодушие, какое бывает у кроликов в самый пасмурный день в самую середину Сезона Больших Дождей. Таким меня видеть кролики не должны... Ты будешь продолжать

дело разума. И тебе будет во многом легче, чем мне, но и во многом трудней. Тебе будет легче, потому что я передаю тебе весь свой опыт изучения удавов, но тебе, милый Возжаждавший, будет и трудней, потому что твоя любовь к родным кроликам должна приучаться к возможностям предательства. Моя любовь этого не знала, и мне было легче... Я передаю тебе наше дело и потому пользуюсь правом на усталость...

Удав, который все это время напел на Задумавшегося, пытался не думать о том, что Задумавшийся довольно худой кролик, а, наоборот, старался думать, что Задумавшийся самый умный кролик, и он, проглотив его, лишает племя кроликов самого умного кролика и в то же время заставляет его ум служить делу удавов. Эта мысль его настолько взбудоражила, что он...

— Учитель! — крикнул Возжаждавший в последний раз и зарыдал, потому что пасть удава замкнулась над Задумавшимся.

— Я покажу этой сволочи, Королю! — горько рыдал Возжаждавший. — Я покажу этому выскочке Находчивому! Сволочи, какого Великого кролика загубили!

Удав, пошевеливая челюстями, незаметно уползал, прислушиваясь к рыданиям Возжаждавшего и одновременно ко вкусу проглоченного кролика. Он чувствовал не то стыд за то, что проглотил такого замечательного кролика, не то стыд за то, что проглотил его с такими долгими унижительными церемониями.

Как-то это все неловко получилось, думал он, зато теперь весь его ум во мне... Это точно. А вдруг и в самом деле нет никакого гипноза? Или мой перестал действовать... Нет, я просто слишком устал... Во всяком случае, одно точно, весь его ум теперь во мне... Когда его тело после переработки станет моим телом, его уму будет некуда деваться и он станет моим умом...

Так думал младой удав, уползая в джунгли, стараясь отгонять всякие тревожные мысли о своих гипнотических способностях. От тревожной неуверенности мысль его вдруг возносилась к самым радужным надеждам.

В конце концов, что мне гипноз, думал он. Имея двоякий ум кролика и удава, я могу стать первым среди соплеменников. Великий Питон, например, вообще не ловит кроликов, ему готовеньких подают... Еще неизвестно, кто теперь умней. И вообще, вдруг промелькнуло у него в голове, почему удавами должен править Питон? Правда, он близок нам по крови, но все-таки инородец.

— Удавами должен править удав! — вдруг громко прошипел он и сам поразился глубине и четкости своей мысли.

Уже действует, подумал он, а что же будет, когда кролик превратится целиком?

Тут он окончательно успокоился и, найдя теплое местечко в зарослях папоротника, свернулся и задремал, стараясь унять по мере усвоения Задумавшегося.

В тот же день весть о предательстве Находчивого распространилась в джунглях, чему, с одной стороны, способствовала мартышка, повестившая об этом, можно сказать, все верхние этажи джунглей, а с другой стороны, конечно, Возжаждавший.

Кролики пришли в неистовое возбуждение. Некоторые говорили, что этого не может быть, хотя в жизни всякое случается. Они от всего сердца жалели Задумавшегося. В то же время они испытывали чувство стыда и тайного облегчения одновременно. Они чувствовали, что с них наконец свалилось бремя сомнений, которые им внушал Задумавшийся.

Неизвестная жизнь в условиях желанной безопасности и нежеланной честности казалась им тяжелей, чем сегодняшняя, полная мрачных опасностей, но и захватывающей дух сладости проникновения на огороды туземцев. И чем сильнее они чувствовали тайное облегчение, тем горячее они жалели Задумавшегося и возмущались неслыханным предательством.

И хотя они, честно говоря, всегда не любили следо-

вать его мудрым советам, теперь, когда его не стало, они искренне почувствовали себя осиротевшими. Оказывается, для чего-то нужно, чтобы среди кроликов был такой кролик, который наставлял бы их на путь истины, даже если они и не собирались идти по этому пути.

К вечеру почти все взрослое население кроликов собралось на Королевской Лужайке перед дворцом. Кролики требовали чрезвычайного собрания. Дело пахивало бунтом, и Король, прежде чем открыть собрание, велел страже прочистить запасные выходы из королевского дворца. Всегда во время таких тревожных собраний он приводил в порядок запасные выходы.

— Чем лучше запасной выход, — говаривал Король среди Допущенных, — тем меньше шансов, что он потребуется...

На этот раз положение было очень тревожно. Как всегда, перед началом собрания над королевским сиденьем был вывешен флаг с изображением Цветной Капусты. Несмотря на то, что цвета в изображении Цветной Капусты на этот раз были смешаны самым таинственным и многообещающим образом, кролики почти не обращали внимания на знамя. Иногда кое-кто взглянет на новый узор Цветной Капусты с выражением бесплодного любопытства и, махнув лапкой, окунается в ближайший водоем бурлящей толпы.

Наконец кое-как удалось установить тишину. Король встал. Чуть пониже него стоял Находчивый, испуганно зыкая во все стороны своими глазами.

— Волнение мешает мне говорить, — начал Король скорбным голосом, — в толпе прозвучали страшные слова... Меня, отца всех кроликов, обвинили чуть ли не в предательстве.

— Не чуть ли, а именно в предательстве! — выкрикнул из толпы Возжаждавший.

— Пусть будет так, — неожиданно уступил Король, — я выше личных оскорблений, но давайте выясним, в чем дело...

— Давайте! — кричали из толпы.

— Долой! — кричали другие. — Чего там выяснять!

— Итак, — продолжал Король, — почему Глашатай попал на Нейтральную Тропу? Да, да, я лично его послал. Но для чего? К сожалению, друзья мои, по сведениям, поступающим в нашу канцелярию, резко увеличилось количество кроликов, без вести пропадающих в пасти удавов. Из этого неминусом следует, что удавы в последнее время обнаглели. Возможно, до них дошли слухи о новых теориях Задумавшегося и они решили продемонстрировать силу своего смертоносного гипноза. Что же нам оставалось делать? Показать врагу, что мы притихли, впали в уныние? Нет и нет! Как всегда, на гибель наших братьев мы решили отвечать сокрушительной бодростью духа! Нас глотают, а мы поем! Мы поем, следовательно, мы живем! Мы живем, следовательно, нас не проглотить!!!

(В этом месте раздался бешеные аплодисменты Допущенных к Столу и Стремящихся Быть Допущенными. По какой-то странной ошибке позднее во всех отчетах об этом собрании эти аплодисменты были названы «переходящими во всеобщую овацию». Возможно, так оно и было рассчитано, потому что Король в этом месте остановился, может быть, ожидая, что аплодисменты перейдут в овацию. Но аплодисменты, не переходя в овацию, замолкли, и Король продолжал говорить.)

— ...И вот наш Глашатай с песней был послан на Нейтральную Тропу, где он должен был, как это, кстати, записано в нашем королевском журнале, пропеть в ритме марша текст на мелодию «Вариации на тему Бури»!

— Текст! Текст! — бешено закричали кролики из толпы.

Некоторые из них свистели в пустотелые дудки из свежего побега бамбука. Это считалось нарушением порядка ведения собрания и каралось штрафом, если королевская стража находила свистевшего. Но в то-то и дело, что стража обычно не находила свистевшего, потому что свистевший тут же съедал свой свисток, если к нему приближалась стража.

— Текст, собственно говоря, сочинил наш придвор-

ный Поэт, — сказал Король, озираясь, и, как бы случайно найдя его в числе Допущенных к Столу, кивнул ему. — Пусть он зачитает свой божественный ритм...

Поэт уже давно рыдал о судьбе Задумавшегося, проклиная в душе коварство Короля, который навязал ему написание этого стихотворения. Но ему надо было думать о своей судьбе, и он, продолжая всхлипывать по поводу гибели Задумавшегося, быстро сообразил, кстати, не без намека Короля, как выпутаться из этой истории.

Он вышел вперед и заявил:

— Текст, собственно говоря, условный... Он должен был прозвучать...

— Мы не знаем эти тонкости, — перебил его Король, — ты зачитай кроликам то, что ты написал.

— Пожалуйста, — сказал Поэт и с каким-то презрительным смущением задергал плечом. — Собственно говоря, я хотел предварить текст некоторыми пояснениями. Мне удалось найти своеобразный фонетический строй, который своей угнетающей бодростью давит на победную психику удавов, то есть я хотел сказать...

— Текст! Текст! Текст! — закричали кролики и зашвистели в свои бамбуковые свистульки. — Не надо ничего объяснять...

— Я, собственно говоря, хотел предварить, — сказал Поэт и, еще раз дернув плечом, прочел:

Пам-пам, пим-пим, пам-пим-пам!

Ля-ля, ли-ли, ля-ля!

Пим-пам, пам-пам, пим-пим-пам!

Но Буря все равно грядет!

Вот, собственно, что он должен был пропеть, разумеется, на мелодию «Вариации на тему Бури».

Поэт сел на свое место, поглядывая на небо в поисках случайного буревику.

— Вариации вариациям рознь, — грозно подхватил Король его последние слова и, обротившись к Находчивому, спросил: — А ты что пел?

— Это же самое, — пропищал Находчивый, потрясенный предательством Короля и Поэта.

Как и всякий преданный предатель, он был потрясен грубостью того, как его предали. Он не мог понять, что грубость всякого предательства ощущает только сам преданный, а предатель его не может ощутить, во всяком случае с такой силой. Поэтому любой преданный предатель, вспоминая свои ощущения, когда он предавал, и сравнивая их со своими ощущениями, когда он предан, с полной искренностью думает: все-таки у меня это было не так низко.

Не успел потрясенный Находчивый пропихать свое оправдание, как сверху раздался голос мартышки.

— Неправда! — закричала она, свешиваясь с кокосовой пальмы. — Я все слышала, и моя дочка тоже!

— Мартышка все слышала! — закричали кролики. — Пусть мартышка все расскажет!

— Братцы-кролики, — кричала мартышка, глядя на воздетые морды кроликов, — друзья по огородам туземцев! Мы с дочкой сидели на грушевом дереве возле Нейтральной Тропы. Я ее обучала вертикальному прыжку... Я ей говорю, чтобы при вертикальном падении прочно захлестывался хвост...

— Не надо! На черта нам сдался твой вертикальный прыжок! — стали перебивать ее кролики. — Ты нам про дело говори!

— Хорошо, — несколько обидевшись, кивнула мартышка, — раз вы такие эгоисты, я это место пропущу... Так вот, обучаю я дочку... и вдруг слышу — по тропе идет Глашатай и поет такую песню:

Задумавшийся некто

На холмике сидит.

Пам-пам, пам-пам, пам-пам-па!

И Ля-ля-ля-чий Брод!

Но Буря все равно грядет!

В толпе кроликов раздался страшный шум возмущения, свист, топанье.

— Предатель! Предатель! — доносились отдельные выкрики. — Некто — это наш Задумавшийся!

— Я сразу же поняла, что он предает Задумавше-

гося! — закричала мартышка. — И тогда же плюнула ему в лицо!

— Молодец, мартышка! — закричали кролики. — Смерть предателю!

— Так исказить мой текст! — воскликнул Поэт, в самом деле искренне возмущенный искажением своего текста.

Он дважды предатель, подумал Поэт, исказив мой текст, он предал меня, а потом уже предал Задумавшегося. Почувствовав себя преданным, он окончательно забыл о доле своей вины в предательстве Задумавшегося: какой он предатель, если он сам предан!

Король гневно смотрел на Находчивого. Кролики постепенно притихли, ожидая, что он скажет ему.

— Значит, — мрачно обратился к нему Король, — ты так пел:

Пам-пам, пам-пам, пам-пам-па!
И Ля-ля-ля-чий Брод!

— Да, — еле слышно признался Находчивый.

— А разве я тебя учил так петь?

— Нет, — начал было Находчивый испуганно, — вы просили...

— Молчи! — крикнул Король. — Отвечай перед народом: ты внес отсебятину в текст или не внес?

— Внес, — сокрушенно кивнув головой, подтвердил Находчивый. Ведь он и в самом деле пропустил в третьей строчке слово, на котором настаивал Король.

— Внес отсебятину, — с горестным сарказмом повторил Король. — Куда внес? В королевский текст? Когда внес? Именно сейчас, когда, с одной стороны, напирают удавы, а с другой стороны, никогда раньше опыты по выведению Цветной Капусты не были так близки к завершению.

— Король не виноват, — закричали кролики с удвоенной энергией, радуясь, что им теперь не надо бунтовать, — да здравствует Король! Негодяй внес отсебятину!

— Почему внес? — закричал Король, вытянув лапу обвиняющим жестом. — Не мне отвечай, отвечай всему племени!

— Братцы, помилосердствуйте, — закричал Находчивый, — каюсы! Каюсы! Но почему так получилось? Я все время думал над тем, что нам рассказал Задумавшийся. Мне очень, очень понравилось все, что он нам рассказал про гипноз. Я ему поверил всем сердцем. И я решил: чем быстрее он докажет нашему Королю и нам, что он прав, тем лучше будет для всех. Я же, братцы-кролики, не знал, что так получится...

— Кто тебя просил?! — кричала возмущенная толпа. — Предатель, негодяй!

— Пустите меня, — раздался истошный крик вдовы Задумавшегося, — я выцарапаю глаза этому Иуде!

— Простите, братцы! — вопил Находчивый.

— Нет прощения предателю, — отвечали кролики, — удав тебе братец!

Тут наконец поднялся Возжаждавший и произнес лучшую в своей жизни речь. Он рассказал о последних минутах Учителя. Он рассказал все, что видел, и все, что слышал. Многие кролики, слушая его рассказ, тяжело вздыхали, а крольчихи всхлипывали. Плакала даже Королева. Она поминутно подносила к глазам капустные листики и, промокнув ими глаза, отбрасывала их в толпу кроликов, что, несмотря на горе, каждый раз вызывало в толпе кроликов смущенный ажиотаж.

Возжаждавший страстно призывал кроликов развивать в себе сомнения во всеилии гипноза и тем самым продолжать великое дело Задумавшегося.

В конце своей прекрасной речи он обрушился на Короля. Он сказал, что даже если Глашатай и внес отсебятину, то Король, выбирающий в Глашатай предателя, не достоин быть Королем. Поэтому, сказал он, надо наконец воспользоваться кроличьим законом, которым кролики почему-то никогда не пользуются, и при помощи голосования узнать, не собираются ли кролики переизбрать своего Короля. В самом конце речи Возжаждавший обещал на глазах у всего народа в ближайший праздничный день пробежать

туда и обратно по любому удаву. Эту пробежку он посвящает памяти Учителя.

Когда он кончил говорить, огромное большинство кроликов неистово аплодировало ему. По их мордам было видно, что они не только готовы переизбрать Короля, но и довольно ясно предвидят будущее.

Однако и те, что рукоплескали, и те, что воздерживались, с огромным любопытством ждали, что же будет делать Король. В глубине души и те и другие хотели, чтобы Король как-нибудь перехитрил их всех, хотя сами не могли дать себе отчета, почему им так хотелось. Ну вот хотелось, и все!

Король, покинув свое королевское место, даже как бы махнув на него лапой, хотя и не махнув, но все-таки как бы махнув, что означало, мол, я его вам и без голосования отдам, с молчаливой скорбью стоял, дожидаясь конца рукоплесканий.

— Кролики, — наконец спокойно сказал он голосом, отрешенным от собственных интересов, — предлагаю, пока я Король, минутой всеобщего молчания почтить память великого ученого, нашего возлюбленного брата Задумавшегося, героически погибшего в пасти удава во время проведения своих опытов, которые мы хотя и не одобряли теоретически, материально поддерживали... Вдова не даст соврать...

— Истинная правда, кормилец! — завопила было вдова из толпы, но Король движением лапы остановил ее причитания, чтобы она не нарушала торжественности скорби.

Кролики были потрясены тем, что Король сейчас, когда речь идет о его переизбрании, хлопочет о Задумавшемся, а не о себе.

Все стояли в скорбном молчании. А между тем прошла минута, прошла вторая, третья, четвертая... Король стоял, как бы забывшись, и никто не смел нарушить молчания. Как-то некрасиво, неблагородно говорить, что минута молчания давно истекла. Это был один из великих приемов Короля вызывать у народа тайное раздражение к его же кумирам.

Король, как бы очнувшись, сделал движение, призывающее кроликов расковаться, вздохнуть всей грудью и приступить к неумолимым житейским обязанностям, даже если эти обязанности означают конец его королевской власти.

— А теперь, — сказал Король с благородной сдержанностью, — можете переизбрать своего Короля. Но по нашим законам перед голосованием я имею право выразить последнюю волю. Правильно я говорю, кролики?

— Имеешь, имеешь! — закричали кролики, растроганные его необходимостью.

— Кого бы вы ни избрали вместо меня, — продолжал Король, — в королевстве необходимо здоровье и дисциплина. Сейчас под моим руководством вы исполните производственную гимнастику, и мы сразу же приступим к голосованию.

— Давай, — закричали кролики, — а то что-то кровь стынет!

Король взмахом лапы приказал играть придворному оркестру и, голосом перекрывая оркестр, стал дирижировать государственной гимнастикой.

— Кролики, встать! — приказал Король, и кролики вскопили.

— Кролики, сесты! — приказал Король и энергичной отмашкой как бы влепил кроликов в землю.

— Кролики, встать! Кролики, сесты! Кролики, встать! Кролики, сесты! — десять раз подряд говорил Король, постепенно вместе с музыкой наращивая напряжение и быстроту команды.

— Кролики, голосуем! — закричал Король уже при смолкшей музыке, но в том же ритме, и кролики вскопили, хотя для голосования и не обязательно было вскакивать.

— Кролики, кто за меня? — закричал Король, и кролики не успели очнуться, как очутились с поднятыми лапами.

Все, кроме Возжаждавшего, вытянули вверх лапы. А кролик, случайно оказавшийся возле Возжаждавшего, вдруг испугавшись, что его в чем-то заподозрят, вытянул обе лапы.

Королевский счетовод начал было считать вытяну-

тые лапы, но Король, переглянувшись со своим народом и исключительно демократическим жестом показывая свое общенародное пренебрежение всякими там крохоборскими подсчетами, махнул лапой: дескать, не надо унижать алгеброй гармонию.

— Кролики, кто против? — уже более ласковым голосом спросил Король.

И тут только Возжаждавший поднял лапу. Король доброжелательно кивнул ему, как бы одобряя сам факт его выполнения гражданской обязанности.

— Кролики, кто воздержался? — спросил Король, голосом показывая, что, конечно же, ему известно, что таких нет, но закон есть закон, и его надо выполнять.

Дав щедрую возможность несуществующим воздержавшимся свободно выявить себя и не выявив таковых, Король сказал:

— Итак, что мы видим? Все — за. Только двое — против.

— А кто второй? — удивились кролики, оглядывая друг друга и становясь на цыпочки, чтобы лучше оглядеть толпу.

— Я второй, — сказал Король громко и поднял лапу, чтобы все поняли о ком идет речь. После этого, взглянув на Возжаждавшего, он добавил: — К сожалению, народ, поддерживая меня, нас с тобой не поддерживает...

— Во дает! — смеялись кролики, чувствуя нежность к Королю оттого, что он, Король, зависит от их, кроликов, голосования, и они, простые кролики, его, Великого Короля кроликов, не подвели.

Сам Король снова пришел в веселое расположение духа. Он считал, что когда-то придуманная им производственная гимнастика при внешней простоте на самом деле великий прием, призванный освежать слабейшее время от времени рефлекс подчинения.

— Продолжаю свои нелегкие обязанности, — сказал Король, благодушествуя и подмигивая народу. — Что скажут кролики по поводу предложения Возжаждавшего?

— Зрелища! Зрелища! — закричали кролики радостно.

— Значит, туда и обратно? — спросил Король у Возжаждавшего, подмигивая народу.

— Туда и обратно! — серьезно отвечал Возжаждавший.

— Значит, туда внутрь и обратно наружу? — спросил Король под хохот кроликов.

— Нет, — спокойно отвечал Возжаждавший, — туда и обратно снаружи.

— Удава по своему выбору или по любому?

— По любому.

— Кролики, — обратился Король к народу, — для наглядности зрелища выбираем удава подлинней?

— Подлинней! — закричали кролики. — Так будет интересней!

— Хорошо, — сказал Король, — придется договориться с Великим Питоном... Но учти, Возжаждавший, удав согласится на такое унижение только с правом на отглот.

— Разумеется, — спокойно сказал Возжаждавший, — я посвящу этот пробег памяти незабвенного Учителя.

— Конечно, — отвечал Король, — как только договоримся с Великим Питоном, мы устроим зрелище для всего нашего племени.

— Да здравствует Король! Да здравствует Учитель! Да здравствуют зрелища! — кричали кролики, окончательно всем довольные.

— Кстати, как быть с предателем Задумавшегося? — сказал Король и поманил к себе Находчивого, который, пользуясь тем, что Король и кролики отвлеклись, тихонько уполз в толпу, хотя и не осмелился скрыться в ней.

Находчивый вышел из толпы и стоял перед кроликами, опустив голову.

— Смерть предателю! — закричали кролики, увидев Находчивого и снова все вспомнив.

— Не можем, — сказал Король задумчиво, — мы вегетарианцы.

— А что если его скормить тому удаву, по кото-

рому будет бегать Возжаждавший? — спросил один из кроликов.

— Остроумно, — согласился Король, — но не можем, потому что мы вегетарианцы. Да и научный опыт не получится. Какой же риск быть загипнотизированным, если удав будет заранее знать, что ему выделили другого кролика.

— Я, как Учитель, — гордо заявил Возжаждавший, — могу рисковать только собой.

— Предлагаю, — сказал Король, — предателя навечно изгнать в пустыню... Пусть всю жизнь грызет саксаулы...

— Пусть грызет саксаулы! — повторили ликующие кролики.

— Убрать и сопроводить, — приказал Король, и двое стражников поволокли Находчивого, который смотрел на Короля и Королеву и на всех Допущенных прекрасными глазами тонущего котенка.

— Обманщик, — сказала Королева, сожалея, что не успела насладиться этими теперь даром пропадающими глазами. — Сам сказал: «Никогда», — а сам съел мой подарок.

— Он молодой, ему хорошо саксаулы грызть, — сказал Старый Мудрый Кролик, — а представляете, если б меня выслали туда?

Старый эгоист, глядя на пострадавшего и вспоминая, что и он мог пострадать, требовал к себе сочувствия, словно пострадал именно он.

Когда Находчивого волокли сквозь толпу, снова раздался истошный голос вдовы.

— Убийец! — закричала она и рванулась к Находчивому. — Кто будет кормить моих сироток? Убийец!

Ее едва удалось удержать, и в толпе кроликов поднялся переполох. Король, воздетой лапой добившись тишины, снова обратился к вдове:

— Твой муж — наш брат, несмотря на наши разногласия... Мы тебя не оставим. Твои дети — мои дети.

— В каком смысле? — встревожилась Королева.

— В самом высоком, — сказал Король и показал на небо. После этого он показал на вдову и, обращаясь к придворному Казначее, приказал: — Выкатить ей два кочана капусты одновременно и выдавать по кочану ежедневно с правом замены его на кочан Цветной, как только закончатся опыты, за которыми мы следим и способствуем... А сейчас, кролики, по норам, спокойной ночи!

По приказу Казначея из дворцового склада выкатили два кочана капусты.

— Благодетель, — зарыдала вдова, упав головой на оба кочана капусты и одновременно обнимая их с боков, чтобы никто ничего не мог отколупать.

— Молодчина наш Король, — говорили кролики, разбредаясь по норам.

Некоторые крольчихи с нехорошей завистью глядели на вдову Задумавшегося.

— У других мужья и после смерти в дом тащат, — сказала одна крольчиха, ткнув лапой в бок своего непутевого кролика, — а ты и живой без толку по джунглям качаешь.

— Милая, и мой при жизни не лучше был, — неожиданно бодро успокоила ее вдова и, подталкивая лапами, покатила к норе оба кочана.

На следующий день новый Глашатай был отправлен на Нейтральную Тропу. Здесь он встретился с одним из помощников Великого Питона, и тот его провел в подземный дворец Царя.

Великий Питон возлежал в огромной сырой и теплой галерее подземного дворца в окружении своих верных помощников и стражников. Личный врач ползал вдоль его огромного вытянутого туловища, следя за скоростью продвижения кроликов в желудке Великого Питона. Подземный дворец освещался фосфоресцирующими лампами потустороннего света. Вдоль стен были выставлены чучела наиболее интересных охотничьих трофеев, которых когда-либо приходилось глотать Великому Питону.

Знаменитый придворный удав-скульптор мог совершенно точно восстановить форму любого проглочен-

ного животного по форме выпуклости живота проглотившего его удава.

Среди бесчисленных кроликов, косуль, цапель, обезьян выделялось чучело Туземца в Расцвете Лет, после нелегкого заглота которого Великий Питон был избран Царем удавов.

Дело в том, что загипнотизировать и потом проглотить туземца, особенно если у него за спиной торчат колчан со стрелами — а у этого именно торчал, — адская мука.

Если уж выдавать государственную тайну, то надо сказать, что Великий Питон, в сущности, не гипнотизировал своего туземца. Он наткнулся на него, когда туземец, мертвецки пьяный, спал в джунглях под стволом каштана, из дупла которого он выковырял дикий мед, нажрался его и тут же рухнул.

Сообразительность тогда еще обыкновенного питона проявилась в том, что он не стал тут же под каштаном, где все еще гудел разоренный рой, обрабатывать туземца, а перетащил его в глубину джунглей и там обработал. Обрабатывать пришлось несколько суток, и удавы, собравшиеся вокруг, следили за героическим заглотом Туземца в Расцвете Лет, как позже именовали этого злосчастливого обжору.

То, что заглотал он его честно, сами видели все окружающие удавы. А потом уже Великий Питон рассказал о том, как он его загипнотизировал.

С годами он сам забыл о том, что туземец был мертвецки пьян, и искренне считал, что загипнотизировал туземца. И это неудивительно. Ведь спящего туземца Великий Питон видел один только раз, а о том, что он его загипнотизировал, слышал сотни раз, сначала от самого себя, потом и от других.

Надо сказать, что некоторые выдающиеся заглоты животных, чьи скульптурные портреты здесь были выставлены, совершили другие видные удавы. Но когда Великий Питон был назначен Царем удавов, он почему-то ссорился с каким-нибудь видным удавом, после чего видный удав исчезал, а экспонат его оставался. И вот чтобы выдающийся заглот, имеющий воспитательное значение, не пропадал, приходилось присваивать его Великому Питону.

Точнее говоря, ему даже не приходилось присваивать эти выдающиеся заглоты. Ближайшие его помощники и советники сами присваивали ему эти подвиги.

— Но ведь я не заглатывал именно этого страуса, — слабо сопротивлялся он в таких случаях.

— А сколько выдающихся заглотов ты сделал тогда, когда никакой скульптор не мог увековечить твой подвиг? — резко и даже язвительно возражали ему визири и советники.

— Тоже верно, — соглашался Великий Питон, и очередной скульптурный портрет выдающегося заглота присваивался Великому Питону.

Следует отметить еще одно чудо дворца. В самом нижнем помещении его находился склад живых кроликов на случай стихийных бедствий.

Там хранилось около тысячи живых, но законсервированных в гипнозе кроликов. Кролики лежали в ряд, погруженные в летаргический сон. Каждое утро и каждый вечер их оползал самый страшный удав племени по прозвищу Удав-Холодильник.

Если какой-нибудь кролик выходил из состояния гипноза, а такие случаи бывали, то одного взгляда Удава-Холодильника было достаточно, чтобы он снова погрузился в сон. Удав-Холодильник следил за тем, чтобы кролики не просыпались и в то же время чтобы из летаргического сна не переходили в вечный сон смерти, что иногда случалось. Вовремя убрать мертвецов тоже вменялось в обязанность Удава-Холодильника. В самую жаркую погоду отсюда же подавались кролики отменной прохлады, которыми обкладывали тело Великого Питона.

Третьим чудом подземного дворца считалась комната находок. Сюда приносили всякие интересные предметы, найденные в испражнениях удавов. Поэтому у удавов была привычка внимательно всматриваться в собственные испражнения. Кроме того, в царстве удавов был закон, по которому удавы, обработавшие туземцев, в обязательном порядке должны были сдавать не поддающиеся обработке украшения и оружие.

Дело в том, что удавы старались поддерживать с туземцами хорошие отношения. Каждый случай заглота удавом туземца, если родственник или близкий о нем узнавали, официально обсуждался Великим Питоном. Было замечено, что, когда такого рода выбросы обработанного туземца возратить родственнику с выражением соболезнования, он остается очень доволен и быстро успокаивается.

Кстати сказать, рядовые удавы никогда до конца не могли понять, одобряет Великий Питон обработку туземцев или нет. То есть они понимали, что в глупине души (которая находилась в глубине желудка) он всегда одобряет ее, но из высших интересов всего племени иногда может и осудить, причем самым жестоким образом. Но, с другой стороны, туземцы, вечно занятые междоусобными сварами, нередко тайно прибегали к помощи удавов, чтобы расправиться с каким-нибудь из своих врагов.

Обычно в таких случаях из осторожности стороны договаривались через какую-нибудь обезьяну, которая получала свою долю в виде права в первую ночь отсутствия хозяина разорять его поле, когда еще никто не знает о его гибели.

За пяток кроликов можно было нанять подходящего удава. Великий Питон и на это не обращал внимания, если опять же высшие интересы племени не заставляли его принять крутые меры.

Сам он, если приходилось разговаривать с туземцами, обычно из соображений такта приказывал занавешивать скульптуру Туземца в Расцвете Лет.

Однако пора возвратиться к Глашатаю, который высказал предложение своего Короля Великому Питону, время от времени поглядывая на убранство залы подземного дворца, придававшее ему величественный, то есть зловещий вид.

Глашатай рассказал об условиях пробежки Возжаждавшего по удаву. Как всегда, в принятой у кроликов дипломатии ничего прямо не говорилось. Король передавал любезному собрату, что если какой-нибудь расторопный удав примет это предложение и даст обоим полезный урок, то оба племени от этого выиграют как в физиологическом, так и в психологическом смысле.

Глашатай также рассказал о возмутительном поведении удава, проглотившего Задумавшегося.

Он сказал, что данный удав, нарушая междупородный договор о гуманном отглате, вел с обрабатываемым кроликом издевательские разговоры, применяя попытки в виде колебаний и капризов и в конце концов смертельно измученного кролика отказался глотать, так что несчастная жертва вынуждена была сама броситься в пасть удава. Все это происходило, добавил Глашатай в конце, на глазах у живого кролика, который не собирался давать обет молчания.

Великий Питон выслушал его, подумал и сказал:

— Передай от моего имени Королю: мы не туземцы, чтобы устраивать зрелища. А за сообщение о недостойном поведении удава — спасибо: будет наказание.

Когда Глашатай покинул помещение, Великий Питон спросил у своего главного визиря:

— Что такое «обет молчания»?

— Послеобеденный сон, — ответил тот, не задумываясь. Он на все вопросы умел отвечать, не задумываясь, за что и был назначен главным визирем Царя.

— Собрать удавов, — приказал Великий Питон, — буду говорить с народом. Присутствие вышедшего на отглот Задумавшегося обеспечить целиком! Созвать все взрослое население удавов. Удавив, откладываящих яйца, снять с яиц и пригнать!

В назначенный час Великий Питон возлежал перед своими извивающимися соплеменниками. Он ждал, когда они наконец удобно разлягутся перед ним. Некоторые влезли на инжировое дерево, росшее перед дворцом, чтобы оттуда им лучше было видно Царя, а Царю, если он захочет, их.

Великий Питон, как всегда, речь свою начал с гимна. Но на этот раз не бодрость и радость при виде своего племени излучал его голос, а, наоборот, горечь и гнев.

— Потомки дракона, — начал он, брезгливо оглядывая ряды удавов.

— Наследники славы, — продолжил он с горечью, показывая, что наследники проматывают великое наследство.

— Питомцы Питона! — пронзительным голосом, одолевая природное шипение, продолжал он, показывая, что нет большего позора, чем иметь таких питомцев.

— Младые удавы, — выдохнул он с безнадежным сарказмом...

— Позор на мою старую голову, позор! — забился Великий Питон в хорошо отработанной истерике.

Раздался ропот, шевеление, шипение сочувствующих удавов.

— Что случилось? Мы ничего не знаем, — спрашивали периферийные удавы, которые свое незнание вообще рассматривали как особого рода периферийное достоинство, то есть отсутствие дурных знаний.

— Что случилось?! — повторил Великий Питон с неслыханной горечью. — Это я уж вас должен спросить: что случилось?! Старые удавы, товарищи по кровопролитию, во имя чего вы гипнотизировали легионы кроликов, во имя чего вы их глотали, во имя чего на ваших желудках бессмертные рубцы и раны?!

— О Царь, — зашипели старые удавы, — во имя нашего Великого Дракона.

— Сестры мои, — обратился Царь к женской половине, — девицы и роженицы, с кем вы спите и кого вы откладываете, я у вас спрашиваю!

— О Царь, — отвечали как роженицы, так и девицы, — мы спим с удавами и откладываем яйца, из которых вылупляются младые удавы.

— Нет! — с величайшей горечью воскликнул Царь. — Вы спите с кроликами и откладываете аналогичные яйца!

— О Великий Дракон, что же это? — шипели испуганные удавихи.

— Предательство, я так и знал, — сказал удав, вывешивший все видеть в мрачном свете, — нашим удавихам подменили яйца.

— Коротышка! — вдруг крикнул Царь. — Где Коротышка?!

— Я здесь, — сказал Коротышка, раздвинув ветви и высовываясь из фиговых листьев. В последнее время на царских собраниях он предпочитал присутствовать верхом на спасительном дереве.

— У-у-у! — завыл Царь, ища Коротышку глазами на инжировом дереве и не находя слов от возмущения. — Фиговые листочки, бананы... Разложение... А где Косой?

— Я здесь! — откликнулся Косой из задних рядов и, с трудом приподнявшись, посмотрел на Царя действующим профилем. — Я не смогу пробраться...

— У, Косой, — пригрозил Царь, — с тебя тоже началось разложение... Где твой второй профиль, я спрашиваю?

— О Царь, — жалобно прошипел Косой, — мне его растоптали слоны...

Таким образом, подготовив психику удавов, Царь рассказал всем собравшимся о позорном поведении младого удава во время отглотта Задумавшегося. Пока он говорил, два стражника выволокли из толпы младого удава, столь неудачно проглотившего Задумавшегося.

В свое оправдание он стал рассказывать известную историю о том, что был переутомлен, что сначала крот его обманул, а потом он сам растерялся, увидев вместо обещанного кролика двух, потому что никогда не слышал, что кролики так быстро размножаются.

Удавы были возмущены поведением своего бывшего соплеменника.

— Зачем ты с ним разговаривал, — спрашивали они у него, — разве ты не знал, что кролика надо обрабатывать молча?

— Я знал, — отвечал им бывший юный удав, — но это был какой-то странный кролик. Я его гипнотизирую, а он разговаривает, ерзает ушами, чихает в лицо!

— Ну и что, — отвечали удавы, — он чихает, а ты его глотай.

Тут выступил один периферийный удав и от своего имени выразил возмущение всех периферийных удавов. Он сказал, что у него лично был совершенно аналогичный случай, когда он застал двух кроликов во время любовного экстаза. Оказывается, он лично в отличие от своего бывшего собрата не растерялся, а загипнотизировал обоих сразу и тут же обработал.

Удавы с уважительным удовольствием выслушали рассказ периферийного удава. Даже Царь заметно успокоился, слушая его. Ему ни разу не приходилось глотать кроликов, занятых любовью, и он решил после собрания поговорить с периферийным удавом с глазу на глаз, чтобы поподробней узнать, какие вкусовые ощущения тот испытал во время этого пикантного заглота.

— Присматривайтесь к опыту удава из глубинки, — сказал Царь, — он очень интересно здесь выступил...

Младой удав попытался оправдаться, говоря, что его кролики в отличие от тех периферийных не занимались любовью, а, наоборот, думали вместе, что далеко не одно и то же.

— Одно и то же, — шипели возмущенные удавы.

Он сделал еще одну последнюю попытку оправдаться, ссылаясь на то, что, лишив кроликов самого мудрого кролика, обезглавил их и в то же время приобрел для удавов его мудрость.

— Сколько можно учить таких дураков, как ты, — отвечал Царь, — всякая мудрость имеет внутривидовой смысл. Поэтому мудрость кролика для нас не мудрость, а глупость... Скажи спасибо периферийному удаву, он улучшил нам настроение своим рассказом... Мы решили тебя не лишать жизни, но изгнать в пустыню. Будешь глотать саксаулы, если ты такой вегетарианец, и пусть Коротышке это послужит уроком...

По знаку Великого Питона удавы стали распознаться. Младой удав под конвоем двух стражников был выволочен в сторону пустыни.

— «...Удавами должен править удав», — услышал он за собой бормот Царя, — а я, по-твоему, кусок воющего бревна, что ли?

Прошло с тех пор несколько месяцев, а то и год. Точно никто не знает. Проклиная свою судьбу, особенно Глашатая, удав, изгнанный из своего племени, ползал в раскаленных песках в поисках пищи.

Глядя на его дряблое, сморщенное тело, трудно было сказать, что еще какой-то год тому назад это был полный сил, юный, подающий надежды удав. Нет, сейчас про него можно было сказать, что это немолодой, много и плохо живший змей.

На самом деле нравственные терзания, вызванные хроническим недоеданием, сделали свое дело.

От саксаулов в первые же дни пришлось отказаться ввиду настойчивых требований желудком более высокоорганизованной материи.

Несколько раз ему удалось способом Косого приманить орлов, паривших над пустыней. Но способ этот в условиях пустыни оказался чересчур дсрогим. Долгое время лежать на песке под палящим солнцем да еще не двигаться было ужасной мукой.

Однажды, получив солнечный удар, он едва пришел в себя и уполз в тень саксаула. Он решил больше не притворяться мертвым. Вообще он здесь, в пустыне, заметил, что притворяться мертвым как-то неприятно. Притворяться мертвым интересно, когда ты здоров и полон сил, а когда ты больной, заброшенный в пустыню удав, притворяться мертвым противно, потому что слишком похоже на правду.

В конце концов удав приспособился ловить мышей и ящериц у маленького оазиса. Зарывшись в песок, он поджидал, когда мыши или ящерицы захотят напиться. И тут удав, если они близко от него проходили, высунув голову из песка, заставлял их цепенеть от ужаса и глотал.

Если они слишком долго не являлись на водопой, он страхивал с себя песок, напивался воды и, охладив в ней свою раскаленную шкуру, снова зарывался в ненавистный песок.

Однажды на этот водопой прискакал Находчивый.

Со времен изгнания он тоже страшно изменился. Шерсть на нем свалилась, правое ухо он разрезал о кактус, и оно у него раздвоилось, как ласточкин хвост. Тело его так опало, что можно было пересчитать каждое ребрышко, что, кстати говоря, удав машинально и сделал.

— Привет предателю, — сказал он, выпрастывая голову из песка и отряхивая ее. — Не думал, что на этом свете встречусь с тобой.

Находчивый перестал лакать воду и обернулся.

— Что это еще за Удав-Пустынник? — спросил кролик, без всякой боязни глядя на удава. К сожалению, смелость слишком часто бывает следствием чувства обесцененности жизни, тогда как трусость всегда следствие ложного преувеличения ее ценности.

Кстати, Находчивый, изгнанный из джунглей раньше младого удава, ничего не знал о его судьбе, а в лицо его вообще никогда не видел.

— Не узнаешь? — уныло спросил Удав-Пустынник, понимая, что он должен был сильно измениться за это время и отнюдь не в лучшую сторону.

— Не имел чести быть знакомым, — равнодушно отвечал Находчивый и уже собирался было ускакать, но остановился, заинтересованный словами Удава-Пустынника.

— Я из-за тебя потерял родину, то есть место, где я имел прекрасную пищу, — прошипел удав, — из-за твоей подлой песни я вышел на отглот Задумавшегося и кончил изгнанием в пустыню.

— Ах, это ты, рохля, — сказал Находчивый презрительно, — так тебе и надо.

— Больше всех на свете я ненавижу тебя, предатель проклятый, — процедил Удав-Пустынник, с горькой ненавистью глядя на Находчивого.

— А я, представь, тебя, — ответил Находчивый. — Да, я сделал грех, предав своего же брата-кролика. Но ты, болван, не смог как следует воспользоваться моим предательством и тем самым как бы лишил его смысла. Что может быть унизительнее для предавшего, чем сознание того, что его предательством не смогли как следует воспользоваться?

— Ненавижу, — повторил Удав-Пустынник. — Ты, ты натолкнул меня на этот несчастный соблазн...

— Мне наплевать на твою ненависть, — сказал Находчивый. — Здесь, в пустыне, негде пастись и поневоле остается много времени на раздумья...

— И до чего же ты, подлец, додумался? — спросил удав, слегка придвигаясь к нему.

— До многого, — отвечал Находчивый, не обращая внимания на движение удава. — Я понял тайну предательства. Ведь недаром меня считали Находчивым. Сначала я думал, что все дело в том несчастном капустном листике, который я обещал Королеве засунуть на память, а потом не удержался и по дороге съел его наполовину. Позже я понял, что очень уж мне не хотелось покидать королевский стол. А затем уже я додумался до самого главного. Ловушка всякого предательства, когда оно задумано, но еще не совершено, — в двойственности твоего положения.

— Что это еще за двойственность? — спросил удав и поближе придвинулся к Находчивому, мысленно сладко прогибая мышцами живота его слабые ребрышки.

— А вот в чем двойственность, — продолжал Находчивый, даже как бы вдохновляясь. Решив предать, ты мысленно уже владеешь всеми теми богатствами, которые тебе дает предательство. Я чувствовал себя владельцем самой свежей капусты, самой зеленой фасоли, самого сладкого гороха, не говоря о таких пустяках, как морковь. И все это — еще не совершив предательства, заметь, вот же в чем подлый обман! В мечтах я как бы перебежал линию предательства, украл все эти блага у судьбы и, не совершив самого предательства, возвратился в положение честного кролика. И пока я не совершил самого предательства, радость по поводу того, что я обманул судьбу, то есть мысленно украл все блага предательства, ничего за это не заплатив, так велика, что она перехлестывает представление о будущем раскаянии. Вот же как мы устроены! Мы можем радоваться радостями, которые нам предстоит испытать, но мы не можем убиваться

угрызениями совести по поводу задуманного предательства. Если и можем, то в тысячу раз слабей. Это точно. Как все это получается? Кажется, вот ведь я мысленно совершил предательство, а ничего, жить можно. Стало быть, и в самом предательстве ничего особенного нет. И это ощущение, что в предательстве ничего особенного нет, я никак не связываю с тем, что оно результат того, что само предательство еще не совершилось! Ты понимаешь, какое коварство судьбы! Дьявол для того, чтобы нас подтолкнуть ко злу, облегчает ужас перед ним возможностью не совершать зла, возможностью поиграть с ним. Да я тебя и не заставляю совершать зло, говорит дьявол, я просто думаю, что ты о нем неправильного мнения. Это не зло, говорит он, это трезвый расчет, это возможность отбросить глупые предрассудки. Во всяком случае, познакомьтесь, поговорите, пропетитуйте ваши будущие отношения, и, если тебе все это не понравится, ты можешь потом этого не делать. Тут мы все и ловимся. Пока мы играем со злом, это еще не совершенное зло, подсказывает нам наше глупое сознание, но на самом деле это уже совершенное зло, потому что, играя со злом, мы потеряли святую безразличность, которой одарила нас природа. Вот почему предателям всегда платят вперед и всегда платят так позорно мало! Но ведь можно было бы платить еще меньше! Ведь как мало ни плати, а предающий до совершения предательства воспринимает эту плату как чистый выигрыш: предательство еще нет, а плата уже есть, и радость тоже. И опять же раз есть радость, значит, и в самом будущем предательстве ничего особенного нет, иначе бы откуда взялась радость...

— Это уж слишком как-то мудрено, — перебил его Удав-Пустынник. — Я, например, проглотил самого мудрого кролика и то не совсем тебя понимаю...

— Но слушай дальше, — продолжал Находчивый. — Тут-то ты и понимаешь, что перебежать назад невозможно. Душа испоганена, и при этом оказывается — недоплатили. Ты чувствуешь страшную несправедливость по отношению к себе. Да, именно к себе, а не к преданному! К нему ты испытываешь ненависть. Позволив тебе предать себя, он сам тебя этим предал, он как бы сделался соучастником обмана. Ведь что получается, Пустынник?! Ведь ты до самого конца надеялся, что как-нибудь обойдется там, как-нибудь перебежишь назад. В крайнем случае вырежешь, отдашь предательству кусочек испоганенной души, а остальное оставишь себе. Ведь ты не договаривался всю душу отдавать предательству, да ты и не пошел бы на такой договор! Удаву это трудно понять, но мы, кролики, от природы теплокровны и чистоплотны. Я бы сравнил душу с чистой белой скатертью. Именно на этой чистой белой скатерти я мечтал в будущем есть чистую королевскую капусту, фасоль и горох. А что же предательство? Да, я знал, что оно не украсит моей белоснежной скатерти, но я думал: что ж, оторву кусок, испоганенный предательством, а остальное расстелю, чтобы насладиться благами жизни. А тут что же получается? Хап! И вся скатерть в дерьме! Это как же понимать? А на чем, отвечайте мне, есть заработанную капусту, горошек, фасоль?! Я-то как мечтал? Буду есть с чистой скатерти и бедным кроликам от моего стола буду кое-что подбрасывать, ворча на бездельников. О, какое это счастье — ворчать на бездельников и чистоплюев и подбрасывать им со своего щедрого стола! А теперь что получается? Самому есть с дерьмовой скатерти? Оказывается, предательство измазывает своим дерьмом всю скатерть, а не часть ее, как я думал. Так ведь я ж этого не знал?! Выходит, мне ничего не заплатили, выходит, мне ничего не остается, кроме этой дерьмовой скатерти, с которой я должен есть одерьевленные от нее продукты? Кто поймет сиротство кролика с испоганенной душой? Ведь мы, кролики, все-таки существа теплокровные и потому чистоплотные. О, там, в джунглях, я это почувствовал почти сразу, хотя и не так ясно, как теперь. Даже эти вонючие маргыншки стали меня презирать. Злоба — вот что тогда осталось во мне. И самая злобная злоба на чистеньких! Что ж вы меня не остановили, если вы такие хорошие, а?!

— Ну, это уж ты завираешься,— перебил его Удав-Пустынник,— даже до того, как я проглотил самого мудрого кролика, я мог понять, что ты сказал глупость. Кто же тебя мог остановить, когда ты никому не говорил о своем предательстве? Какой же ты все-таки подлец! Напетлял тут всяких словес, чтобы скрыть суть. А суть вот она: ты, теплокровный кролик, предал брата, значит, пролил кровь такого же теплокровного кролика. Нет, я чувствую, что я тебя должен проглотить. Пусть уже и силы не те и жара мешает гипнозу, но ненависть, я чувствую, мне поможет...

— Не очень-то пугай,— отвечал Находчивый,— все-таки, по-моему, Задумавшийся был прав насчет гипноза.

— Не говори про него, гад! — воскликнул Пустынник в сильнейшей ярости и ощущая, что эта ярость сжимает и разжимает мышцы его тела.— Ты же его предал и ты же хочешь воспользоваться его открытием?

— И не собираюсь,— вяло отвечал Находчивый,— дело в том, что я сейчас ни во что на свете не верю и, значит, не могу верить в твой гипноз... Можешь сколько хочешь зыркать своими буркалами!

— У-у-у, как я тебя ненавижу! — прошипел Пустынник, снова ощущая, что мышцы его тела сладостно сжимаются и разжимаются.— Я чувствую, что моя ненависть рождает какую-то плодотворную мысль...

— Удав, рождающий мысль? — усмехнулся Находчивый, глядя на Пустынника скучающими глазами.— Это у тебя от жары...

— Нет, нет,— повторил Пустынник, нетерпеливо извиваясь,— я всем телом чувствую рождение новой мысли. Мне кажется... Я не уверен... Мне кажется, я тебя смогу обработать каким-то новым способом...

— Ты имеешь в виду зловонное дыхание? — спросил Находчивый.— Так знай, что ты опоздал... Кролик, который носит в себе зловоние собственной души, не боится никакого зловонного дыхания...

— Нет, нет! — извиваясь в сильнейшем волнении, воскликнул удав.— Моя ненависть рождает какую-то странную любовь... Суровую любовь без нежностей... Я чувствую неостановимое желание сжать тебя в объятиях...

Удав-Пустынник одним прыжком обвился вокруг кролика и стал его неумело и грубо душить.

— Отстань от меня,— отбивался от него Находчивый, еще не очень понимая, что делает этот обезумевший удав,— убери свои мокрые объятия... Во-первых, я не удавиха... Мне больно... Я даже не крольчиха... Что за извращения...

— Подожди,— бормотал удав, закручиваясь вокруг Находчивого,— еще одно колючко... Просунем голову... Еще один узелок... Туже... Туже...

— Ненавижу всех! — успел крикнуть Находчивый, теряя сознание в объятиях удава.

— Уф,— вздохнул удав,— так устал, как будто не я душил, а меня душили... Неудивительно — первая в мире обработка кролика без гипноза... С таким гениальным открытием меня Великий Питон примет с распростертыми объятиями... Хотя теперь это может звучать и двусмысленно... Сейчас подкреплюсь — и к своим... Еще видно будет, кто достойнее быть Царем удавов...

С этими словами он приступил к заглатыванию кролика. Так окончилась жизнь Находчивого, обладавшего немалыми способностями, но, к сожалению, больше, чем свои способности, любившего королевский стол, к которому и был допущен, но, увы, слишком дорогой ценой.

А между тем за время изгнания Пустынника и Находчивого в царстве удавов, как, впрочем, и в королевстве кроликов, произошли важные события. Открытие Задумавшегося относительно гипноза да еще обещания Возжаждавшего пробежать по удаву туда и обратно во многом расшатали сложившиеся веками отношения между кроликами и удавами.

Появилось огромное количество анархически настроенных кроликов, слабо или совсем не поддающихся гипнозу. Большое количество удавов сидело на голодном пайке. Некоторые из них стали до того нервными, что вздрагивали и в ужасе оборачивались на малейшее прикосновение, думая, что это кролик хочет пробежать по ним. Один удав даже пустился наутек, когда неожиданно на него упал всего-навсего грецкий орех.

От периферийных удавов поступали еще более злобные сообщения. Там авторитет удавов пал так низко, что наблюдались случаи, когда на удавов, отдыхающих под деревьями, обезьяны мочились сверху. Правда, делали это они с достаточно большой высоты и потом, извинившись, объясняли, что они это делали по рассеянности. Трудно было понять, почему раньше за ними не наблюдалось столь целенаправленной рассеянности.

— Этот вопрос мы не можем решить отдельно,— отвечал Великий Питон на жалобы периферийных удавов,— мы его решим, как только укрепим позиции гипноза... А пока берите пример с вашего земляка, сразу обработавшего влюбленную пару.

Так отвечал им Великий Питон, но это было слабым утешением. А что он мог сделать, если даже рядом с его подземным дворцом иногда раздавались возмущительные выкрики кроликов.

Действие гипноза катастрофически слабело. Чтобы вызвать в удавах угасающий боевой дух, Великий Питон приказал удавам, живущим достаточно близко от дворца, каждый день перед охотой знакомиться с его боевыми трофеями, а периферийным удавам раз в месяц приползать большими группами. Но это не только не помогало, а наоборот, вызывало в удавах еще большую ярость.

— То когда было,— говорили они и уныло уползали в джунгли.

А там кролики выделяли черт-те что! То они вдруг давали стрекача в самый разгар гипноза, то они вступали в какие-то издевательские переговоры во время гипноза, мол, что я буду с этого иметь, если дам себя проглотить, и так далее и тому подобное.

Один кролик во время гипноза, уже притихнув, уже погруженный в гипнотическую нирвану, вдруг подмигнул удаву глазом, покрытым смертельной поволокой. Удав, потрясенный этой медицинской новостью, приостановил ритуал и посмотрел на кролика. Кролик притих. Тогда удав решил, что это ему примерещилось, и снова, выполняя ритуал гипноза, опустил голову и уставился на него своими незакрывающимися глазами. Кролик совсем притих, глаза его покрылись сладостной поволокой, но, только удав хотел распахнуть свою пасть, как тот снова подмигнул ему, словно что-то важное хотел ему сказать. Удав снова приостановил гипноз, но кролик снова сидел перед ним, притихший и вялый.

Видно, мерещится, подумал удав и снова приступил к гипнозу. И снова повторилось то же самое. Умирающий глаз кролика в последнее мгновение лихо подмигнул удаву. Наконец, в шестой или в седьмой раз удав не выдержал, и, как только кролик подмигнул ему, он попытался схватить его пастью, но кролик, неожиданно взмыв сечой, сделал сальто и ускорился.

Что он этим хотел сказать, думал удав, не может же быть, чтобы тут не было какой-то причины.

Несколько дней он разыскивал этого кролика, надеясь узнать, почему тот ему подмигивал. Он решил, что кролик хотел сообщить ему какую-то важную тайну, а он, старый удав, верный традициям, не стал с ним заговаривать во время обработки. Теперь он решил во что бы то ни стало найти этого кролика и узнать у него, в чем было дело.

Наконец он увидел своего кролика возле куста ежевики, который тот небрежно обгладывал. Даже не пытаясь его загипнотизировать, он напомнил ему о себе и спросил, почему тот подмигивал во время гипноза.

— Просто так,— сказал кролик, выбирая в рот шершавый лист ежевики,— пошухарить была охота...

— Шухарить?! Во время гипноза?! — воскликнул

старый удав и умер, потрясенный всеобщим падением нравов.

Другой удав дошел до позорного унижения. Его с ума свела одна очаровательная жирная крольчиха, которая во время гипноза, хоть и не подмигивала, но каждый раз, как бы придя в себя, в последний миг отскакивала в сторону. Так она промучила его с утра до полудня и, наконец, кокетничая перед ним своими жирными боками, сказала:

— Укради у туземцев кочан капусты, тогда я наемся и отдамся тебе...

Они договорились, что удав с кочаном приползет на это же место. Волнуясь и спеша, удав пополз в ближайшую деревню, залез в огород, вырвал там кочан капусты, но, когда попытался просунуть этот кочан сквозь дыру плетня, был обнаружен туземцами и избит.

Дело в том, что этот глупец пытался кочан капусты всунуть в дыру, размер которой был немного меньше окружности кочана. Думая, будто все тела обладают свойством змей переливать себя в любой проход, он, видя, что кочан капусты никак не проходит в дыру, пришел в бешенство и так расхрустелся прутьями плетня, что был услышан туземцами.

За этим занятием они его застали и избили палками до полусмерти. Туземцы, ненамного отличаясь от него умом, решили, что он убит, и для устрашения других удавов повесили его на плетень. После этого, смеясь над его несообразительностью, они заделали дыру в плетне, подняли кочан и, слегка обтерев его, тут же съели. Ночью избитый удав пришел в себя и уполз в джунгли.

Между удавами и туземцами всегда были довольно приличные отношения. Учитывая, что кролики разоряли огороды, а удавы уничтожали кроликов, туземцы уважительно относились к ним, хотя из приличия перед остальными обитателями джунглей никак этого не подчеркивали.

Более того, иногда они присоединялись к тем или иным протестам обитателей джунглей по поводу особенно зверских случаев обработки удавами своей добычи, ну, например, обработки крольчихи на глазах у крольчонка или наоборот.

В отдельных, правда, очень редких случаях, если удаву удавалось обработать слабосильного старика или заблудившегося в джунглях ребенка, вождь туземцев посылал своего человека к Великому Питону с жалобой, неизменно указывая, что преступление совершилось на глазах у обезьян.

Великий Питон неизменно обещал разобраться в деле и наказать виновного, каждый раз возвращая прищельцу непереваренные предметы, найденные в испражнениях провинившегося удава: кожаный талисман, бусы, браслеты, бронзовый топорик или обломок копья с костяным наконечником.

Все это Великий Питон возвращал посланцу вождя с тем, чтобы тот передал эти предметы родственникам погибшего с выражением самого искреннего соболезнования и обещанием наказать виновного. При этом, если дело касалось мужчины, Великий Питон, кивая на обломки его оружия, прошедшие сквозь удава, говорил:

— Виновного накажем, хотя он сам себя достаточно наказал...

Интересно отметить, что случаи гибели туземцев, оставшиеся незамеченными обезьянами, из соображений высшего престижа вождь туземцев предпочитал не рассматривать. Считалось, что туземцев удавы вообще не смеют трогать, а случаи нападения объяснялись тем, что тот или иной удав спутал туземца с обезьяной.

Правда, на этот раз посланец вождя выразил по поводу странной попытки удава стащить кочан капусты самый решительный протест.

Великий Питон самым искренним образом разделил возмущение вождя туземцев. Он решил, что это Коротышка, продолжая деградировать, окончательно уподобился кроликам и обезьянам.

— Удавы сейчас переживают временные трудности, — сказал Великий Питон посланцу вождя, — но удав, ворующий капусту, — этого никогда не было и не

будет. Есть у нас один вырожденец по имени Коротышка, который всегда позорил и продолжает позорить наше племя. Травите его собаками, забивайте его палками, мы только спасибо вам за это скажем!

— Передам, — отвечал посланец и удалился, а придя в деревню, рассказал вождю все, что слышал, и добавил от себя, что удавы стали не те.

А удавы в самом деле стали не те. Забавный случай рассказывали по джунглям обезьяны. Оказывается, одна обезьяна видела, как воробей сел на свернувшегося удава, приняв его за кучу слонячьего дерьма. Говорят, этот нахальный воробышек клоннул его несколько раз и, чирикнув: «Дерьмо, да не то», — улетел. Даже если этого случая и не было, сама возможность распространять такие анекдоты свидетельствовала о неслыханном падении престижа.

Да, в это время удавы в самом деле стали не те. Дело дошло до того, что лучшие удавы из царских охотников начали давать осечки. Обычно они во время придворных выходов двигались впереди и, загнипотизировав кролика, давали знать, что дичь готова к обработке.

Великий Питон подползал со свитой и, если кролик ему казался достаточно аппетитным, обрабатывал его сам, а если находил, что он так себе, оставлял его свите.

Но теперь было не до свиты. Свите пришлось пользоваться скудным пайком из царского холодильника, а охотиться сами они уже не могли, потому что давно отучились работать с неопеченным кроликом.

В день возвращения Удава-Пустынника в джунгли Великий Питон впервые за все время своего царствования остался без завтрака. Правда, одному из царских охотников удалось загнипотизировать довольно приличного кролика. Он отполз в сторону, а когда Царь приблизился к своей добыче, кролик вдруг встряхнулся и убежал.

— Спасибо за завтрак, — только и сказал Великий Питон, оглянувшись на охотника.

— А ты бы еще чухался, — дерзко ответил ему охотник, и Царь, молча проглотив обиду (вместо кролика), уполз в свой подземный дворец.

Там его ждал удав, посланный рано утром к Королю кроликов на тайные переговоры. Великий Питон извещал Короля, что такое резкое нарушение равновесия природы обязательно приведет к дурным последствиям не только для удавов, но и для самих кроликов, не говоря об остальных обитателях джунглей. В этой связи он просил Короля держать кроликов в рамках хороших старых традиций.

— Так что он тебе сказал? — спросил Великий Питон у посланца, голодной зевотой подавляя сосущие позывы своего бездонного желудка. Он то и дело оглядывался на чучела своих боевых трофеев, которые в этот миг казались ему свежезагнипотизированными кроликами, грациозными косулями, стройными цаплями.

— Во имя Дракона, прикройте, — застонал он, не выдержав этой пытки. — если есть здесь кто-нибудь... Невозможно работать...

И только после того, как банановыми листьями были прикрыты все трофеи, он продолжил беседу со своим посланцем.

— Так что он тебе сказал? — спросил Великий Питон, уже по кислому выражению лица своего посланца понимая, что ничего хорошего ожидать не следует.

— Он говорит, сам еле держится, — отвечал посланец, — только за счет Цветной Капусты...

— А что, — спросил Великий Питон, — они его тоже не слушают?

— Да, — отвечал посланец, — он говорит, каждое утро, когда передают сводку состояния действия гипноза, кролики откровенно хохочут...

Стоит сказать, что в этот период, даже по сильно завышенным официальным сводкам королевской канцелярии, видно, что кривая гибели кроликов в пасти удавов резко упала.

Как королевская пропаганда ни преувеличивала количество гибнущих кроликов (теперь она утверждала,

что удавы сейчас охотятся в основном в самых глухих и отдаленных джунглях королевства, где даже наблюдался случай зверского двойного заглота влюбленных кроликов), все-таки рядовые кролики не могли не понимать, что удавы стали не те.

Они сами и многие их родственники и знакомые неоднократно усилием воли прерывали гипноз, а некоторые из них проделывали все то, что мы уже наблюдали, или нечто подобное.

Случай с заглотом влюбленных кроликов, как мы знаем, действительно имевший место и в самом деле возмутительный, пропаганда довела до того, что многие кролики вообще перестали верить в его реальность.

Сначала кроликам рассказали то, что было известно об этом злодеянии. Видя, что кролики возмущены и отчасти подавлены этим зверством, утренняя сводка каждую неделю стала передавать «Новые подробности о зверстве удавов на периферии».

В конце концов в одном из последних репортажей «С места трагедии» скороход принес весть о том, что влюбленные, оказывается, умоляли удава отвернуться и не гипнотизировать их, хотя бы до окончания их первой и, увы, последней близости. Но, оказывается, безжалостный удав не захотел их слушать, и тогда влюбленные пришли к героическому решению любить до конца и, физически погибнув в пасти удава, идейно его победили.

— Откуда он узнал эти подробности? — начали сомневаться кролики.

— Как откуда? — пояснял скороход сомневающимся. — Обезьяны рассказывают... Они все видели и слышали...

— И то, что это была первая близость влюбленных?

— И то, что это была их первая близость, — отвечал скороход.

— Что-то не верится, — говорили кролики, зная чистоплотность своих собратьев и невозможность того, чтобы они своему палачу, то есть удаву, стали бы рассказывать такие вещи.

— Вам не удастся осквернить светлый образ наших влюбленных, — говорил Король, глядя в толпу кроликов и стараясь заметить сомневающихся. Те не слишком прятались, хотя и не слишком высовывались.

Сложность того исторического момента заключалась в том, что кролики, с одной стороны, под влиянием учения Задумавшегося, которое неустанно внедрял в их сознание Возжаждавший, и в самом деле достаточно часто выдерживали взгляд удавов, что, в свою очередь, выражалось в виде возрастающей непочтительности к личности Короля и его власти.

Но, с другой стороны, полной победы Возжаждавшего кролики тоже не хотели, потому что тогда им пришлось бы оставить в покое огороды туземцев. Им нравилось жить так, как они живут сейчас: немножко слушаться Короля, немножко выполнять заветы Задумавшегося, как можно реже поддаваться гипнозу и как можно чаще посещать огороды туземцев.

На неоднократные намеки Возжаждавшего выступить против Короля кролики блудливо отводили глаза и говорили, что они еще недостаточно сознательны для этого.

— Куда спешишь, работай над нами, — говорили они.

И Возжаждавший продолжал работать, потому что ему ничего другого не оставалось, да и по всем признакам время расшатывало королевскую власть.

Да, время в самом деле работало против Короля. Король это чувствовал и днем и ночью, когда Королева, бывало, толкала его в бок и говорила:

— Придумай чего-нибудь!

— А что я могу придумать? — бормотал Король, потирая бок.

— Тогда незачем было изгонять Находчивого, — сердито отвечала Королева и поворачивалась спиной к Королю.

Но что он мог придумать? Главное средство — страх перед удавами — с каждым днем слабел. Гипноз то и дело давал осечки. В джунглях валялась масса трупов удавов, умерших с голоду. Случай, ког-

да удавы хватили чересчур осмелевших кроликов без всякого гипноза, были слишком редки и ненадежны.

Однажды во время очередной сходки кроликов прямо над Королевской Лужайкой пролетела шестерка каких-то хищных птиц, пронося в когтях труп крупного удава.

Картина, с точки зрения Допущенных к Столу, была довольно жуткая — эти молчаливые, большие птицы, этот удав, провисший в их когтях. Казалось, последнего удава уносят эти символические птицы.

— Разразись над миром, буря! — неожиданно крикнул Поэт, по-видимому, приняв этих птиц за буревестников.

— Наш Поэт совсем ополоумел, — сказал Король, брезгливо косясь на Поэта, который, лучезарно улыбаясь, глядел на птиц и приветствовал их протянутой лапой.

Действительно, Поэт в последнее время вел себя довольно глупо. Дело в том, что приставленный к нему глазастый крольчонок куда-то исчез, и он теперь не только ворон принимал за буревестников, но и обыкновенных попугаев, что вызывало приступы безудержного смеха в среде рядовых кроликов.

Сейчас при виде птиц, несущих удава, рядовые кролики подняли такой радостный визг, что пять птиц из шести, испугавшись, бросили удава, но одна продолжала тащить его качающееся и вертикально провисшее тело. Упорная птица, продолжавшая держать удава, под его тяжестью летела, все снижаясь и снижаясь, но потом к ней подлетели остальные птицы и, снова подхватив удава, стали набирать высоту.

Правда, Старый Мудрый Кролик, которому поручили разгадать смысл этого зрелища, сказал, что оно, несмотря на его зловещую видимость, обещает хорошее будущее.

— Почему? — недоверчиво спросил Король.

— Пагающий удав будет снова поднят на должную высоту, — уверенно отвечал Старый Мудрый Кролик, потому что действовал теперь наверняка: если удавы оправятся, то благодарный Король возвысит его за прекрасное предсказание, а если удавы дойдут до полного слабосилия, тогда и Короля незачем будет бояться.

Кстати, ко всем этим серьезным неприятностям прибавилась еще одна пренеприятнейшая чушь. В королевстве кроликов и даже в ближайших окрестностях дворца стал появляться очень маленький, но уж очень зловерный крольчонок.

Однажды во время прогулки Короля со свитой в хорошо охраняемых джунглях, примыкающих ко дворцу Короля, из-за кустов неожиданно высунулся маленький крольчонок и сказал грустным голосом: — Дяденька Король, Цветной Капусты хотца...

Начальник Королевской Охраны и свита замерли от негодования. И только сам Король не растерялся, а наоборот, как будто бы оживился.

— Ах ты, мой милый крольчонок, — сказал он, с улыбкой приближаясь к кустам, из-за которых высовывалась грустная мордочка крольчонка. — Цветной Капусты у нас пока нет, но очень скоро она будет, потому что за опытами мы лично следим и способствуем... А пока что тебя Королева угостит свеженьким листиком зеленой капусты... Тоже приятная штука...

Королева, видя, что Король благодушно настроился, вынула из туалетной корзиночки свеженький листик зеленой капусты и с улыбкой поднесла его крольчонку. Крольчонок взял в лапу листик и, не выходя из глубокой задумчивости, снова повторил, ни на кого не глядя:

— Дяденька Король, Цветной Капусты хотца...

Король, стараясь скрыть неловкость, развел руками и, улыбувшись: мол, чем богаты, тем и рады, — двинулся дальше. Свита последовала за ним. Мужская ее половина стала говорить о разложении нравов, которое начинает проникать и в среду маленьких крольчат. Женская же половина больше негодовала по поводу некоторых крольчих, которые считают, что достаточно крольчонка родить, а о воспитаниинисколько не думают.

Постепенно и Король и свита успокоились и даже

пришли в более хорошее настроение, чем до встречи с крольчонком. У Короля улучшилось настроение оттого, что он проявил мягкость и снисходительность по отношению к этому дерзкому крольчонку, а у свиты — оттого, что она получила неожиданное развлечение в виде самого Короля, попавшего впросак. И вдруг на обратном пути, уже совсем близко от Королевской Лужайки, опять из-за кустов высунулась мордочка того же крольчонка, повторившего с невыразимой грустью:

— Дяденька Король, Цветной Капусты хотца.

— С кем говоришь?! — закричал Начальник Королевской Охраны, первым придя в себя.

— Хулиган! — закричали придворные. — Надо привлечь родителей!

— Надо узнать, кто за ним стоит! — воскликнула Королева и, подмигнув Начальнику Охраны, протянула ему еще один капустный лист.

Начальник Охраны взял этот лист и, стараясь мягко ступать, подошел к кусту, из-за которого высывалась мордочка крольчонка, помигивавшая своими большими грустными глазами, словно прислушиваясь к чему-то, так и не прозвучавшему, словно вглядываясь во что-то, так и не появившееся.

— А где ты живешь, милый крольчонок? — спросил Начальник Охраны, отчески склоняясь над кустом и всей своей позой наглядно выражая отсутствие воинственных намерений.

Крольчонок молча продолжал прислушиваться к чему-то, так и не прозвучавшему, продолжал вглядываться во что-то, так и не появившееся.

— А папочка с мамочкой у тебя есть?

Последовало долгое, грустное молчание.

— Вот я тебе дам этот листик капусты, — сказал Начальник Охраны наиневнейшим голосом, — а ты мне скажешь, какой дяденька кролик тебя подослал попросить Цветной Капусты у дяденьки Короля, хорошо? — И, не дожидаясь согласия, он протянул крольчонку листик капусты.

— Цветной Капусты хотца, — сказал тот все так же грустно, однако протянутый листик капусты взял.

Снова наступило долгое, тягостное молчание.

И вдруг в этой тягостной тишине раздался шорох шагов какого-то кролика, который переходил тропу совсем близко от Короля и его свиты. Он очень недружелюбно посмотрел в сторону Короля и его свиты и, злобно пробормотав насчет некоторых, которые сами обжираются, а крольчонку не могут дать листик Цветной Капусты, скрылся в высокой пампасской траве. И что было особенно обидно, входя в пампасскую траву, он пару раз раздраженно отбросил от морды нависающие стебли травы, из чего неминуемо следовало, что он все еще раздражен, а о том, что он публично оскорбил Короля, он и думать не думает.

Король, не сказав ни слова, повернулся и стал уходить, свита потянулась за ним.

— Задержать! — крикнул, наконец опомнившись, Начальник Королевской Охраны.

— Кого именно? — спросил один из охранников, не зная, кого он имеет в виду — крольчонка или неизвестного кролика, перешедшего тропу.

— Всех! — закричал Начальник Охраны, чем окончательно запутал своих охранников, потому что часть из них побежала за свитой. И пока их возвращали, след обоих кроликов давно простыл. Этих охранников можно было понять, потому что они знали, что Начальник Охраны день и ночь мечтает раскрыть заговор Допущенных к Столу. Они решили, что наконец он такой заговор раскрыл.

Начальник Охраны, вспомнив, что у Поэта сбежал крольчонок-поводырь, решил узнать, не он ли во время королевской прогулки столь дерзко просил Цветной Капусты. Он вызвал к себе Поэта, но тот ничего толком не мог ему сказать, хотя и был в это время в королевской свите.

— Не знаю, — сказал Поэт, — я его не видел, я же обычно на небо смотрю.

— Ну, а если поймал, опознаешь? — спросил Начальник Охраны, едва сдерживая ненависть к Поэту.

— Не знаю, — сказал Поэт, — я же на него не смотрю, я на небо смотрю.

— Ладно, ступай, — сказал Начальник Охраны, едва сдерживая себя. Он так мечтал когда-нибудь подвесить Поэта за уши и заставить его в таком виде приблизиться к небу, с которого тот всю жизнь не сводил глаз. Но, увы, Король почему-то считал нужным защищать своего придворного Поэта.

— Если этот злоумышленник — мой поводырь, — начал вдруг рассуждать Поэт, — многое становится ясным...

— Что именно? — оживился Начальник Охраны.

— Теперь становится ясным, что он, пользуясь моим слабым зрением, выдавал многих буреви́стников за ворон. О, сколько усталых бойцов, которых я мог взбодрить своим поэтическим голосом, бесцельно пролетели надо мной! — воскликнул Поэт с горечью.

— Ради бога, уйди, — сказал Начальник Охраны, — иначе сегодня к твоей жене вместо буреви́стника явится горевестник.

— Нет, горевестника не надо, — сказал Поэт и быстро направился к выходу.

Едва придя в себя после посещения Поэта, Начальник Охраны встретился с Королем и, оправдываясь за этот непредвиденный случай на прогулке, говорил, что сначала растерялся, приняв кролика, переходящего тропу, за переодетого охранника, а потом его помощники сплеховали.

— Кусочек спокойных джунглей для прогулок, — сказал Король, — вот все, что я у тебя прошу.

— Будет, мой Король, — ответил Начальник Охраны многозначительно, — а преступников выловим.

— Посмотрим, — сказал Король и спросил: — Слышал, какие слухи пошли по королевству?

— Слышал, — отвечал Начальник Охраны, — пускаем контрслухи.

— Ну и как?

— Сложно, мой Король. Точно замечено, что одни и те же кролики с удовольствием пользуются и слухами и контрслухами.

— Теперь ты видишь, кем мне приходится управлять? — сказал Король, покачивая головой.

— Теперь вы видите, от кого мне вас приходится охранять? — сказал Начальник Охраны.

— Тоже верно, — согласился Король и добавил в знак окончания беседы: — Что ж, ступай и бди.

В самом деле, по королевству поползли нехорошие слухи. Одни говорили, что заблудившийся крольчонок случайно в джунглях наткнулся на выездной банкет, где, как у них водится, обжирались всеми сладостями вплоть до Цветной Капусты.

Оказывается, крольчонок из-за кустов смотрел, как они едят и пьют, но потом, когда они, наевшись до отвала, стали скармливать остатки Цветной Капусты обезьянам, он не вытерпел, вышел из-за кустов и, протянув лапку, сказал:

— Дяденька Король, Цветной Капусты хотца.

— Брысь отсюда, шпион проклятый! — оказывается, закричал Король, и охрана так затравила крольчонка, что его до сих пор ищут и никак не могут найти.

— Неужели чужим обезьянам скармливал, а для своего крольчонка пожалел? — обычно в этом месте спрашивал кто-нибудь из слушателей.

— Не в том дело, что пожалел, — пояснял рассказчик, — но они не любят, чтобы рядовые кролики видели, как они сидят вокруг скатерти, измазанной соком Цветной Капусты.

— А что, Цветная Капуста мажется? — спрашивал кто-нибудь из слушателей, громко глотая слюни.

— Во рту-то, говорят, она тает, как цветочный нектар, — отвечал рассказчик, — но пока до рта донесешь, говорят, мажется, потому как наиневнейший овощ грубого касательства не терпит.

— Я бы ее до рта донес, — мечтательно грезил один из слушателей, — она бы у меня цветным соком изошла под небом...

И тут кролики вместе с рассказчиком замирали и, громко глотая слюни, представляли, как нежнейший овощ тает во рту этого сладены.

По другой версии получалось, что, когда крольчонок попросил Цветной Капусты, Король, как самый последний крохобор, стал допытываться у Казначей, как отец этого крольчонка, кстати, погибший в свое время в пасти удава, при жизни платил огородный налог. И пока Казначей, проверив, установил, что покойный при жизни не очень уважал огородный налог, несчастный крольчонок стоял с протянутой лапкой на посмешище Допущенных к Столу.

— Ну, хорошо, — возмущались кролики, — даже если родители не очень уважал огородный налог, при чем крольчонок? А еще называет себя отцом всех крольчат.

Самое интересное, что кролики с таким же любопытством и сочувствием рассказывали контролсху, пущенный королевской охраной. По этому слуху получалось, что действительно заблудившийся кролик набрел в глубине джунглей на чрезвычайно засекреченную плантацию, где под личным наблюдением Короля ученые кролики совместно с туземцами выводят Цветную Капусту. И вот, оказывается, крольчонок, увидев опытный кочан на грядке, сиявшей всеми цветами радуги, попросил:

— Дяденька Король, Цветной Капусты хотца.

И в самом деле со стороны туземцев и некоторых оторванных от жизни ученых была попытка прогнать этого действительно заблудившегося кролика. Но Король, оказывается, узнав, что крольчонок сирота, наклонился и, отрезав от опытного кочана самый сочный лист, дал его крольчонку, при этом сказав:

— Очень скоро все сироты будут есть Цветную Капусту.

— Интересно бы увидеть этого маленького счастливого, — говорили кролики, услышав столь приятный рассказ.

— Увидеть нельзя, — отвечал рассказчик многозначительно, — потому что он теперь засекречен как знающий месторасположение плантации.

— А-а, ну тогда, конечно, — легко соглашались кролики с этим объяснением, таким образом, может быть, намекая, что они и сами кое в чем засекречены. Вообще кролики ужасно любили быть засекреченными. Им казалось, что засекреченных удавы глотают только в крайнем случае.

Кстати, эту версию однажды услышала вдова Задумавшегося. Ее рассказывал в кругу почетных кроликов один из работников королевской охраны. В ту ночь она долго не могла заснуть. Слова Короля о том, что скоро сироты будут есть Цветную Капусту, не давали ей покоя. Она решила, что самое время напомнить Королю о его обещании — как только будет возможно заменить пенсионный паек зеленой капусты равнозначным количеством Цветной.

Рано утром она явилась во дворец, где у королевского склада уже ждали другие почетные вдовы выдачи своего пайка. Всех их было около дюжины крольчих, и все они бешено завидовали друг другу, но вдова Задумавшегося по праву считалась первой среди равных.

— Мой-то еще во-он когда задумался, — сказала она, готовясь устроить скандал, если Казначей ей не выдаст Цветную Капусту.

Вдовы, стоящие в ожидании открытия склада и время от времени издававшие вдовствующие вздохи, ревниво затаили дыхание.

— О чем? — спросил ее Казначей, выкладывая на прилавок положенный ей кочан капусты.

— О Цветной, — отвечала вдова, молча откатывая от себя поданный ей кочан обычной капусты.

— В глаза не видел, — говорил Казначей, поставив кочан на полку, — если можешь, зайди к Королю и спроси.

— И зайду, — угрожала вдова Задумавшегося, прислушавшаяся к ропоту остальных вдов, не очень уверенно утверждавших, что они вдовствуют не хуже.

— Хуже, — твердо отвечала им она и, уходя, добавила: — Ваши обжирались за королевским столом, когда мой день и ночь думал о будущем.

Так как ее уже побавались, вдовы промолчали. По той же причине она без задержек прошла коро-

левскую канцелярию и, распахнув дверь, рыдая, вошла в кабинет Короля.

Она бросилась на грудь Короля и со смелостью, дозволенной только для патристических слез, повторяла одно и то же, что особенно раздражало Короля:

— Если б он мог встать... Если б он мог увидеть... Если б он мог встать... — Наконец, успокоившись, она, ссылаясь на рассказ о крольчонке, напомнила обещание Короля со временем заменить зеленую капусту Цветной.

— Все это ужасно преувеличено, милочка, — отвечал Король, провожая ее до дверей. — Конечно, опыты проходят успешно и мы всячески способствуем, но при чем тут крольчонок... Да и как он мог попасть на засекреченную плантацию?.. Какая-то чушь все это...

Едва выпроводив вдову, Король тяжело опустился в свое кресло и, тупо уставившись перед собой, повторил:

— «Если б он мог встать...» Только этого не хватало на мою голову... — Затем, вызвав своего секретаря, он дал ему приказ: — Эту ведьму, если она попытается ко мне прорваться, гнать в шею... но почти-точно... Вплоть до особого распоряжения...

— Насчет шеи или насчет почтительности? — спросил секретарь, деловито записывая приказ Короля.

— Насчет вдовы, — отвечал Король, задумавшись о новых трудностях, встающих перед его мысленным взором.

Кстати, через некоторое время вдова Задумавшегося снова встретила с работником королевской охраны и сказала ему, что он, такой ответственный кролик, в тот раз рассказал такую безответственную чушь про короля и крольчонка.

— Так было надо, — не моргнув глазом, отвечал ей работник королевской охраны.

Тут вдова не удержалась и весьма ясно намекнула, что по данному поводу у нее была беседа с самим Королем, который лично высмеял этот сентиментальный миф.

— Значит, тогда так было надо, — твердо повторил работник королевской охраны, и при этом у него даже уши выпрямились и затвердели.

— А-а, — понимающе закивали все, кто слышал, испытывая мистическую сладость от твердой значительности его слов, — конечно, о чем говорить...

И Первая Вдова королевства тоже понимающе закивала, хотя, как мы имели возможность убедиться, была отнюдь не робкой крольчихой.

Дело в том, что в королевстве кроликов был закон, который далеко не все понимали, но все хорошо чувствовали. Закон этот гласил: «Плывя в королевском направлении, можно превышать даже королевскую скорость».

И сейчас все почувствовали, что слова работника королевской охраны как раз попадают под этот закон, оттого ему нестрашно, что рассказ его отрицал сам Король.

А между тем в королевстве кроликов обнаружались все новые странности, одна другой удивительней. Во-первых, появились пьяные кролики, которые горлачили свои вздорные песенки не только в джунглях, но и в ближайших окрестностях королевского дворца. Они научились запихивать дикие фрукты в дупла деревьев, доводить их там до состояния брожения, закопав дупло, и потом, сделав дырочку, отпивать оттуда алкогольный сок и снова залеплять дырочку кусочком смолы. Иногда они путали свое дупло с чужим, и на этом основании возникала масса глупых недоразумений, не говоря о том, что выявились ходки по чужим дуплам, которых время от времени подстерегали истинные алкоголики и, поймав, давали полную волю своей благородной ярости.

Особенно много пьяных стало попадаться после того, как кролики сделали изумительное открытие — оказывается, перебродивший сок бузины, до этого известный в королевстве только в качестве чернил, может быть прекрасным веселящим напитком.

Открытие это, как мы знаем, сделал придворный Поэт. Во время сочинения очередных стихов он однажды отгрыз верхний конец пера фламинго, кото-

рым писал, и случайно втянул в рот по трубчатому перу несколько капель сока бузины. После этого он заметил, что утоляющая горечь сока бузины как-то помогает его творческой мысли.

В конце концов он убедился, что творческая мысль его перед тем, как закрепиться на бумаге в виде стихов, требует чернил внутрь. Возможно, там идет какая-то таинственная запись, решил он и, уже упрямо окунув свое трубчатое перо в чернильницу, высасывал чернила, одновременно прислушиваясь к своему внутреннему состоянию.

Так вот он и жил, не слишком скрывая и не слишком афишируя свой творческий метод. Жена его каждое утро ходила на королевский склад, где вместе с остальными продуктами получала бамбуковую банку чернил. Так как запасы чернил в королевских складах были неисчерпаемы, Казначей обычно не спрашивал у жены Поэта, отчего тот так быстро поглощает чернила. Возможно, даже спрашивал, и возможно, даже она ему правильно отвечала, но, согласно науке, в обществе кроликов в то время не было потребности в ее ответе, и никто на ее ответ внимания не обращал.

Но именно в этот период кролики просто изнывали от жажды услышать ее ответ, и они его, естественно, услышали.

— Да что он у тебя, пьет чернила, что ли? — как-то сказал Казначей без всякой злости, а только с удивлением и, вынув затычку из бочкообразного выдолба, налил ей полную банку и, заткнув сосуд, протянул ей.

— Так не пьет, но посасывает, — отвечала жена.

— То есть как посасывает? — удивился Казначей.

— Прямо так и посасывает — через перо, — объясняла жена.

— И ничего? — спросил Казначей.

— Ничего, — говорила жена, — работает... Только к вечеру немного запинается.

— На язык или на походку? — уточнил Казначей.

— Когда как, — отвечала жена, — раз к разу не приходится...

Несколько крольчих, жен Допущенных к Столу, самолюбиво прислушивались к беседе Казначая с женой Поэта. Как только она ушла, первая же из этих женщин потребовала банку чернил, сказав, что муж ее засел на много лет писать «Славную историю королевства кроликов». Так и пошло.

Потом включились вдовы во главе с Первой Вдовой королевства писать воспоминания о своих покойных мужьях, и они в самом деле собирались вечерами посидеть, почернильничать, как говорили они, вспоминая прошлые дни.

Рядовые кролики, прослышав о свойствах сока бузины, вытащили откудато давно забытый, но неотмененный закон, гласивший: «На образование кроликов чернил не жалеть». Закон этот был введен самим Королем, когда еще только он начинал править. Потом он как-то отвлёкся, махнул на просвещение рукой, а запасы чернил продолжали пополняться. И вот теперь кролики неожиданно возжаждали просвещения.

Решив извлечь из этих запасов хотя бы политическую пользу, Король не стал возражать. Через два месяца, когда запасы чернил были почти исчерпаны, Главный Ученый, разделив количество истраченных чернил на общую численность кроликов, пришел к радостному выводу о всеобщей грамотности населения королевства.

После этого закон «Чернил не жалеть» был отменен по случаю триумфальной победы образования, а новые небольшие запасы чернил для придворных надобностей стали тщательно фильтровать, пропуская сок бузины через толстый слой папоротниковой прокладки. Рядовых кроликов отмена закона не очень смутила, и они продолжали свое теперь уже самообразование, заквашивая чернила из гроздей спелой бузины.

А между тем таинственный крольчонок появлялся то здесь, то там и всегда с какой-то рассеянной грустью просил Цветной Капусты. Однажды он даже очутился на ветке морковного дуба, росшего под окнами дворца.

— Дяденька Король, Цветной Капусты хоча, — попросил он, покачиваясь на конце ветки у самого окна королевской спальни.

Королева от возмущения упала в обморок, а Король успел поднять стражу, которая оцепила морковный дуб, предлагая крольчонку сдаться живым, а в крайнем случае мертвым. Крольчонок ничего не отвечал, но время от времени с неряшливой меткостью бросал в стражников совершенно несъедобные, однако довольно увесистые морковные желуди.

Часть стражников была тяжело ранена, зато остальные пришли в ярость и, уже осыпаемые ядрами морковных желудей, штурмом овладели этой неожиданной цитаделью, как впоследствии писали королевские историки.

Стражники облазили все ветки, но крольчонок нигде не оказался. Тогда они, решив, что он замаскировался в листья дуба, стали поочередно трясти все ветки, растягивая под каждой из них сетку из пампасской травы.

Еще несколько стражников было ранено своими же трясунями, и, наконец, некое легкое тело свалилось в сетку и запуталось в ней.

Но, увы, Король, вышедший посмотреть на возмутителя королевства, был еще более удручен. Мало того что, пока он выходил из дворца и приближался к морковному дубу, мимо него пронесли около тридцати тяжелораненых стражников, но когда он подошел к сетке и ее осторожно распутали, в ней оказалась белка.

— Ничего, мы доберемся до его кроличьей шкуры, — сказал Начальник Королевской Охраны и велел осторожно вместе с сеткой внести белку в помещение для допросов провинившихся кроликов.

— Еще один такой штурм — и я останусь без армии, — сказал Король, горестно и безразлично оглядывая место сражения.

Дело в том, что в королевстве кроликов охрана короля была равнозначна охране королевства и, естественно, считалась армией. Армия была вооружена бамбуковыми пиками, бамбуковыми палками и бамбуковыми трубками, выстреливающими кактусовой иглой. Убойная сила стреляющей трубки была равна среднему попугаю, но не годилась ни против шкуры туземцев, ни тем более против шкуры удавов.

В сущности говоря, армия предназначалась против мелких грызунов, оспаривавших кроличьи уголья или норы, а также, и даже главным образом, против бунтующих кроликов.

Приказав отпилить ветку морковного дуба, нависавшую над королевскими окнами, чтобы такие случаи не повторялись, Король ушел во дворец дожидаться результатов допроса.

Тем не менее допросить белку так и не удалось по причине ее упорного молчания. Заставить заговорить ее было невозможно, потому что тело белки, вернее, уши были никак не приспособлены к единственному известному в те времена в королевстве методу пыток.

Он состоял в том, что уши кролика связывали крепкой веревкой. Второй конец этой веревки перекидывали через балку под потолком, кролика слегка подтягивали и, вручив ему второй конец веревки, отпускали. Большой узел на том месте веревки, где она перекидывалась через балку (все предусмотрели, хитрецы!), не давал ей выскользнуть в сторону завязанных ушей кролика. В конце концов висшему кролику, чтобы освободиться от мучительной боли вытягивающихся ушей, приходилось изо всех сил подтягивать себя, чтобы взобраться на балку.

Если ценой таких мучений кролик, взобравшийся на балку, признавал свою вину, его отпускали, оштрафовав согласно обвинению. Если не признавал, его спускали вниз и повторяли пытку.

У крольчонка, замаскированного под белку, оказались такие маленькие уши, что никак невозможно было прикрепить к ним веревку. Пока думали и гадали, что с ним делать, неожиданно из джунглей пришла новость: крольчонок на воле и уже у нескольких ответственных кроликов просил Цветную Капусту.

Пристыженному Начальнику Охраны пришлось от-

пустить белку. Впрочем, кроликам-снайперам был дан тайный приказ: если белка, оказавшаяся на воле, не вскочит на первое попавшееся на пути дерево, а пробежит мимо, пристрелить ее, как при попытке к бегству. К счастью для себя, белка вскочила на первое же попавшееся ей дерево.

А между тем непослушание кроликов усиливалось с каждым днем. Утренний прогноз воздействия гипноза, объявляемый Глашатаям на Королевской Лужайке, встречался откровенным улюлюканьем.

Скандалная история чуть не вызвала разрыва дружеских отношений между кроликами и обезьянами. Дело в том, что один из сыновей Задумавшегося (кстати, всего их было четверо и все они были порядочными забияками) избил молодую мартышку, поймав ее у водопоя. Он ее избил на том основании, что она когда-то, якобы зная, что отца его предадут, никому ничего не сказала. Мать этой мартышки требовала наказания для распоясавшегося кролика, который от ее дочери требует, как она говорила, того, что он должен был бы потребовать от своих же кроликов. Была пущена в ход самая тонкая дипломатия, чтобы замять скандал, потому что затрагивались интересы слишком высокопоставленных особ.

А злоумышленный крольчонок то там, то здесь продолжал появляться. Королевская охрана сбилась с ног, ища его во всех уголках королевства. Ведь каждое новое появление крольчонка с его издевательской просьбой делало несколько смехотворной грандиозную программу по выведению Цветной Капусты.

Приметы крольчонка, нарочно написанные на капустном листе, чтобы привлекать внимание кроликов, были развешены на многих деревьях джунглей. Впрочем, развешены они были достаточно высоко, чтобы кролики могли прочесть королевский указ, а съесть его не могли.

Тем не менее злоумышленный крольчонок каждый раз бесследно исчезал.

— Это заговор, — говорил Начальник Королевской Охраны, — заговор, уходящий своими корнями к некоторым из Допущенных к Столу.

Однажды был схвачен пьяный кролик, чей путь от Королевской Лужайки до норы был выслежен, а бесвязанный, но подозрительный бормот выслушан и записан.

— ...А он мне, — говорил этот пьянчуга, — «Я вам Цветную Капусту, Цветную Капусту...» А я ему: «А что мне твоя Цветная Капуста? В гробу я ее видал, твою Цветную Капусту! Я, например, выпил свою бузиновку, закусил морковкой, которую сам же откопал у туземцев... А кто видел твою Цветную Капусту?» А он мне опять свое: «Я вам Цветную Капусту, я вам все, а вы, неблагодарные...» А я ему: «Ты нам все? Нет, ты нам ничего, и мы тебе — ничего». А он опять: «Я вам Цветную Капусту, я вам все...»

Кролик этот был схвачен и отправлен к Начальнику Охраны. По многим признакам он казался похожим на того кролика, который во время знаменитой прогулки Короля со злобным бормотанием пересек тропу и скрылся в пампасской траве. С вечера от него трудно было чего-нибудь добиться, а утром его вызвали для допроса к самому Начальнику Охраны.

Начальник Королевской Охраны сидел у себя в кабинете и, готовясь к допросу, чинил перья, поглядывая на пьяницу, бормотавшего вчера подозрительные слова. Вернее, он поглядывал не столько на него, сколько на его уши. За долгие годы работы он привык оценивать подследственных кроликов по форме ушей. Некоторые уши, узкие у основания, довольно резко (для опытного глаза, конечно) расширялись, что Начальнику Охраны доставляло настоящее эстетическое наслаждение. Такие уши во время подвешивания — хоть бантиком завязывай — никогда не выскальзывали из петли.

Именно такие уши были у этого заговорщика. В том, что он заговорщик, Начальник Охраны был уже уверен. Сами уши служили, правда, косвенным, но обстоятельным доказательством его вины.

Преступный пьяница, явно ничего не подозревая о соблазнительной форме своих ушей, сам не сводил

глаз с не менее соблазнительной чернильницы, только что на его глазах наполненной секретарем свежими чернилами из сока черной бузины.

— Значит, будем играть в молчанку? — наконец, сказал Начальник и слегка придвинул к себе чернильницу. Преступный кролик, стоявший возле стола, невольно сделал движение вслед за чернильницей.

— Дяденька Начальник, Цветной Капусты хотца, — вдруг раздался знакомый голос.

Начальник Охраны вздрогнул и, подняв голову, увидел крольчонка, который сидел на подоконнике с грустным видом, словно прислушиваясь к чему-то, так и не прозвучавшему, словно вглядываясь во что-то, так и не появившееся.

Начальник Охраны перевел взгляд на пьяницу, чтобы уловить связь между появлением крольчонка и им. Но пьяница явно был поглощен зрелищем чернильницы, заполненной чернилами, и, кажется, вообще ничего не слышал.

— Глянь на окно, — сказал Начальник негромко и кивнул пьянчуге. Он решил, что неожиданность появления преступного крольчонка смутит его, если они связаны.

— Сын? — спросил пьянчуга, косясь на окно и, видимо, совершенно не в силах оторваться от чернильницы.

«Нет, он явно его не знает», подумал Начальник.

— Я бы такого сына... — пробормотал он и, замолкнув, уставился на грустного крольчонка. Главное, окно, затянутое прозрачной слюдой, было закрыто, и, откуда он взялся, никак нельзя было понять.

— А ты знаешь, с кем говоришь? — спросил Начальник Охраны, лихорадочно соображая, как отразится появление крольчонка на внутренней жизни дворца и каким образом можно связать его появление с заговором Допущенных к Столу.

— Знаю, — неожиданно подтвердил крольчонок, и на этот раз его грустный голос как бы намекал на то, что он ничего хорошего не ждет от своих знаний.

— Значит, пришел раскисываться, — радостно высказал вслух свою догадку Начальник Охраны. До этого кролик никогда ничего не говорил, кроме своей издевательской фразы.

А теперь вдруг, очутившись у него в кабинете, заговорил. Начальник Охраны почувствовал, что заваривается грандиозное дело. Он замурыкал и потерял лапы от удовольствия. Мысль его заработала с необыкновенной силой.

— Как ты очутился во дворце, я знаю, — сказал Начальник, — во время штурма морковного дуба ты прыгнул в спальню Королевы... Потому-то тебя не нашли тогда... Но как ты очутился в охранном отделении? Вот что меня интересует. Учти, добровольное признание облегчит твою участь.

— У меня пропуск, — сказал крольчонок грустно и добавил, как бы намекая на свое вечное сиротство: — На одно лицо.

— Ну да, пропуск, — согласился Начальник Охраны, тихо ликуя про себя, — но кто его выдал... Я, конечно, знаю, но лучше, если ты сам...

— Вы, — сказал крольчонок грустно и что-то протянул ему в лапе.

— Я?! — переспросил Начальник Охраны, задохнувшись от бешенства и одновременно догадываясь, что заговорщики таким коварным путем интригуют против него.

— Да, вы, — грустно повторил крольчонок и с слышанной наглостью протянул ему какой-то затрепанный лоскуток, даже внешне не похожий на пропуск.

И эта наглость взорвала Начальника Королевской Охраны раньше времени. Он схватил со стола тяжелый кокосовый орех, давний сувенир делегации мартышек, и швырнул его в крольчонка.

Тяжелый орех пробил слюдяное окно и через несколько секунд шлепнулся во внутреннем дворе королевского дворца. По звуку было ясно, что он лопнул и из него брызнула жидкость.

— Раскололся, — сказал крольчонок, как показалось Начальнику Охраны, с издевательским двусмыслом.

Крольчонок, больше ничего не говоря, повернулся к окну и, осторожно наклонившись, чтобы не порезаться, пригнул одной лапой свои уши, вылез на ту сторону и исчез за карнизом. Еще несколько мгновений его уши торчали за окном, и было понятно, что он висит на карнизе, обдумывая, куда бы спрыгнуть.

Как только уши исчезли, Начальник Охраны вскочил из-за стола, влез на подоконник и, осторожно высунув голову в дыру, крикнул вниз:

— Никто не проходил?

Охранники рассказывали внизу и, находя брызги кокосового ореха, тщательно вылизывали их. Казалося, там внизу лопнул горшок с деньгами, упавший сверху, и они ищут разлетевшиеся монеты. Один из них, которому достался солидный обломок ореха, держа его над запрокинутой мордочкой (потому-то первым и заметил Начальника), тщательно скапывая в рот последние капли, ответил:

— Никто, Начальник!

Остальные охранники тоже подняли головы и неожиданно стали кричать:

— Спасибо, Начальник! Кинь еще!

Начальник ничего не ответил и убрал голову из пролома в окне. Тут он заметил валявшийся на подоконнике сильно увядший лист капусты с печатью королевского склада.

— Черт его знает, что делается, — сказал Начальник и, отшвырнув капустный лист, сел к столу.

— Убег? — спросил пьянчуга, оживляясь и глядя туда, куда упал капустный лист.

Начальник посмотрел на него. Они встретились глазами.

— Убег, — сам себе ответил пьянчуга, и глаза его засветились невинным блеском шантажа, — нехорошо... Тем более ежели пришел сдаваться, а вы его турнули путем швыряния казенного кокоса.

— Ладно, убирайся домой, — строго приказал Начальник. — И учти: ничего не слышал, ничего не видел.

— Я-то пойду, пойду, — сказал пьяница, не двигаясь с места и теперь уже опять уставившись на чернильницу, — но ежели кто пришел сдаваться, тем более королевский преступник... Не дозволено пужать путем швыряния казенного кокоса...

— Ладно, пей и иди. — Начальник Охраны кивнул на чернильницу.

— Ваше здоровье, Начальник, — сказал кролик и залпом опорожнил довольно вместительную чернильницу. В то же время, наклонившись, он достал с полу капустный листик, брошенный Начальником, тряхнул его, мазанул пару раз о грудь, понюхал и, сунув в рот, стал жевать, одновременно знаками показывая, что он поднял его с полу и сунул в рот как ненужную вещь, иначе, мол, он его положил бы обязательно на стол.

Пусть глотает, к лучшему, думал Начальник, мимоходом удивляясь, как быстро рядовые кролики наглотаются.

— Королевская, очищенная, — наконец, выдохнул пьянчуга, — это вещь...

Быстро охмелев, он стал учить Начальника Охраны, как лучше поймать преступного крольчонка, при этом с выражением вымогательского намека продолжая держать в руке чернильницу. Но тут Начальник Охраны взглянул на него своим знаменитым взглядом, который быстро привел в чувство пьянчугу.

— Все ясно, Начальник, — сказал пьянчуга и, поставив чернильницу на стол, пятясь, вышел из помещения.

То-то же, подумал Начальник, довольный эффектом своего взгляда. Он подумал, не связан ли крольчонок с каким-нибудь придворным заговором и, если не связан еще, не правильно ли будет связать его появление с еще не открытым заговором Допущенных к Столу. Он вызвал своего секретаря и узнал у него, не спрашивал ли его кто-нибудь с утра.

— Тут один крольчонок приходил, — ответил секретарь, — сказал, что ты его ищешь.

— Ну, а ты? — спросил Начальник.

— Ну, я ему сказал, — пояснил секретарь, — раз ты нужен Начальнику, заходи и жди. А что случилось?

— Значит, кто меня ни спросит, — мрачно сказал Начальник Охраны, — заходи и жди!

— Так ведь он был с королевским капустным листом, — отвечал секретарь, — а ведь это устаревшая, но не отмененная форма пропуска. Но что это? Разбито окно да и ухо у вас в крови?! Покушение!!

— К счастью для королевства, неудачное, — сказал Начальник Охраны, — но какая ехидина! Он сказал, что я ему дал пропуск, имея в виду капустный лист, полученный по приказу Королевы. Хорошо, что были свидетели. Опасный преступник во дворце! Перекройте все входы и особенно выходы! Налей мне свежих чернил да не в чернильницу, а в бокал, черт подери! Думаю, что он прячется среди королевских балерин, придется их тщательно проверить!

Несмотря на перекрытые входы и особенно выходы из королевского дворца, на следующий день Король получил пренеприятнейшее известие о новой вылазке крольчонка уже на окраине королевства.

Об этом рассказывал в своем секретном донесении Главный Казначей. Дело в том, что в связи с тревожными временами Король распорядился в самом глухом уголке своего королевства устроить тайный склад с капустой. В случае, если королевство и в самом деле развалится, он думал вместе с женой и ближайшими сподвижниками, перекрасившись соком черной бузины, пожить там под видом богатого семейства негритянских кроликов, прибывших из далекой страны.

И вот, оказывается, еще вчера, когда Главный Казначей в сопровождении пяти рабочих кроликов вносили в склад пополнение, они заметили крольчонка, сидевшего на пирамидальной вершине капустной горы, подобно маленькому грустному Кашею, восседавшему на черепах туземцев, кстати, в отличие от капусты, абсолютно несъедобных.

Увидев кроликов, он, как обычно, попросил Цветной Капусты, что прозвучало особенно издевательски, учитывая, что он сидел на целой горе кочанов обыкновенной капусты. Это прозвучало так, как будто он убедился в полной пищевой непригодности всех запасов, на которых он сидел.

— Про меня ничего не говорил? — спросил Король, мрачно выслушав рассказ.

— Нет, — отвечал Казначей, — но интересно, когда наверх полез один из рабочих кроликов, оказалось, что на вершине вместо крольчонка лежит кочан капусты с двумя надорванными листьями, напоминающими снизу уши кролика.

— Одно ясно, — мрачно отвечал Король, — тайный склад рассекречен... А этот болван, Начальник Охраны, ищет его во дворце да еще и щупает моих балерин. Должен сказать, друзья, еще два-три месяца — и королевство кроликов развалится в результате падения производительной силы удавов.

Но нет, не развалилось королевство кроликов, ибо именно в этот исторический день Удав-Пустынный приполз (потому-то он и исторический) к подземному дворцу Великого Питона и рассказал о своем открытии. Великий Питон приказал собрать довольно поредевшее племя удавов. Некоторых пришлось тащить волоком, до того они ослабли от недоедания.

Один удав, залезший на инжировое дерево, росшее у входа во дворец Великого Питона, во время исполнения гимна шлепнулся с ветки и упал рядом с Царем. Царь, вынужденный прервать гимн, ждал, что тот будет делать дальше.

Смущенный позорным падением и нескромной близостью несчастного случая с местом возложения Великого Питона, он пытался уползти, беспомощно держа своим непослушным телом, что производило на Царя и близлежащих удавов особенно гнетущее впечатление.

— Да лежи ты, ради Великого Дракона, — наконец сказал Царь и, уже решив не продолжать прерванного гимна, в сжатом виде рассказал всем о Пустынике, который, если кто по молодости не знает, был в свое время наказан, а теперь вернулся с интересным предложением.

Прощенный Пустынник со скромным достоинством сообщил о своем теоретическом открытии и его экспериментальной проверке, оказавшейся вполне удачной. Удавы, мрачно слушавшие рассказ Пустынника, стали задавать вопросы.

— А может, это был полудохлый кролик,—спросил удав, привыкший все видеть в мрачном свете,— может, его и давить ничего не стоило?

— Конечно,— отвечал Пустынник,— кролик был не в лучшем состоянии, но учтите, что и я в проклятой пустыне, питаюсь ящерицами и мышами, еле двигался.

— Да что ты все о себе говоришь,— шипели в ответ удавы,— посмотри, на что мы стали похожи.

— Знаю,— отвечал Пустынник с еще более заметным скромным достоинством,— для этого я и вернулся... Теперь, уняв кролика совершенно новым способом без гипноза, я чувствую себя уверенно и спокойно.

— А когда ты его обработал? — неожиданно спросил Великий Питон.

— Сегодня,— отвечал Пустынник,— разве я не сказал?

— Тебе хорошо,— вздохнул Великий Питон,— ты позавтракал, а я до сих пор не емши...

Удавы почувствовали что-то, хотя и сами не знали что. Пожалуй, напрасно Великий Питон пожаловался, точнее, позавидовал Пустыннику. Позавидовал — значит признал в чем-то его превосходство. В это мгновение над удавами пронесся дух сомнения в Великом Питоне. Правда, как и у кроликов, отношения в племени были страшно расшатаны, опять же еще сегодня утром удав-охотник позволил себе дерзкую вспышку.

— Слушай, а сколько лет Великому Питону? — спросил один удав у другого в задних рядах.

— А кто его знает,— прошипел тот,— лучше послушаем Пустынника, он дело говорит...

Вопросы продолжали сыпаться. Пустынник отвечал на них со всевозрастающей четкостью и скромностью.

— А каков верхний и нижний предел удушения? — спросил один из удавов.

— Братья-удавы,— отвечал Пустынник,— насчет верхнего и нижнего предела я пока ничего не могу сказать, но с золотой серединкой, с кроликом, уверенно говорю, справимся.

— Это главное,— с удовлетворением прошипели удавы.

— О, прелестная и коварная золотая середина,— вздохнул удав, некогда избитый туземцами за попытку преподнести крольчихе кочан капусты.

— Не знаю, как насчет нижнего предела,— сказал Великий Питон и странным взглядом оглядел удавов,— но верхний предел мы сейчас проверим... Дави Коротышку!

Удавы вздрогнули от неожиданности. Пустынник бросился на Коротышку, но тот, хотя на этот раз был и на земле, но все-таки лежал возле дерева. Он успел увернуться и вспрыгнуть на кокосовую пальму.

— Души его на дереве! — кричал Великий Питон, горячася.

— Но я на деревьях душить не умею,— отвечал Пустынник.

— Будем ждать, пока он слезет? — тоскливо спросил один из удавов.

— А я никогда не слезу,— отвечал Коротышка,— здесь хватает еды.

Удавы стали стыдить Коротышку, но он, не обращая внимания на их шипение, дотянулся до грозди бананов на соседнем дереве и стал их есть, шлепая на спины удавов шкурками, отчего те нервно вздрагивали.

— Ты обезьяна, а не удав,— сказал Великий Питон и снова оглядел свое племя,— тогда попробуем Косого... Где Косой?

— Как прикажете,— все так же скромно и четко сказал Пустынник.

— Что ж,— сказал Косой,— я слишком стар, чтобы перестраиваться... Можешь меня душить...

Пустынник свисл с кольцами и набросился на Косого. Они сплелись, но Косой безвольно провисал на

Пустыннике, подобно тому, как в наше время усталый боксер висит на противнике.

— Ты сопротивляйся, сопротивляйся! — крикнул Царь.— Нам нужен опыт в условиях джунглей.

— Какое уж тут сопротивление,— вздохнул Косой и испустил дух.

— Хотя умер с пользой для дела,— сказал Великий Питон,— я всегда говорил, что удав, из которого говорит кролик, это не тот удав, который нам нужен.

— Что характерно,— заметил Пустынник, отплывая от себя мертвое тело Косого,— опыт проходит более успешно, когда подопытное существо трепещет, оказывая сопротивление. Этот трепет возбуждает и приводит в действие всю мускульную систему.

— Оттащите его подальше,— сказал Великий Питон.— Мы входим в новую эру, где никогда не будет таких инвалидов, как Косой, и таких вырожденков, как Коротышка, которого мы еще страхнем с дерева! Пустынник мною назначается первым заместителем и пожизненным преемником Великого Питона, то есть меня. Разбредайтесь по джунглям! Тренируйтесь, развивайте свою природу!

С этими словами он удалился в подземный дворец, взяв с собой для личной беседы своего преемника.

С этого дня удавы начали усиленно тренироваться под руководством Пустынника, который разработал ряд классических упражнений для развития душевных мышц.

Так, например, две группы удавов, держась за вытянутого удава, старались друг друга перетянуть. На песчаном речном берегу было поставлено чучело кролика, где разрабатывались прыжки.

Особенным успехом пользовалось такое упражнение. Удав подбирал два молодых дерева, растущих рядом, вползал на вершину одного из них и обвязывался там хвостовой своей частью. Потом перебрасывался на вершину другого дерева и, укрепившись головной частью, стягивался и расслаблялся, стягивался и расслаблялся. Так он мог тренироваться часами, следя, чтобы вершины этих деревьев схлестывались под одинаковым углом наклона, что служило равномерному развитию всей мускульной системы.

В один прекрасный день Пустынник собрал удавов и объявил им, что Великий Питон умер, но тело его будет вечно находиться рядом с его охотничьими трофеями, поскольку удав-скульптор сделает из него мумию.

— Согласно воле Великого Питона,— сказал он в конце, не теряя скромности и в то же время усиливая четкость,— удавами будет управлять удав, то есть я. Отныне никаких дворцов... Дворец Великого Питона переименовать в Келью Пустынника.

— Можно вопрос? — прошипел один из удавов.

— Да,— кивнул Пустынник.

— Можно вас в честь ваших подвигов называть Великий Пустынник?

— Лично мне это не надо, но если вам нравится — можете,— отвечал Великий Пустынник все так же скромно и четко.

А между тем удавы продолжали тренировку, сочетая ее с опытами на живых кроликах. В первое время многие удавы работали очень неточно, но постепенно способы удушения делались все более и более совершенными. А вначале удав, прыгая на кролика, часто промахивался, шлепался рядом, после чего кролик давал стрекача, а удав с отбитым брюхом уползал в кусты.

Некоторые удавы в процессе удушения так запутывались в собственных узлах, что потом приходилось тратить много времени на их распутывание. А один удав настолько запутался в собственных узлах (правда, он душил довольно крупную обезьяну), что его так и не удалось распутать.

В тяжелом состоянии удава доставили ко дворцу, то есть к Келье Пустынника, где его осмотрели врачи и предложили отсечь запутавшуюся часть тела, чтобы сохранить ему жизнь.

— Нерентабельно,— отверг Великий Пустынник это предложение,— утопить в реке... У нас уже был один инвалид...

Стража отволокла неудачника к реке и утопила.

Через несколько дней Великий Пустынник прочел удавам проповедь на тему «Удушье — не самоцель». После этого был разработан ряд классических петель-удавок, и случаи запутывания удавов в собственных узлах значительно сократились.

Интересные изменения произошли в экспозиции трофеев Великого Питона. Часть из них была отдана удавам для тренировки прыжков и душителных колец. Разумеется, наиболее ценные экспонаты во главе с чучелом Туземца в Расцвете Лет были оставлены. Вместо выбывших экспонатов коллекция была дополнена в первую очередь чучелом кролика, обработанного новым способом, и рядом старых трофеев, восстановленных по воспоминаниям Великого Пустынника. Личные трофеи Великого Пустынника заканчивались мумией Великого Питона с бдящими глазами, что создавало грозную двусмысленность, страшноватый намек на то, будто это самая блистательная его обработка. Тем более что среди удавов ходили темные слухи: мол, незадолго до смерти Великий Питон не то был лишен права голоса, не то лишился дара речи.

Однако пора возвратиться к нашим кроликам.

Первые сведения о новом поведении удавов сначала никого не беспокоили. Те кролики, которых удавам удавалось задушить, естественно, ничего не могли рассказать своим собратьям, а те, возле которых тяжело и неловко шлепались удавы, ничего не могли понять. Кролики сначала смеялись над этими случаями и даже довольно долго считали, что удавы на них кидаются с деревьев, стараясь оглушить их собственной тяжестью, раз уж гипноз не действует.

Потом до Короля дошли слухи, что недалеко от зеленого холмика, где во воскресеньям возжигался неугасимый огонь в память о Задумавшемся, удавы воздвигли памятник Любимому кролику, которому они ежедневно поклоняются, бросаясь на него со своими объятиями.

— Совсем спятили, — сказал Король, услышав это.

— У них теперь вместо Великого Питона появился какой-то Пустынник, — заметил Начальник Охраны.

— Вот они и молятся, — высказал догадку Старый Мудрый Кролик.

— Молятся?! — горько усмехнулся Король. — А как ты разгадал знамение?!

Не успел Старый Мудрый Кролик придумать ответ, как в кабинет Короля вошел его секретарь и что-то шепнул на ухо.

— Введи, — сказал Король, заметно оживившись.

Через мгновение в кабинет Короля, ковыляя, вошла истерзанная крольчиха.

— Рассказывай, — приказал Король.

Вот что рассказала крольчиха. Оказывается, она паслась на границе между джунглями и пампасами, когда на нее неожиданно напал удав и, обвив ее кольцами, стал душить. Ей с большим трудом удалось вырваться из его объятий и убежать.

— Гипнотизировать не пытался? — спросил Король.

— Какой там гипноз, — закричала крольчиха, — я такой боли в жизни не знала! Вот вывихнул мне лапу...

— Так, — сказал Король, нисколько не обращая внимания на непочтительный тон крольчихи, — но ты ведь могла почувствовать, что он хочет от тебя?

— Я почувствовала, что он хочет меня задушить, — отвечала крольчиха, и по выражению ее мордочки было видно, как она усиленно пытается включить свое тупенькое воображение.

— Ладно, милочка, ступай, — сказал Король и, хлопнув крольчиху по плечу, добавил, обращаясь к секретарю: — Распорядись, чтобы ей выдали недельное пособие как пострадавшей на государственной службе. — Когда крольчиха, поблагодарив Короля, вышла вместе с его секретарем, Король обратился к своим помощникам: — Ну, что вы скажете на это?

— Скажу, милый, что пораспустились твои подданные, — заметила Королева.

— Надо бы подтянуть, — поддакнул ей Начальник Охраны.

— А по-моему, очень интересный случай, — оживился Король, — все выстраивается в один ряд... Уве-

личение количества без вести пропавших кроликов... Пострадавшая крольчиха... Странные упражнения удавов... Они разработали новое страшное оружие — удушье!

— Король, ты гений! — воскликнул Старый Мудрый Кролик. — Зачем тебе я, зачем тебе ученые, зачем тебе Начальник Охраны, когда ты — все!

— Успокойся, — отвечал Король, — я только сделал необходимые обобщения. Оповестить кроликов о страшной опасности, нависшей над ними... Кто говорил: не надо развивать свою природу? Я говорил. Теперь доразвивались до того, что живым кроликам ломают кости. Размножаться с опережением — вот наше оружие против удавов!

Известие о новом страшном оружии удавов, требующем сплочения кроликов как никогда раньше, к сожалению, в самое ближайшее время самым трагическим образом подтвердилось. Кролики выбросили в реку чучело кролика, на котором тренировались удавы, но было уже поздно. Попытка подгрызть молодых, чтобы удавы не могли тренировать душителные мускулы, тоже окончилась ничем. Удавы стали подстерегать кроликов возле молодых парнорастущих деревьев. Да и возможно ли перегрызть все молодые парнорастущие деревья?

Деятельность Возжаждавшего среди кроликов после того, как удавы стали душить без всякого гипноза, имела все меньше и меньше успеха.

Начальник Охраны время от времени предлагал подтянуть его за уши, но Король отвергал эту крайнюю меру, считая, что, пока удавы по отношению к кроликам проявляют настоящую твердость, надо быть с кроликами помягче, иначе они совсем затоскуют.

Вообще к Королю вернулось чувство юмора, тот грубоватый солдатский юмор, который так ценил и понимал его народ.

— Кажется, кое-кто нам обещал пробежать по удаву, — говаривал Король во время кроличьей сходки. что неизменно вызывало дружный хохот кроликов. Обычно эта шутка звучала на предложение Возжаждавшего провести те или иные реформы.

— Но вы же понимаете, что сейчас совсем другая обстановка, — отвечал Возжаждавший на эти неприятные напоминания.

— То-то же, — кивал Король, — попробуй развивать природу — и кончится тем, что удавы будут летать за кроликами. Так говорил мой отец еще в те времена, когда и в голову никому не могло прийти, что удавы откажутся от гипноза.

Кролики снова притихли и стали законопослушными. Теперь они регулярно вносили в королевский дом огородный налог, а выпивать не то чтобы стали меньше, но пили у себя в норе, а не где попало. Возжаждавший, помня изречение Учителя насчет того, что если мудрость не может творить добро, то она по крайней мере должна удлинять путь злу, пытался добиться от Главного Ученого со всей его канцелярией улучшения службы безопасности кроликов.

С тех пор как удавы начали бросаться на кроликов, при этом чаще всего из засады, Главный Ученый вообще перестал выходить из дворца, вернее, выходил только во время кроличьих сходок и, разумеется, не дальше Королевской Лужайки. О проведении его ученых опытов в полевых условиях не могло быть и речи.

Правда, после долгой работы, которая заключалась в расспросах случайно уцелевших кроликов, он вывел глубокомысленную формулу, согласно которой длина прыжка удава равна квадрату его собственной длины.

Но кролики, хотя и пораженные четкой красотой формулы, все-таки жаловались — под влиянием Возжаждавшего — на то, что эту формулу никак невозможно на практике применять. Король, отчасти признавая законность этих жалоб, старался их утешить.

— У нас в руках правильная теория, — говорил Король, — а это уже более чем кое-что.

— Теория-то, может, и правильная, — отвечали кролики, — но как же ею пользоваться, когда мы не знаем длину нападающего удава?

— Тоже верно, — соглашался Король и, найдя глазами Возжаждавшего, добавлял: — Кстати, тут кое-

кто обещал пробежать по удаву... Измерил бы пять-шесть удавов, мы бы вывели хоть среднюю длину нападающего удава...

— Вы же знаете, что сейчас совсем другое время, — отвечал Возжаждавший, стыдливо опуская голову.

— Не только знаю, но и знал, — неизменно отвечал Король, что всегда приводило кроликов в состояние тихого восторга.

— «Но и знал», — повторяли кролики, разбредаясь по норам после сходки, — что-то, а кумпешка у нашего Короля светлая.

Несмотря на свои беды, а скорее даже благодаря своим бедам, кролики продолжали размножаться с опережением и опять же благодаря своим бедам с еще большим усердием (смертники!) продолжали воровать на туземных огородах вместе со своими единомышленниками в этом вопросе — обезьянами.

В конце концов туземцы, развивая природу своей любви к своим огородам, сумели договориться с Великим Пустынником, чтобы он отпускал удавов дежурить на огородах в качестве живых капканов. Об оплате условились просто.

— Что поймал, то и ешь от пуза, — предложили туземцы.

Удавы охотно ходили на дежурство, потому что на огородах кролики да, кстати, и обезьяны, впадая в плодово-овощной разгул, теряли всякую осторожность.

— Если б я тогда знала, что эти мерзавцы будут кукурузу сторожить, — с элегической грустью говаривала та самая мартышка, выкусывая вшей из головы своей внучки, уже и слыхом не слыхавшей ни о Находчивом кролике, ни тем более о преданном им Задумавшемся.

Кстати, однажды удав, посланный дежурить на кукурузное поле, возвратился, как было замечено некоторыми удавами, несколько смущенный.

— Что случилось? — спросили у него.

— Кажется, дал маху, — отвечал он, укладываясь в сыром овраге, недалеко от Кельи Великого Пустынника, — вместо мартышки обработал жену хозяина.

— Ну и как она? — спросили удавы, отдохнувшие в этом овраге.

— Да так, ничего особенного, — говорил удав, — интересно, туземец Пустыннику не пожалуется?

— А кто его знает, — отвечал пожилой, но еще молодой удав, — раз к разу не приходится... То, бывает, соблазнится наш брат на хорошую жирную туземку — и ничего. А бывает, обработаешь пигалицу, а шуму на все джунгли...

— Да эта тоже была худая и жилистая... Я ее сначала в темноте и в самом деле спутал с обезьяной, ну, а потом уже думаю: и так и так отвечать...

— Правильно сделал, — заметил пожилой удав, — труп лучше не оставлять... Потому что туземцы время от времени напиваются, как кролики, и забывают все, что было. Иной проснется и никак не вспомнит, то ли подарил кому-то жену, то ли просто прогнал... Кстати, — через некоторое время добавил этот пожилой удав, любивший помогать молодым неопытным удавам, но делавший это несколько суетливо, — пока ее не переваришь, сдавай дерьмо в комнату находок. Туземцы легко успокаиваются, если на память о проглоченном у них остается какая-нибудь железная штучка...

Этот пожилой удав прямо как в воду глядел. Недели через две до мужа туземки дошли слухи, что исчезнувшую жену, оказывается, проглотил удав, стороживший его собственный огород. Особенно оскорбительно было то, что этот удав, на радость некоторым туземцам, говорил, будто спутал ее с обезьяной.

И вот он пришел с жалобой к Великому Пустыннику. Тот, прежде чем принять туземца, из уважения к старинному обычаю велел занавесить чучело Туземца в Расцвете Лет.

— Твоя удав моя жинку глотал, жинку, — начал туземец жаловаться Великому Пустыннику, особенно напирая на оскорбительное сравнение ее с обезьяной.

— Накажем, — обещал Великий Пустынник. — Кстати, войдешь в комнату находок и возьмешь, если на ней были украшения.

— Спасибо, хозяин, — поклонился ему туземец, — моя другой жинка возьмет.

— Ну, вот и уладил, — отвечал Великий Пустынник, — я всегда стоял за дружеские связи с туземцами...

Туземец был очень доволен оказанным ему приемом и просил, несмотря на этот неприятный случай, в будущем не оставлять его поле без дежурства удава. Правда, в конце разговора возникла некоторая неловкость. Рассматривая чучело и справедливо восторгаясь искусством удава-скульптора, он сказал про мумию Великого Питона:

— Прямо как настоящий...

— А он и есть настоящий, — отвечал Пустынник, — только выпотрошен и залит смолой.

— А это тебя готовят? — кивнул глупый туземец на занавешенное чучело Туземца в Расцвете Лет.

— Скорее тебя, — ответил Пустынник непонятно, но страшно, и туземец поспешил уйти. Пустынник не любил разговоров о своей смерти. Он даже не любил разговоров о чужой смерти, если чужая смерть могла ему напомнить собственную.

Одним словом, после воцарения Пустынника жизнь удавов и кроликов вошла в новую, но уже более глубокую и ровную колею: кролики воровали для своего удовольствия, удавы душили для своего.

— Размножаться с опережением и ждать Цветной Капусты, — повторял Король, — вот источник нашего исторического оптимизма.

И кролики продолжали успешно размножаться, терпеливо дожидаясь Цветной Капусты.

— Ты жив, я жива, — говаривала по вечерам крольчиха своему кролику, — детки наши живы, значит, все-таки Король прав...

Кролики не понимали, что в переключке принимают участие только живые.

— Если бы жив был Учитель... — вздыхал Возжаждавший. — А что я могу один и тем более в новых условиях?

Впрочем, согласно изречению Задумавшегося, он старался развивать в кроликах стрекачество, чтобы удлинять путь злу.

Вдова Задумавшегося создала Добровольное общество юных любителей Цветной Капусты. По воскресеньям, когда на зеленом холмике возжигался над символической могилой Задумавшегося неугасимый огонь, она собирала там членов своего общества и вспоминала бесконечные и многообразные высказывания своего незабвенного мужа об этом замечательном продукте будущего. Свежесть ее воспоминаний о Цветной Капусте поддерживалась твердым кочаном обыкновенной капусты из королевских запасов.

Однажды уже сильно постаревшие Король и Королева грелись на закатном солнце, стоя у окна, в которое когда-то заглядывал с ветки морковного дуба тот самый крольчонок, что просил Цветную Капусту.

— Находчивый — это тот, который был с красивыми глазами, или тот, который предал Учителя? — вдруг спросила Королева у Короля. Кстати, придворные косметички смело придавали лицу Королевы черты былой красоты, поскольку мало кто помнил, какой она была в молодости.

— Не помню... Кажется, родственники, — отвечал Король, ковыряясь в зубах орлиным пером. — Но кто мне надоед, так это вдова Задумавшегося.

Последнее замечание Короля, хотя никак не было связано с вопросом Королевы, не вызывало сомнений: очень уж она зажилась. Ее собственные дети и даже некоторые внуки к этому времени уже погибли, а она все рассказывала случаи из жизни Задумавшегося, все вспоминала новые подробности его душевных бесед о Цветной Капусте.

Но и ее тоже можно было понять, ей так было жаль расставаться с дармовой королевской капустой, что это придавало ей силы для долгожительства. Одним словом, всех можно понять, если есть время и охота.

Интересно, что некоторые престарелые кролики, рассказывая молодым о прежней жизни в гипнотический период, сильно идеализировали его.

— Раньше, бывало, — говорили они, — гуляешь в джунглях, встретил Косого — проходи, не останавли-

ваясь, безопасной стороной его профиля. Или встретил Коротышку, а он на тебя и смотреть не хочет... Почему? Потому что бананами налопался, как обезьяна.

— А где они теперь? — спрашивали молодые кролики, завидуя такой вольнице.

— Косого удавы задушили, — отвечал кто-нибудь из старых кроликов, — а Коротышка вообще переродился в другое животное и взял другое имя.

— Вам повезло, — вздыхали молодые кролики.

— Раньше никто бы не поверил, — распалялись старые кролики, — чтобы туземцы использовали удавов против кроликов...

— А выпивка? Чистый сок бузины даром раздавали, — вспоминали престарелые алкоголики, — хочешь — учись писать, хочешь — пей, твое дело.

— Но вы забываете главное, — напоминал кто-нибудь, — при гипнозе, если уж тебе было суждено умереть, тебя усыпляли, ты ничего не чувствовал.

— А сейчас рядовые кролики отраву пьют, — не давал закрыть тему престарелый алкоголик, — сок бузины идет только для Допущенных...

— Одним словом, что говорить, — вздыхал один из старейших кроликов, — порядок был.

Удивительно, что и старые удавы, делясь воспоминаниями с молодыми, говорили, что раньше было лучше. При этом они тоже, как водится, многое преувеличивали.

— При гипнозе как было, — рассказывал какой-нибудь древний удав, — бывало, ползешь по джунглям, встретил кролика: хлянул — приморозил! Снова встретил — снова приморозил! А сзади удавиха ползет и подбирает. А кролики какие были? Сегодняшние против тех — крысы. Ты его проглотил, и дальше никаких тебе желудочных соков не надо — на своем жиру переваривается. А сейчас ты его душишь, а он пищит, вырывается, что-то доказывает... А что тут доказывать?

— Жили же, — мечтательно вздыхали молодые удавы.

— Порядок был, — заключал старый удав и после некоторых раздумий, как бы боясь кривотолков, добавлял: — При гипнозе...

— Они думают, душить легко, — часто говаривал один из старых удавов, укладываясь спать и с трудом свивая свои подагрические кольца. Хотя на вид это был далеко не тот удав, которого мы знали как удава, привыкшего все видеть в мрачном свете, на самом деле это был именно он.

* * *

Вот и все, что я слышал об этой довольно-таки грустной истории взаимоотношений кроликов и удавов. Если кто-нибудь знает какие-то интересные подробности, которые я упустил, я был бы рад получить их. Лучше всего письмом, можно по телефону, а еще лучше держать их при себе: надоело.

Когда я записывал все это, у меня возникали некоторые научные сомнения. Я, например, не знал, в самом деле удавы гипнотизируют кроликов или это так кажется со стороны.

У Брема в «Жизни животных» почему-то ничего об этом не говорится. Все мои знакомые склонялись к тому, что удавы и в самом деле гипнотизируют кроликов, хотя полностью утверждать это никто не брался.

Среди моих друзей не оказалось ни одного настоящего змеоведа. Но потом я вспомнил полузабытого знакомого, который любил говорить, беря командировку в пустыню Каракумы: «Поеду к змеям...» Хотя я знал, что он по профессии геолог, но думал, что он как-то попутно и змеями занимается. Я с трудом нашел его телефон и очень долго и безуспешно напоминал ему об этом его выражении, а он почему-то все отрицал, упирая на то, что тем или иным сотрудником филиала их среднеазиатского института он мог быть недоволен, но чтобы целый коллектив — он лично такого не помнит.

Вдобавок он у меня спросил, кто я, собственно, такой и почему я этим интересуюсь, хотя я начал именно с этого. Но он, по всей вероятности, слушал меня рассеянно и благодаря моему восточному имени

принял меня за кого-то из своих далеких сотрудников.

— Ах, это ты, старичок, — сказал он, наконец все поняв и обрадовавшись. — А я думал: кто-то из моих анонимщиков... Нет, нет, какие там змеи — вздохать не могу. Хотя, если говорить по существу, то настоящие змеи...

Так как змеи в переносном смысле меня не интересовали, я пропустил мимо ушей его стенания и при первой же возможности положил трубку.

— Так это же по телевизору показывали, — сказала одна женщина, когда я затеял разговор об удавах в дружеской компании.

— И вы видели сами? — спросил я, обнадеженный.

— Конечно, — сказала она, отвернувшись от зеркала, в которое глядела на себя с той педагогизированной строгостью, с какой все женщины смотрят в зеркало, словно бы укоряя свой облик в том, что хотя он и хорош, но потенциально мог быть гораздо лучше.

— Ну и что? — спросил я, трепеща от любопытства.

— Ну, этого самого... — сказала она и очень выразительно поглядела на меня, — зайчика положили в клетку с удавом...

— Ну, а дальше? — спросил я.

— Я отвернулась, — сказала она и еще более выразительно поглядела на меня, — не могла же я смотреть, как этот питон глотает зайчика...

Так или иначе, она ничего не могла мне сказать по интересующему меня вопросу, и я в конце концов через другого моего знакомого, у которого оказался знакомый змееев, узнал, как смотрит наука на эту проблему.

Этот змееев с презрительной уверенностью сообщил, что никакого гипноза нет, что все это легенды, дошедшие до нас от первобытных дикарей (не наших ли туземцев он имел в виду?). Таким образом, слова его вполне совпали с наблюдениями Задумавшегося.

В глубине души я всегда был в этом уверен, но приятно было услышать вполне компетентное научное подтверждение взглядов Задумавшегося кролика. Тем более что открытия этого действительно замечательного мыслителя были сделаны в те далекие времена, когда не было ни крупных научных центров, ни путеводной науки, господствующей в наши времена и ясно определяющей, какие змеи полезны, а какие вредны и почему. Задумавшемуся приходилось на собственной шкуре доказывать свою правоту.

Между прочим, я заметил, что некоторые люди, услышав эту историю кроликов и удавов, мрачнеют. А некоторые начинают горячиться и доказывать, что положение кроликов не так уж плохо, что у них есть немало интересных возможностей улучшить свою жизнь. При всем своем врожденном оптимизме, положив руку на источник этого оптимизма, я должен сказать, что в данном случае мрачнейший слушатель мне нравится больше, чем тот, что горячится, может быть, стараясь через рассказчика воздействовать на кроликов.

Вот поясняющий пример. Бывает, зайдешь к знакомому, чтобы стрельнуть у него немного денег. Как водится, начинаешь разговор издалека о трудностях заработка и вообще в таком духе. И смотришь, что получается.

Если ваш собеседник, подхватывая тему, горячится, указывая на множество путей сравнительно легких заработков, то так и знайте, что он ничего не даст.

Если же во время ваших не слишком утонченных намеков собеседник мрачнеет и при этом не указывает никаких путей сравнительно легких заработков, то знайте, что тут дела обстоят гораздо лучше. Этот может одолжить, хотя может и не одолжить. Ведь он помрачнел, потому что мысленно расстался со своими деньгами или, решив не давать их, готовится к суровому отпору. Все-таки шанс есть.

Так и в этой истории с кроликами я предпочитаю слушателя несколько помрачневшего. Мне кажется, для кроликов от него можно ожидать гораздо больше пользы, если им вообще может что-нибудь помочь.

Татьяна
РЯБОВА

Кружева

У женщин кружева нематерьяльны,
Как торсы дев, приделанные к стругу.
И в том ли смысл, что глажены, крахмальны,
Коль накрахмалить можно и дерюгу.
В них падают снега, и лес березов.
И в том лесу все время вечереет.
Окликнешь ли и не услышишь отзыв
Тех, кто туда попал и не стареет.
Там прожитое чуть сквозит
Сквозь вечный снег, и на кауром
Коне служивый погрозит
Лихим и жалобным прищуром.
И вечный снег неописуем,
Коли с седла через забор
Он, перегнувшись, поцелуем
Соединен с ней до сих пор.
И как же я могу узор
Заштопать и загладить вмятину?
Ведь это же снести забор
И вечный снег стереть, как патину.
Жалеют люди, что узор,
Столь дорогой, поизносился.
Но ты-то! Ты-то как женился,
Так снег идет и до сих пор.
Что толку гладить кружева.
Какие есть, такие пусть уж
И будут. Как его непустишь
К себе, пока еще жива!

☆☆☆

Пью ли чай, дуя в темные пальцы,
Затопляю ли печи в избе,
Все прошу, чтобы мне постояльцы
Рассказали чуток о себе.

Что со мной происходит, мой милый!
Чтоб слезу уронить на кусток,
Что горит над отцовской могилой,
Отдала бы свой лучший платок.

Ты поспрашивай, друг мой, в народе:
Из его дочерей и сынов
Получилось достаточно вроде
Скоморохов, кликуш, плясунов.

В чей бы мир, в чье бы время воротца
Ни раскрыла, я вижу лишь клин
Журавлиный и как у колодца
Я стою с ним один на один.

Видишь, плачу всю ночь от росы и
Васильков, ты меня отпусти
После смерти березкой в России
Где-нибудь на церквушке расти.

Александр
КУШНЕР

☆☆☆

Никто стихов уже читать не хочет.
Я сам их, кажется, всех раньше разлюбил.
Слух упирается: зачем его щекочет
Четырехстоппный ямб, наскучил, нету сил.

Искусство нежное прощается с тобою,
Зеленый вымысел, курчавый Летний сад.
Все едут маленькой в автобусе толпою,
Все, как на прошлое, сквозь белый снег

глядят.

Сосед загадочный качнется, выбрав позу
Не очень прочную, журнал в руке зажав.
Взгляну рассеянно: что он читает, прозу?
И чудно делает, наш мир не для забав.

Стихов не может быть так много...

Вспомню полки

В одной редакции, прогнувшиеся сплошь
Под жуткой тяжестью... Заснеженные елки
Так в парке где-нибудь со страхом обойдешь.

Прощай, наивное! Я долго буду время,
Стихами жившее, с любовью вспоминать,
Но поздно, холодно, и давит жизни бремя,
И графомании все тяжелей печать.

☆☆☆

Вторая жизнь моя лет в сорок началась.
Была дарована мне ласковая встреча.
Так вот чего я ждал, так вот что я, томясь,
Всю жизнь в виду имел,

весенним дням перечая,

Изнемогая в их дыханье: чем влажнее
Оно и сладостней, тем нестерпимей мука.
Так вот подтаявший о чем мне меж корней
Снежок докладывал, о чем мне пела скука.

Так вот что льдистые хотели мне бруски
Сказать, по желобу скатившись жестяному!
Что я когда-нибудь избавлюсь от тоски,
Что друга встречу я, что смутную истому
На новый взгляд сменю и полнокровный стих.
И благодетелю на станции почтовой
Слов не найти таких... А ты, ты знала их;
В тот миг, обняв тебя,

я вышел к жизни новой.

Путаница

— Я говорю ему: Не надо провожать.—
— И он послушался? — Он жутко рассердился.—
— А ты? — А я тогда... (Да что ж это? Опять
К чужому номеру я, видно, подключился?
Прошу их вкрадчиво: Разъединиться нам
Нельзя ли, девушки?) — Что, что? —
— Так ты с Павлушей? —
— Нет, я с Валериком.— Дурак какой-то там

Встревает, кажется. — Да ну его, не слушай! —
(Повесьте трубку же!) — Еще чего, болван! —
(Вы полчаса уже...) — Вчера нашла в Пассаже
Тебе купальничек. — Квартальный, что ли, план
Им надо выполнить? — (Послушайте,

нельзя же...)

— Немецкий, в дырочку. — Лиловый? —

Голубой. —

(Перезвонили бы, чего вам стоит?) — Ладно.

Верунчик, значит так, семнадцать за тобой. —

— Двенадцать. — Все-таки семнадцать,

я ж обратно

Не понесу его... — Гуд бай. — (А ты, чем ты

Их лучше? Жалкое благодари сцепление,

Смешное, глупое... Заботы их просты?

Сложнее все-таки, чем ангельское пенье.)

☆☆☆

Потом не спишь, перебирая

Всех, кого видел на собрание.

Дроздов пришел, уселся с края,

Весь — возмущенье и вниманье.

— Докладчик правильно отметил...

— Как здесь сказал Арам Гурамыч...

Белялетдинова в берете,

Спит в нем или снимает на ночь?

— Что секционная работа

Могла быть лучше, спора нету,

В ней не хватает нам чего-то,

Мы приготовили анкету...

Спи. Сколько можно в самом деле

Переворачивать подушку?

Боровикова пожалели,

А с Полякова сняли стружку.

— Нас беспокоит наша смена

И средний возраст коллектива...

Отметит, как обыкновенно?

Скороговоркой, торопливо?

Неужто выделит из списка?

Скорей всего по алфавиту...

Карманов, Копасов... уж близко...

Как нелегко глотать обиду!

А эта дура Бодрякова

С ее сочувствием горячим...

Горфункель... где он это слово

Усвоил жуткое: тем паче?

Ну, невозможно!.. Неужели

Ты ни о чем другом не в силах

Подумать... Веки тяжелели —

Опять очнулись, чуть закрыл их.

Бегония

А та бегония в окне,

А та бегония в окне, в квадратной кадке,

Пестреет издали, как знак навстречу мне,

Как знак условленный,

что все у них в порядке.

Беда их минула, смутившись; тень беды

Свернулась, словно стружка.

Лишь сердцевидные, все в крапинку, листы

Сидят, нахохлившись, как курица-пеструшка.

Зайду к друзьям своим. Обсудим новостей

Цепочку длинную, от шахмат до Китая.

В окне бегония. Они привыкли к ней.

Живут, не замечая.

А я смотрю на них, потом на их цветок,

Потом опять на лица.

Так любят выживших, кого не выдал бог,

Свинья не слопала, лишь тень в углу клубится.

О, век-чудовище, ты кошкой под рукой

Лежишь, мурлыча.

Во сне приснилось нам, что прожили другой.

Мы — жертва мании, мы — снов своих добыча.

По гулкой лестнице тяжелые шаги,

Звонка рулады.

— Вы что-то вспомнили? — Так, мелочь,

пустяки.

Нам померещилось, мы сами виноваты. —

Беда не прыгала от двери в два прыжка

К цветку с налета,

Его вытряхивая на пол из горшка,

Не рылась в гранулах, выискивая что-то.

Зелено-бурые, с широкою каймой

И ворсом, кажется, что сшила их портника.

Мы озераемся. Как странно! Боже мой!

Все обошлось. Все тихо.

г. Ленинград.

НИНО
КУТАТЕЛАДЗЕ

Дебют в
ЮНОСТИ

Прошение музе

Дал¹, пройди под небесами,

солнце алое затми:

лал твой ал — сверкни глазами,

светом новым осени.

Дал, считай свои рубины

на ромашке на простой,

спрячь меня в свои глубины,

далдалале! — мне пропой.

Дал, богиня в доброй славе,

припадаю — мы одни,

жгу медовые огни:

далдалале, далдалале!

Не покинь, побудь со мною

в теплой радости лучей,

светлоглазое, земное

вдохновение пролей.

Дорог лад твоих созвучий,

в них душа растворена.

Дал, прими любовь и мучай —

молодость тому вина.

Спой мне, Дал, забудь печали:

далдалале,

далдалале².

☆☆☆

Все на свете на любом наречье

получило имя иль название.

Именуют чувства человечьи —

преданность, надежда, состраданье.

А не хватит слова в обращенье

говорить о правде и о фальши —

грош цена безмолвному общенью!

Без надежды устремимся дальше,

жертвуя, себе на горе,

ближним:

за любовь, как может,

каждый платит.

¹ Дал — богиня охоты в сванской мифологии. Здесь обозначение музы. Лал — рубин (старое русское).

² Далдалале — непереводимое: песенный повтор.

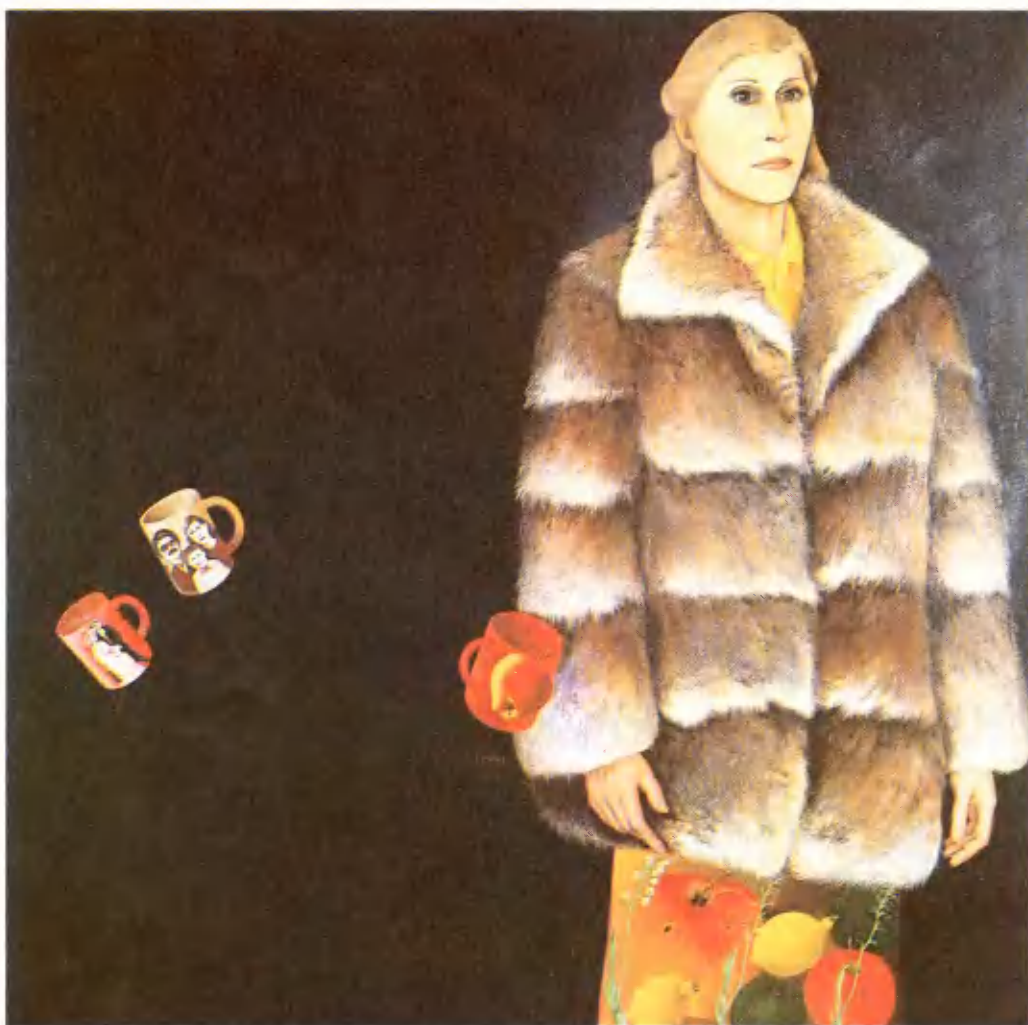
Тоомас ВИНТ.

Осень.

По залам выставки
СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО
СОВЕТСКОЙ ЭСТОНИИ

Айме КУУЛЬБУШ.

Портрет Малле.
Бронза.

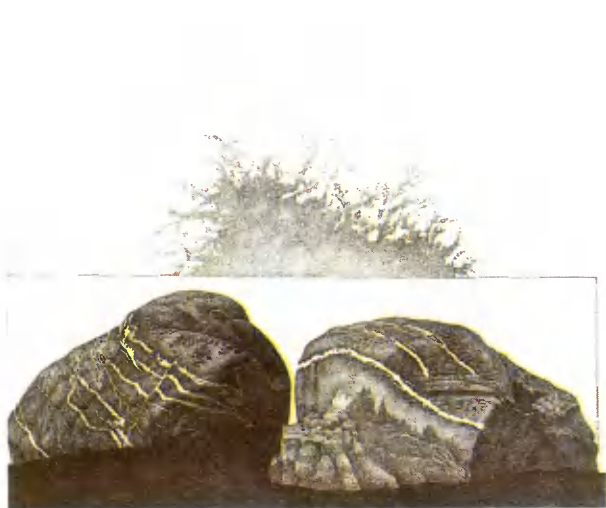
Малле ЛЕЙС. Портрет Ирѣ Кяндаер.

Херальд ЭЭЛМА.

Прибрежные камни.

Сосны в Танурла.

Автолитография.

Яан ЭЛКЕН. Товарная станция Копли.

Тийт
ПЯЭСУКЕ.

Музыка.

Эпп-Мария
КОКАМЯГИ.

Детские
игры в комнате.

И когда ты вдруг уйдешь из жизни,
хоть кому-то теплоты не хватит,
недостанет правды самой малой,
что однажды все-таки сказала.

Родина

В полет душа уйти смогла.
Покинул сон.

Умолкла песня.
Лучом у твоего окна
стою одна я —
бессловесна.

Пошли мне силу ощутить
твое тепло и в отдаленье,
не видя глаз твоих,
хранить
вершин твоих прикосновение.

Они, как смерть, не выдают
своей неуловимой тайны,
и будоражат, и зовут,
и прикасаются случайно.

Как удержаться на земле,
когда душа готова взвиться
на фантастическом крыле,
и нету сил
остановиться?

☆☆☆

Я пройду сквозь огни —
обагрят меня пламя,
мои руки прильнут
навсегда к тебе, мать и земля,

а вода твоих недр
вдруг посмотрит моими глазами,
отразившими все
и вобравшими много в себя.

Будет первый мой крик —
голос тихой печали,
станет светом второй,
ну а третий мой крик о земле!

Я пройду сто дорог,
чтоб соблазны мои замолчали.
Только ты, мать-земля,
сохранишься нетленно во мне.

☆☆☆

Цвет соломенный, край певучий —
колыбель моя и покой.
Только лад грузинских созвучий,
уходя, унесу с собой.

Небо смотрит очами мамы,
видит душу до самых глубин.
А в душе — и античные храмы,
облик Рима и древних Афин —
все сливается в милом Тбилиси:
он один — мое слово и мысли.

Сила слова закончится сломом.
Сохрани меня, отчий кров.
Ты позволь мне остаться словом
в той последней дороге без слов.

Перевела с грузинского
Н. ДАРДЫКИНА

Леонид
ЗАВАЛЬНЮК

Геометрическое обоснование

Смотрит пророк сквозь годы,
Пристально смотрит сквозь годы.
Себя не щадя, — сквозь годы
И молит, чтоб свет его глаз
От грядущих небес отразился,
И снова сюда возвратился,
И отвел от отчаянья нас.

Но так как угол падения
Равен углу отражения,
А расстоянья безмерные,
А каждый взгляд под углом,
То к людям, готовым отчаяться,
Свет его глаз возвращается,
Надеждами он возвращается,
Но где-то в месте другом.

И другим выпадает дорога,
И не нас осеняет свет.
И мы говорим:
— Пророка
В своем отечестве нет!..

☆☆☆

Осенние дали пусты...
Пусти меня в гости к былому.
Вон, видишь, за речкой кусты.
Там иней чуть тронул солому.

Но, если ее разгрести,
Слежалым теплом вдруг повеет.
И снова все тело поверит
В ту жизнь, что несу я в горсти.

Мне кажется выдумкой боль
Дороги моей изначальной.
Пусти меня в мир той печали,
Что я забываю с тобой.

Осенние дали...
Как хочется
В начало, в забытый исток.
Пусти меня в мир одиночества.
Я так без него одинок!

Разговор с крапивой

За окнами робкий простор.
Чего-то пространство бояться.
Не бойся,
Здесь будет больница —
Две башни и сказочный двор.

В нем будут деревья цвести,
Все будет на редкость красиво.
И тихо спросила крапива:
— А я?.. Я там буду расти?

Владимир
КУРНОСЕНКО

КРУТ

Рассказ

В 1973 году я работал хирургом в одном из городков Челябинской области и в качестве совместителя читал электрокардиограммы у наркоманов в исправительно-трудовой колонии. Спустя какое-то время написал рассказ «Круг», и мы его обсудили на семинаре в Литинституте им. Горького, куда в 1975 году я поступил на заочное отделение. Рассказ по нашим литинститутовским меркам признали дееспособным, хотя и мне, и руководителю, и ребятам было ясно, что опубликован он не будет: слишком много в нем упоминалось из того, что в ту пору считалось несуществующим. При подготовке к печати по мере сил я пытался как-то согласовать его с сегодняшним моим вкусом, что, вероятно, не вполне удалось, однако это не убавляет моей решимости представить его на суд читателей журнала «Юность» и ответить по всей строгости переживаемого времени.

Рисунок
В. Лосева

Бежал, неловко перебрасывая ноги со скамьи на скамью, доски, покрытые инеем, скользили, на бег уходили последние силы, и, забываясь, он забывал о погоне. Нога его сорвется, потеряет опору, он всей тяжестью навалится на нее... Он представлял себе это: нога соскользнет, боль пронизает ее до паха, хрустнет кость, — он так хорошо представлял это, что несколько мгновений не знал: лежит ли он впрямь со сломанной ногой, беспомощный и уже погибший, или бежит. Бежит! Он бежал. Бежал, ничего не видя перед собой, кроме трех-четырех белых от инея скамеек, и лишь временами, когда он поднимал голову, впереди, у края трибуны маячил низенький зеленый заборчик, до которого он рассчитывал добежать.

С самого начала, с первого шага он знал: его догонят. Уже догнали. Но сознавать это было так страшно, так непосильно ему, что отвлекая он принуждал себя думать о другом. Не поскользнуться!

Последние метры, не выдержав, он прополз на четвереньках, оскальзываясь ладонями и раз или два стукнувшись щекой о мерзлое дерево. У заборчика же встал, набрал в легкие воздуха и обернулся.

Стадион пустой фарфоровой чашей белел в черноте ночи. Их не было. Не было! Они все-таки забыли про него. Он сумел, сумел и их запутать.

Закинув ногу на перильце, чувствуя животом его холодную гладкость, он перевалился туда, в черное. Воздух свежил щеки, он падал, па-а-адал, и он был уже свободен, и, когда ступни горячо ударились о жесткое, когда рухнул на бок и вытянулся, он вдруг совсем успокоился и чуть не рассмеялся от облегчения.

Все! Он спасся.

Лежал и не спешил что-то тут менять, медленно, миг за мигом впитывая в себя эту благодать.

Но они были здесь! Сразу, всею кожей он почувствовал: они здесь. Они давным-давно были здесь, а он всегда знал это.

Они почти с жалостью смотрели на него. Он теперь полностью был у них в руках, и они с жалостью смотрели на него. Во тьме, в черноте ее гуще он различал, как взгляды их ползают по его коже... и ужас, которого он так трусливо ждал всю свою жизнь, наконец ударил его. Он закричал и задергался, испытывая уже почти любовь к ним, своим мучителям, и сразу же, до безразличия тупости, до наслаждения устал.

Зубов проснулся. Стукали колеса, покачивало, и это был поезд, верхняя полка, и видел он сон. Старый, привычный его сон, о котором, и не просыпаясь, случалось, он знал: сон, сон же ведь, — однако каждый раз переживал по-настоящему.

«Хр-л-л... Хр-лсп-л...» — храпел снизу старик. Пахло улежалой постелью, теплым чем-то, сладеньким.

Зубов качался, успокаивался потихоньку. Было полутемно, лишь над полкой студента светил фиолетовый ночник.

Сквозь платок в нагрудном кармане Зубов нащупал тверденькие, точеные носики ампул и, унимая пошедший, побежавший по телу озноб, удостоверяться, пересчитал. Раз, два, три... Э-эх, спасибо Витяне! Маловато, — риск! — ну да ежели не гнать, если с растяжкой да по уму, хватит Зубову и четырех «беляшек». А уж дома-то, там, он в землю зароется, добудет. Первые в тюрьге дни, кумарясь без, он чудом разве не подох на этот раз. Орал, грыз стену, на карачках по камере ползал, парашу, нарываясь, в надзирателя ширянул. Когда же почувал, что выскочит, что вылезит уж, попоже, помаленьку, сам же больше всех и обрадовался отрыву. Отдых, отдых, получалось. В колонии засыпал, и сердце у него гораздо реже кололо, а сделали бригадиром (худобедно, а монтажный техникум у Зубова-то), время и пововсе закурчало незаметным прозрачным ручейком. Бегать, орать, распоряжаться — это ему, Зубову, что на дудочке.

Сквозь поднимавшийся волнами храп Зубов слышал какой-то шорох, что ли, а затем стон. «Точно! — не успев напугаться, сообразил он с ходу же. — Баба! Беременная та, с брюхом».

Ночью вчера — спали уже — прогромыкала дверь, и проводница впихнула словно б под шумок. «До утра, мальчики, честно-пионерское, до утречка...»

Старик так и храпел, как сейчас, без задних ног, а студент вскинул только облепленную пухом осовелую башку да сразу молча и отвалился. Зубову же, незадолго доперечитавшему последнее письмо отца, было и совсем наплевать. До утра, так до утра! Хотя до вечера. Глядя ей в глаза, он пожал плечами. Заметил, понятно, и блестящие, жирно крашенные ее, проводницы, губы, и как улыбалась ему, да настроение, как сказано, было у него не то. «Вот ты все уговариваешь, — писал отец, — успокаиваешь, берегитесь себя, а в остальном будет нормально, а когда будет нормально, и конца пока не видать. Вот ты пока находишься, — писал отец кривыми, разваливающимися буквицами, — двух

твоих дядьев похоронили, и уже очередь подошла наша. Веселые шутки, проводы зимы и печальную новость твоего дяди Пети...» В конверте лежала еще газетная вырезка, где руководство, партком и профсоюзный комитет извещали о дяди Петиной смерти. Перечитав письмо с вырезкой, Зубов улегся на живот. И вот лежал, глядел в белесое от напотевшей муты стекло и думал себе про дядю Петю, а проводница и втокнула эту бабу.

Стон повторился, и Зубов свесился в проем.

— Эй ты, дама! Ты чего?

В сизом свете ночника — темные по лицу волосы, голубоватые, зажимающие рот пальчики и огромный, бугром вздыбившийся под одеялом живот. Пальцы, когда окликнул, пошевелились, но ответа так и не последовало, хоть он и ждал. «Ну, и черт с тобой!» — откинулся Зубов обратно в глубину.

Ему и глядеть туда не надо было — так ясно! Зовут, зовут, пути-дороги! Р-романтика, понимаешь! Знаешь, мама, он, знаешь, такой черныш! Или нет! Он такой беленький! Может, не поедешь, Милочка? Что ты, мамуля, ведь мы же решили! А по прошествии: «Дорогая редакция! Мой друг Вася Птичкин матрос, и видимся мы редко, три недели в год. Но я всегда его очень жду. Я прошу исполнить для моего Васи его любимую песенку «Шаланды, полные кефали». И по прошествии: «Мамочка! Ты не переживай, я воспитаю ребеночка сама, он ни в чем не виноват». И, ну да, да, и хмурый дедушка, играя желваками, усыновляет «ни в чем не повинного младенца». Ох, знал, знал Зубов эти все шаланды.

Год назад жена, теперь уж бывшая, прислала тоже фотографию. Сидит, на лице эдакая вселенская грусть, а возле — мальчик. «Папа, — на обороте ее почерком, — мне уже полтора года, а я тебя еще не видел...» Придумала! У-ух, показал бы он ей полтора года! Когда пришла бумага о разводе, ни секунды не пожалел, ни полсекунды вот.

Женщина снова застонала. Зубов приподнялся на локте и долго, напрягая зрение, вглядывался. «Дама» лежала как-то полубоком и по-рыбы, с sipом вглатывала в себя воздух. Голубые пальцы вцепились в уголок стола.

«Рожае жёл!» — бабахнуло в Зубове. Он открыл было рот окликнуть ее, да спохватился: с него достаточно — он ведь уж интересовался.

Через проем сопел на своей верхней полке студент. Или разбудить? Фиг-с-два, и студента тоже трогать он не собирается. Вчера краем уха долетало до него, как повествует тот о какой-то там «практике» («Практика, практика... Мы на нашей практике!..»), о героических, словом, буднях скромных героев в белых халатах, и его затосило от всего этого. Когда умирала его, Зубова, мать, нагледелся он на них. «Разбирайтесь...» — решил он и отвернулся к стене.

И тут женщина закричала. По-звериному. В голос.

Зубов вздрогнул, но не обернулся. Он как бы и ждал уже этого крика. Желал. Теперь-то все так или иначе должно закончиться. «Ну, давай! — подгонял он ее. — Ну! Ну?»

Наконец полка под студентом закричала. Вчера они между собой так и не познакомились. Зубов не захотел. Такое вот напряженное незнакомство с людьми и доставляло порой Зубову удовольствие. За вчерашний вечер он не промолвил ни единого слова.

— Что с вами? Плохо, что ли? — слышался снизу сочный голосок студента.

Женщина что-то отвечала, но Зубову не слышно было, что. Пришлось двигать подушку поближе к краю. Интересно все-таки! Студент сидел рядом с женщиной и обеими руками ощупывал живот.

— Не раздави! — вырвалось у Зубова.

И тут же он об этом пожалел. В молчании было преимущество, а так он его терял.

Голова студента качнулась от окрика, как от подзатыльника, но он выдержал, не обернулся. И тогда Зубов разозлился уже всерьез. Он сложил физиономию в любимое свое идиотски-серьезное выражение и свесился в проем.

Студент, словно не замечая, продолжал осмотр, а женщина скользнула по нему бессмысленными глазами и отвернулась; уж ей-то точно было не до Зубова.

И все равно он висел над ними, раскачиваясь, как змея. Таращился. Шипел. Иной раз в ресторане он любил вот так подойти к каким-нибудь пижонам и, топыря в брюках карман, негромко сказать: «Быстренько платим по счету и гуляем. Две минуты!» И никто ни единого разу не задержался из них.

Студент закончил и обернулся к Зубову.

— Вы не смогли бы сходить за проводницей?

Ты мог бы сходить за проводницей, Зубов?

— А ты сам, а? Козлик!

Глаза у студента сузились, а веки дрогнули. Зубов тоже смотрел и улыбался. Он знал, понимают его правильно.

— Мы после поговорим, если хочешь, — просевшим, как снег весной, голосом выдавил студент. — А сейчас сходи.

— У-тю-тю-тю!

Становилось интересно. Рано или поздно, а все равно перестанешь притворяться, думал Зубов. Знал он этих мордастеньких, с детства пузатых маменькиных сыночков. Никого они не любят, кроме себя, эти вежливые ребята.

— А-а-ав-а-а-ау! — завопила женщина.

Она, видно, и удерживалась, да тут уж не смогла. Пальцы ее сжимали ладонь студента. Тот привстал и, не отнимая руки, грубо потряс другой укрытого до макушки старика. «Добре, сынку!» — одобрил его мысленно Зубов. Без будды.

— А? Что? Чиво? — заперебегали с одного на другое красненькие испуганные глазки.

— Одевайтесь быстро и за проводницей! — отчетливо скомандовал студент. — Роды у нее.

— Ой-ей, вот тех-тех. Дела-а! — Старикан, суетясь, но довольно сноровисто оделся, прикрыл постель и, вскользя глядя на женщину, исчез.

Стуком двери, хлопнувшей за ним, будто что-то закончилось для Зубова. Он откинулся на подушку, сцепил под затылком руки и прикрыл глаза. Лежал, качался, а потом по привычке, появившейся в колонии, начал вспоминать. Лица, руки, голоса... Лучший способ улизнуть от происходящего. Был, к примеру, монтаж. Это называлось «монтаж». Их, самых голосистых и грамотных, выстраивали на сцену по случаю какого-нибудь юбилея, и они якобы от своего имени читали стихи. Взрослые в зале слушали и умилялись. «Здесь все, все, все, от верстака до ящика с гвоздями, — читал маленький Зубов, боясь поднимать глаза в зал, — все нашим создано трудом, своими делану руками!» А следом сзади звенело уже: «Мы на лыжах, на коньках мастера кататься. В разных студиях, кружках любим заниматься!» «Мы изучим всю округу, все тропинки обойдем, или камень, или уголь обязательно найдем...» Потом Зубов шел домой и во дворе двухэтажного соседского дома видел ту собаку, большую немецкую овчарку с черной спиной и желтыми подпалинами. Хозяйка привязывала ее к березе и забывали, наверное, кормить. И собака ела... Ела медленно, равнодушно, не реагируя на проходившего Зубова. Собака эта потом куда-то исчезла, и Зубов решил, что она сошла с ума.

— А говорила, рожать через два месяца! — слышался голос проводницы. — Ну вот, зачем обманывать-то?

Зубов усмехнулся.

— Тихо-тихо-тихо, — остановил проводницу студент. — Не нужно шуметь.

— Да кто шумит? Кто шумит? Сами же! Так бы и говорила сразу, так и так. Врать-то зачем?

— А вы б ее сразу-то посадили? Сомневаюсь что-то. Лица студента Зубову было не видать, но голос его сейчас ему нравился.

— До станции два часа. Скоро она? Не успеем? — спрашивала проводница.

— Нет! Воды отошли.

Зубов насторожился. Ох, показалось, не надо б ему всего этого! Ни к чему бы.

Некоторое время было тихо. Свет до сих пор не включался, и в сизом полумраке слышался один стук колес.

— Сделаем так,— заговорил студент.— Дайте объявление по радио. Вдруг в поезде врач?! Я-то... это... не совсем еще...

И тихо. Хлопнула дверь, и тихо.

Зубов почувствовал: подбирается. Отвернулся к стене и плотно-плотно прижал коленки к животу.

Рука легла на его плечо, и, не оборачиваясь, он догадывается: это студент. «Простите, вы не могли бы выйти в коридор?» Ты не мог бы выйти в коридор, Зубов? Нет? Нет! Он не мог бы. «Нет!» — сказал он с каким-то даже наслаждением, и рука ушла с плеча. Где-то он вычитал, якобы пауки сжирают за год мух на вес, равный весу человечества. Интересно, думал Зубов, а вот интересно, сколько же вытянет человечество, если его взвесить?

Он достал сигаретку и, чакнув самодельной эковской зажигалкой, закурил. Приоткрыл окошко, если уж что, и нюхал, покуривая, свежий ветерок.

Женщина внизу что-то молвила, он сразу не разобрал, что к нему. Но она обращалась к нему. «Уйдите, уйдите, пожалуйста...» Так она сказала.

Эх, спел бы я песенку,
да голосу нет.
Склевал бы я зернушко,
да волюшки нет.

В туалете холодно и нечисто, но от лампочки зато светло.

Зубов повесил пиджак, вытащил шприц, ампулки и сел на крышку унитаза, предварительно придавив ее коленом. Через краешек обломил платком носики и набрал. Руки с непривычки тряслись, и пол-ампулы он пролил. Потом, закатав рукав рубахи, долго искал, где вколоться. Вся ямка была в белых точечных шрамах — настоящая чернильница. Наконец попал.

Поршень шел неохотно, вена испорченная тоже, ну да у него получилось. Иглу и оставшиеся ампулы завернул, убрал и, раскатав рукав рубахи, откинулся к стеночке,— три года и еще сто дней ждал он этого

мига! Нежно-ласковая, жемчужная волна обдала его изнутри, ушла, сделалось зябко, тревожно, но тут же все опять вернулось, прихлынуло и, вслушиваясь, вчувствуясь в себя, Зубов прикрыл затяжелевшие веки.

В тамбуре, дымя самокруткой, курил старик.

— В очко играем, папаша? — нарочито громко спросил Зубов: ему хотелось разговору.

— Нет,— словно б не узнавая, не оглянувшись на него, ответил старик.

За окном уже светало.

— А в буру?

— Не, парень, не играю. Не умею.

— А чем же ты со старухой вечерами занимаешься? Телевизыр хлядишь? — раздражался уже Зубов.

— Ничем.— Старик все не оборачивался к нему.— Померла моя старуха.

«Вот! — мелькнуло у Зубова.— Во опять! Сговорились они, да?»

— А чё ж ты по-новой не женишься? Никто замуж не берет? — не отставал он.

Старик не отвечал. Смотрел все.

— Тебе говорю... — начал было Зубов, но старик неожиданно повернулся и близко-близко приблизил к нему свое лицо.

— И отколь вы такие взялись засранные-то?! Кто вас родил-то таких?

— Ты чё, дед? — отпрянул Зубов.

— Этот, Петька мой тоже, приедет и давай надсмешки все, улыбочки. Чи кто обманул в чем их! Тыфу! Ну, чиво вот ты давеча изгилялся? Жалко тебе, женщина родит?

Старик покраснел, дышал часто, жалко было на него смотреть.

Зубов не обиделся. Слова эти он по привычке отправлял туда, где хранилось у него все неприятное, но чего на свой счет он отнюдь принимать не собирался.

— Жалко,— лишь повторил он слегка царапнувшее его слово.— Нет, деда! Не жалко! Пусть рождает, коли охота ей. Только вот за чем?

— Зачем?! Детей родить зачем?
— Ну. Детей.
— Ты чё говоришь-то? Думай. Эх, тоже-ть, сказа-
нул. Зачем!
— Ага, зачем?
— Вот-те так. А как же люди жить будут, коли
детей не станут родить?
— А зачем им жить?
— Вот тех-те, приземлились! Зачем? — Старик за-
думался. Был уверен, что ответит. По лицу было
видно.

— Ну дак зачем? — улыбнулся Zubov.
— Чтoб радоваться, — не очень уверенный прозвучал ответ.

— Радоваться! — подхватил Zubov. — А много ты радовался-то? Небось, пахал в своем колхозе от зари до зари да картошку жрал с семечками. Петек вон еще наделал грамотеев. А они теперь своих наделают. И сызнова опять. Порочный круг!

Последние слова Zubov выговорил тихо, шепотом почти.

Семь лет тому Zubov с Витаней Булаевым усаживали на лавочке двух мертвых мальчиков. Привалили их друг к другу, и с одного упала шапка, и Витаня ее подобрал. Была холодрыга, голова на глазах становилась синей, и Витаня разорвал завязки на шапке и натянул ее на самые глаза. Zubov держал мальчика за плечи, чтобы тот не упал.

Мальчики были из ПТУ и в доме у Витани наглотались какой-то бурды из таблеток. Витаня целый день рысачил по городу, и те хозяйничали без него. Витаня и знал-то их только в лицо... На лавочку Zubov положил шприц, вокруг они разбросали несколько пустых ампул, чтобы милиции легче было соображать, а потом ушли.

Старик дергал его за рукав.

— Какой круг?

— Что? Круг? Какой круг? — не понимал Zubov.

— Какой круг-то, говорю? — Светлые выцветшие глаза глядели серьезно, спрашивали.

Zubov вспомнил.

— Порочный, дядя. Бессмысленный, значит.

Старик промолчал и ничего больше не спросил. Курил, согнув неловкую спину. Будто и не было разговору у них.

Дверь открылась, и в тамбур вошел студент.

— Все, мужики! Готово. Парень!

— Да ну? — Старик так и всколыхнулся к нему. — Ну-у, парень? От-так-так! Ух, язвию! — Можно было подумать, что это у него родился сын. Он хлопнул студента по плечу и испарился.

— У тебя курить есть? — спросил студент. Глаза у него были спокойные, крепкие сейчас, — не заботится, коли что, определил опытный Zubov. И протянул пачку. Студент благодарно кивнул, затянулся (Zubov чакнул ему и зажигалкой) и тряхнул коротко стриженным своим котелком. Ясно, охота было рассказать хоть бы Zubovu, чего натерпелся он с этой бабой.

Zubov плевком потушил окуроч, выбросил в ящик и, как бы «весьма сожалея», покинул тамбур.

«Та-а-а!...»

В купе было тихо. Как-то торжественно — тихо, будто в церкви. Проводница держала на руках дитя и сморщенно, некрасиво улыбалась. Старик тоже — таким бескорыстным Иосифом гордо посмотрел на вошедшего Zubova. В оборвавшемся их споре отыскался, значит, завершающий, непоколебимый отселе аргумент.

Не обнаружив пиджак, за которым явился, Zubov решил, что оставил его в туалете, что это, наверное, подсказка его судьбы. Он прислонился лбом к прохладному боку полки и глянул теперь вниз, на мадонну. Из черных подглазьев, из опустелого, как зимнее поле, личика сияли на Zubova с тихим исполненным ликованием ее глаза.

«Вот, вот оно как!...»

В коридоре у окна еще постоял. По календарю весна, а грязно-дырявый снег у путей и не думал пока таять.

— И-эх, дела! — раздался у плеча Zubova сипло-
бодрый знакомый тенорок. — Ты, парень, чё зажурился-то?

Zubov отвернулся и, не ответив, зашагал прочь. Так же молча и не поднимая глаз пропустил он мимо и встретившегося в конце коридора студента.

Туалет был свободен, и пиджак тут.

Игла вошла с приятной болью, сразу. Еще не сомневаясь, в расслабленности, он спокойно ждал, не волнуясь и не трепеща на сей раз. Потом понял — не будет. Мозг, откликнувшийся после перерыва, «вспомнил» прежние лошадиные дозы и молчал. Доза «не его», и он, похоже, попался, Zubov, он вляпался.

Странно, однако, что это почти и не испугало его сейчас.

...Пальцы росли, делались тоньше, тоньше. Делались тонкие и хрупкие, как макароны: задень тот об этот, и треснут, а то вовсе обломается, чего доброго. Из зеркала смотрела, ухмылялась ему какая-то удаленная рожа. Он встал, крышка с деревянным стуком откинулась и, вскрикнув, как обезьянка, он отскочил в угол. Потом упал. Потом, сориентировавшись, прижал снова крышку и вполз на нее. Он доедет, Zubov, он добудет себе. Кто тут сомневается? Мягким обмылком, облепленным какими-то волосьями, он долго мылил, намыливал себе пальцы; затем мазнул ими по зеркалу — убрать рожу. Затем он снял с крючка вафельное грязное полотенце и тщательно, один за другим вытер десять своих пальцев. Они были целенькие, были живые. Он доедет, Zubov, он доберется, на станции его встретит отец, должен его встретить отец и будет Zubovu рад, страшно рад, до слез и до дрожи в губах. Оба будут рады, и оба будут делать вид, что все хорошо и все нормально, но оба, и отец и он, будут знать, что это не так.

Он намотал на руку полотенце и тычком ударил по застывающему белому мылу. Появилась дырочка, а от нее побежали кривые лапки трещин. Через кончик полотенца он ввел в дырочку два пальца и, стараясь не обрезать, выломил осколок.

Держа его смывком, он провел им повыше запястья. Боли не было. Кровь собралась в струйку, закапала, но отчего-то тотчас остановилась. Что ж, разве и в этом откажет ему всемогущий? Вложил испачканный осколок в рану, закрыл глаза и, не переведя духа, сдвинул. Мышиный тоненький такой писк.

Струйкой, алым тугим фонтанчиком побежало, поднялось теперь и полилось, ширясь, по руке, по брускам на пол. Он прикрыл снова веки и, уверенный, попробовал представить что-то себе давнишнее, легонькое, быть может, детское. Но из темноты вновь замелькал опять зеленый знакомый заборчик, и он бежит, прыгает по скамейкам и вот-вот уж скоро опустится, ослабев, на ледяные белые доски. И все же что-то на сей раз поменялось в этом его беге. Выход, какой-то выход! Он уже не помнил какой, но выход, точно, был.

Он бежал, прыгал, и надежда уносила его.

1977—1978 гг.

ЯВЛЕНИЕ ПОЭТА

Осип Эмильевич Мандельштам (1891—1938) — один из тех поэтов, кого академик В. М. Жирмунский назвал «преодолевшими символизм». Вместе с Н. Гумилевым и А. Ахматовой он был представителем акмеизма, литературного течения, возникшего в 10-х годах нашего столетия. Наследие Мандельштама относительно невелико: несколько сборников стихов, книга прозы, в которую входят «Шум времени» и «Египетская марка», «Четвертая проза», сборник литературно-критических статей «О поэзии», эссе «Разговор о Данте», «Путешествие в Армению», а также ряд очерков, статей и переводов. Последняя прижизненная его книга вышла в 1928 г.

В 1973 году издательством «Советский писатель» в Большой серии «Библиотеки поэта» был выпущен сборник стихотворений О. Мандельштама, а сейчас, в 1987 г., это же издательство опубликовало книгу критических статей поэта «Слово и культура».

Однако творчество Мандельштама известно советскому читателю все еще не полностью. В наибольшей степени это относится к произведениям 30-х годов. Стихотворения 1930—1937 годов Мандельштам собирался выпустить отдельной книгой под названием «Новые стихи». Книга осталась неизданной.

В этой публикации мы предлагаем нашим читателям познакомиться с воспоминаниями Анны Ахматовой об Осипе Мандельштаме, подборкой его стихов 1931—1937 годов и очерком «Возвращение».

На фото (слева направо):
А. Э. Мандельштам (брат поэта), М. С. Петровых,
Э. В. Мандельштам (отец поэта),
Н. Я. Мандельштам (жена поэта),
О. Э. Мандельштам, А. А. Ахматова.
Москва, Нащокинский переулок, 1934 год.
Публикуется впервые.

Анна АХМАТОВА

ЛИСТКИ ИЗ ДНЕВНИКА

...28 июля 1957

I

...И смерть Лозинского каким-то таинственным образом оборвала нить моих воспоминаний. Я больше не смею вспоминать что-то, что он уже не может подтвердить (о Цехе поэтов, акмеизме, журнале «Гиперборей» и т. д.). Последние годы из-за его болезни мы очень редко встречались, и я не успела договорить с ним чего-то очень важного и прочесть ему мои стихи тридцатых годов¹. От этого он в какой-то мере продолжал считать меня такой, какой он знал меня когда-то в Царском. Это я выяснила, когда в 1940 г. мы смотрели вместе корректуру сборника «Из шести книг».

Что-то в этом роде было и с Мандельштамом, но по-другому. Он вспоминать не умел, вернее, это был у него какой-то иной процесс, название которому сейчас не подберу, но который, несомненно, близок к творчеству. (Пример — Петербург в «Шуме времени», увиденный сияющими глазами пятилетнего ребенка.)

Мандельштам был одним из самых блестящих собеседников: он слушал не самого себя и отвечал не самому себе, как сейчас делают почти все. В беседе был учтив, находчив и бесконечно разнообразен. Я никогда не слышала, чтобы он повторялся. С необычайной легкостью О<сип> Э<милевич> выучивал языки. «Божественную комедию» читал назизуст страницами по-итальянски. Незадолго до смерти просил Надю² выучить его английскому языку, которого он совсем не знал. О стихах говорил ослепительно, пристрастно и иногда бывал чудовищно несправедлив (например, к Блоку). О Пастернаке говорил: «Я так много думал о нем, что даже устал» и «Я уверен, что он не прочел ни одной моей строчки»³. О Марине: «Я антицветаевец»⁴. В музыке О<сип> был дома, а это крайне редкое свойство. Больше всего на свете боялся собственной немоты. Когда она настигала его, он метался в ужасе и придумывал какие-то нелепые причины для объяснения этого бедствия. Вторым и частым его огорчением были читатели. Ему постоянно казалось, что его любят не те, кто надо. Он хорошо знал и помнил чужие стихи, часто влюблялся в отдельные строчки, легко запоминал прочитанное ему.

Я познакомилась с О. Мандельштамом «на башне» Вячеслава Иванова весной 1911 года. Тогда он был художавым мальчиком с ландышем в петлице, с высоко закинутой головой, с ресницами в полщеки.

В десятых годах мы, естественно, всюду встречались: в редакциях, у знакомых, в «Бродячей собаке» (где он, между прочим, представил мне Маяковского, о чем очень потешно рассказывал Харджиеву в 30-х годах), в «Академии стиха» («Общество ревнителей художественного слова», где царил Вячеслав Иванов) и на враждебных этой «Академии» собраниях Цеха поэтов, где он очень скоро стал первой

скрипкой. Гумилев очень рано и хорошо оценил Мандельштама. Символисты никогда его не приняли. Приезжал О<сип> Э<милевич> и в Царское. Когда он влюблялся, что происходило довольно часто, я несколько раз была его конфиденткой. Первой на моей памяти была Анна Михайловна Зельманова-Чудовская, красавица-художница. Она написала его портрет в профиль на синем фоне с закинутой головой. Анне Михайловне он стихов не писал, на что сам горько мне жаловался. Второй была Цветаева, к которой обращены крымские и московские стихи, третья Саломея Андроникова, которую Мандельштам обессмертил в книге «Tristia» («Когда, соломинка...»). <...>

Всех этих дореволюционных дам он через много лет назвал нежными европейками.

В 1933—1934 гг. Осип Эмилевич был бурно и коротко и безответно влюблен в Марию Сергеевну Петровых. Ей посвящено или, вернее, к ней обращено стихотворение «Турчанка» (заглавие мое. — А. А.), лучшее, на мой вкус, любовное стихотворение 20-го века. <...>

Десятые годы — время очень важное в творческом пути Мандельштама, и об этом еще будут много думать и писать (Чаадаев, католичество...).

Революцию М<андельштам> встретил вполне сложившимся и уже, хотя и в узком кругу, известным поэтом.

II

Особенно часто я встречалась с М<андельштам> в 1917—1924 гг., когда жила на Выборгской у Срезневских (Боткинская, 9, не в сумасшедшем доме, а в квартире старшего врача Вяч. Вяч. Срезневского, мужа моей подруги Валерии Сергеевны).

М<андельшт>ам часто заходил за мной, и мы ехали на извозчике по невероятным ухабам революционной зимы, среди знаменитых костров, которые горели чуть ли не до мая, слушая неизвестно откуда несущуюся ружейную трескотню. Так мы ездили на выступления в Академию художеств, где происходили вечера в пользу раненых и где мы оба несколько раз выступали. Был со мной О<сип> Э<милевич> и на концерте Бутомо-Названовой в Консерватории, когда она пела Шуберта. К этому времени относятся все обращенные ко мне стихи: «Я не искал в цветущие мгновенья», «Твое чудесное произношение», «Это ласточка и дочка» и, м<ожет> б<ыть>, «Откажется попробовать его»^{*}. Мы оба сотрудничали в «Воле народа». Мандельштам одним из первых стал писать стихи на гражданские темы. Революция была для него огромным событием,⁵ и слово н а р о д не случайно фигурирует в его стихах.

Примерно в марте М<андельштам> исчез. Тогда все исчезало и появлялось, и этому никто не удивлялся. В Москве М<андельштам> становится постоянным сотрудником «Знамени труда».

Снова и совершенно мелко я видела М<андельштам> в Москве осенью 1918 года и также он раз или два приходил ко мне на Сергиевскую, когда я работала в библиотеке Агрономического института. Тогда я узнала, что в Крыму он был арестован белыми, в Тифлисе — меньшевиками. Летом 1924 года О<сип> Э<милевич> привел ко мне (Фонтанка, 2) свою молодую жену. Надюша была та, что французы называют *laide mais charmante* ^{**}. С этого дня началась моя с нею дружба и продолжается она по сей день.

Осип любил Надю невероятно, неправдоподобно. Когда ей резали аппендикс в Киеве, он не уходил

^{*} Кроме того, ко мне в разное время обращены четыре четверостишия: 1) «Вы хотите быть игрушечной» (1911), 2) «Черты лица искажены» (10-е годы), 3) «Привыкают к пчеловоду пчелы» (30-е годы), 4) «Знакомства нашего на склоне» (30-е годы) ⁶.

^{**} Некрасивая, но очаровательная (франц.). — Ред.

¹ Будущее показало что он был прав (см. «Автобиографию»³ Пастернака, где он пишет, что в свое время недооценил четырех поэтов: Гумилева, Хлебникова, Багрицкого и Мандельштама).

из больницы и все время жил в каморке у больницы швейцара. Он не отпускал Надю от себя ни на шаг, не позволял ей работать, бешено ревновал, просил ее советов о каждом слове в стихах. Вообще, я ничего подобного в своей жизни не видела. Сохранившиеся письма М<андельшта>ма к жене полностью подтверждают это мое впечатление.

Попытки устроиться в Ленинграде были неудачны. Надя не любила все связанное с этим городом и тянулася к Москве, где жил ее любимый брат Евгений Яковл<евич> Хазин. Осипу казалось, что его кто-то знает, кто-то ценит в Москве, а было как раз наоборот. В этой биографии поражает одна частности: в то время как (в 1933 г.) О<сип> Э<милевич> встречали в Ленинграде как великого поэта, persona grata и т. п., к нему в Европейскую гостиницу на поклон пошел весь тогдашний литературный Ленинград (Тынянов, Эйхенбаум, Гуковский, Вольпе) и его приезд и вечера были событием, о котором вспоминали много лет, в Москве его никто не хотел знать и кроме двух-трех молодых и неизвестных ученых-естественников О<сип> ни с кем не дружил (знакомство с Белым было коктейбельского происхождения). Пастернак как-то мялся, уклонялся, любил только грузин и их «красавиц-жен». Союзное начальство вело себя подозрительно сдержанно.

Осенью 1933 г. Мандельштам, наконец, получил (вспетую им) квартиру в Нащокинском переулке, и бродячая жизнь как будто кончилась. Там впервые завелись у Осипа книги, главным образом старинные издания итальянских поэтов. Он в то время переводил Петрарку. В самом деле ничего не кончилось: все время надо было кому-то звонить, чего-то ждать, на что-то надеяться. И никогда из всего этого ничего не выходило. Кругом завелось много людей, часто довольно мутных и почти всегда ненужных. Несмотря на то, что время было сравнительно вегетарьянское, тень неблагополучия и обреченности лежала на этом доме. Жить в общем было не на что — какие-то полупереводы, полурецензии, полубещания. Пенсии еле хватало, чтобы заплатить за квартиру и выкупить паек.

К этому времени М<андельштам> внешне очень изменился: отяжелел, поседел, стал плохо дышать, производил впечатление старика (ему было 42 года), но глаза по-прежнему сверкали. Стихи становились все лучше, проза тоже.

Тринадцатого мая 1934 года его арестовали. В этот самый день я после града телеграмм и телефонных звонков приехала к Мандельштамам из Ленинграда. Мы все были тогда такими бедными, что для того, чтобы купить билет обратно, я взяла с собой фарфоровую статуэтку (работы Данько 1924 г.) для продажи. Ордер на арест был подписан самим Ягодой. Обыск продолжался всю ночь. Искали стихи. Мы все сидели в одной комнате. Было очень тихо. За стеной у Кирсанова играла гавайская гитара. Следовательно при мне нашел «Волка»⁷ и показал О<сипу> Э<милевичу>. Он молча кивнул головой. Прощаясь, поцеловал меня. Его увели в семь часов утра — было совсем светло. Надя пошла к брату, я к старым друзьям, и мы условились где-то встретиться. Вернувшись домой вместе, убрали квартиру, сели завтракать. Опять стук, опять обыск. Евг<ений> Як<овлевич> сказал: «Если они придут еще раз, то уведут вас с собою». Пастернак, у которого я была в тот же день, пошел просить за М. в «Известия» к Бухарину, я — к Енукидзе в Кремль. Этим мы ускорили и, вероятно, смягчили развязку. (Приговор — 3 года Чердыни, где Осип выбросился из окна больницы и сломал себе руку. Надя послала телеграмму в ЦК. Сталин велел пересмотреть дело и позволил выбрать другое место, потом звонил Пастернаку. Все остальное слишком известно.)

Навестить Надю из мужчин пришел один Перец Маркиш. Женщин пришло много. Мне запомнилось, что они были красивые и очень нарядные — в свежих весенних платьях: еще не тронутая бедст-

виями Сима Нарбут, красавица «пленная турчанка» — жена Зенкевича, яснокая и стройная Нина Ольшевская. А мы с Надей сидели в мятых вязанках, желтые и одеревеневшие.

Через пятнадцать дней рано утром Наде позвонили и предложили, если она хочет ехать с мужем, быть вечером на Казанском вокзале. Все было кончено. Х. и я пошли собирать деньги на отъезд. Давали много. Ел<ена> Серг<еевна> Булгакова заплакала и сунула мне в руку не считая кучу денег.

На вокзал мы поехали вдвоем. Заехали на Лубянку за документами. Осипа очень долго не везли. Мой поезд (с Ленинградского вокзала) уходил и я не дождалась. Евг<ений> Як<овлевич> и Ал<ександр> Эм<ильевич> проводили меня, вернулись, и только тогда привезли Осипа, с которым уже не было разрешено общаться. Очень плохо, что я его не дождалась и он меня не видел, потому что от этого в Чердыни ему стало казаться, что я непременно погибла.

В феврале 1936 года я была у М<андельштама> в Воронеже и узнала все подробности его «дела». Он рассказал мне, как в припадке умоисступления бегал по Чердыни и разыскивал мой расстрелянный труп, о чем громко говорил кому попало. Поразительно, что простор, широта, глубокое дыхание появились в стихах М<андельшта>ма именно в Воронеже, когда он был совсем не свободен.

В начале двадцатых годов он дважды очень резко нападал на мои стихи в печати («Русское искусство» №№ 1 и 2). Этого мы с ним никогда не обсуждали.

Там (в Воронеже) его с не очень чистыми побуждениями заставили прочесть доклад об акмеизме. Не должно быть забыто, что он сказал (1937!): «Я не отрекаюсь ни от живых, ни от мертвых».

III

Все, что пишет о Мандельштаме в своих бульварных мемуарах «Петербургские зимы» Георгий Иванов, который уехал из России в самом начале двадцатых годов и зрелого Мандельштама вовсе не знал, мелко, пусто и несущественно. Сочинение таких мемуаров дело немудреное. Не надо ни памяти*, ни внимания, ни любви, ни чувства эпохи. Все гонится и все приемлется с благодарностью невзыскательными потребителями. Хуже, конечно, что это иногда попадает в серьезные литературоведческие труды. Вот что сделал Леонид Шацкий (Страховский) с Мандельштамом: у автора под рукой две-три книги достаточно «пикантных» мемуаров («Петербургские зимы» Г. Иванова, «Полутораглазый стрелец» Бен. Лившица, «Портреты русских поэтов» Эренбурга, 1922). Эти книги использованы полностью. Материальная часть черпается из не весьма добросовестного и очень раннего справочника Козьмина «Писатели современной эпохи», М., 1928. Затем из сборника Мандельштама «Стихотворения» (1928) извлекается стихотворение «Музыка на вокзале»⁸ — даже не последнее по времени в этой книге. Оно объявляется вообще последним произведением поэта. Дата смерти устанавливается произвольно — 1945 г. (на семь лет позже действительной смерти — 27 декабря 1938 года). То, что в ряде журналов и газет печатались стихи Мандельштама — хотя бы великолепный цикл «Армения» в «Новом мире» в 1930 г.,⁹ Шацкого несколько не интересует. Он очень развязно объявляет, что на стихотворении «Музыка на вокзале» Мандельштам кончился, перестал быть поэтом, сделался жалким переводчиком, опустился, бродил по кабакам и т. д. Это уже, вероятно, словесная информация какого-нибудь парижского Георгия Иванова.

И вместо трагической фигуры редкостного поэта, который и в годы воронежской ссылки продолжал

* Там фигурирует «саратовская» деревня Блока, «рыжий» Комаровский и я, собирающая подаяния.

писать вещи неизреченной красоты и мощи — мы имеем «городского сумасшедшего», проходимца, опустившееся существо. И все это в книге, вышедшей под эгидой лучшего, старейшего и т. п. университета Америки (Гарвардского), с чем и поздравляем от всей души лучший, старейший университет Америки...

IV

Чудак? — Конечно, чудак! — Он, например, выгнал молодого поэта, который пришел жаловаться, что его не печатают. Смущенный юноша спускался по лестнице, а Осип стоял на верхней площадке и кричал вслед: «А Андрея Шенье печатали? А Сафо печатали? А Иисуса Христа печатали?»

Но совсем не в этом дело. Почему мемуаристы этого склада (Шацкий (Страховский), Г. Иванов, Бен. Лившиц) так бережно и любовно собирают и хранят любые сплетни, вздор, а главным образом обывательскую точку зрения на поэта, а не склоняют головы перед таким огромным и ни с чем не сравнимым событием, как явление поэта, первые же стихи которого поражают совершенством и ниоткуда не идут.

У Мандельштама нет учителя. Вот о чем стоило бы подумать. Я не знаю в мировой поэзии подобного факта. Мы знаем истоки Пушкина и Блока, но кто укажет, откуда донеслась до нас эта новая божественная гармония, которую называют стихами Осипа Мандельштама?

В мае 1937 года Мандельштамы вернулись в Москву — к «себе» в Нащокинский. Одна из двух комнат была занята человеком, который писал на них ложные доносы, и скоро им стало нельзя показываться в этой квартире.

Разрешения остаться в столице Осип не получил. Работы не было. Они приезжали из Калинин и сидели на бульваре. Это, вероятно, тогда Осип говорил Наде: «Надо уметь менять профессию. Теперь мы — нищие» и «Нищим летом всегда легче» *.

Последнее стихотворение, которое я слышала от Осипа: «Как по улицам Киева-Вия». Фонтанный Дом (1937).

Так они прожили год. Осип был уже тяжело болен, но он с непонятным упорством требовал, чтобы в Союзе писателей устроили его вечер. Вечер был даже назначен, но, по-видимому, «забыли» послать повестки и никто не пришел. О <сип> по телефону приглашал Асеева. Тот ответил: «Я иду на «Снегурочку», а С., когда Мандельштамы попросили у него, встретившись на бульваре, денег, дал три рубля.

В последний раз я видела Мандельштама осенью 1937 года. Они (он и Надя) приехали в Ленинград дня на два. Время было апокалиптическое. Беда ходила по пятам за всеми нами. У Мандельштамов не было денег. Жить им было уже совершенно негде. Осип плохо дышал, ловил воздух губами. Я пришла, чтобы повидаться с ними, не помню куда. Все было как в страшном сне. Кто-то пришедший после меня сказал, что у отца Осипа Эмильевича (у «деда») нет теплой одежды. Осип снял бывший у него под пиджаком свитер и отдал его для передачи отцу. Мой сын говорит, что ему во время следствия читали показания О <сипа> Э <мильевича> о нем и обо мне и что они были безупречны. Многие ли наши современники, увя, могут сказать это о себе?

Второй раз его арестовали 2 мая 1938 года в нервном санатории¹¹ около станции Черусти (в разгар ежовщины). В это время мой сын сидел на Шпалерной уже два месяца. О пытках все говорили громко. Надя приехала в Ленинград. У нее были страшные глаза. Она сказала: «Я успокоюсь только тогда, когда узнаю, что он умер».

В начале 1939 года я получила короткое письмо от московской приятельницы: «У подружки Лены родилась девочка, а подружка Надюша овдовела», — писала она <...>

Примечания

1. Ахматова имеет в виду цикл «Реквием» (см. «Октябрь», 1987, № 3; «Нева», 1986, № 6).

2. Жена поэта, Надежда Яковлевна Мандельштам (1899—1980).

3. Подразумевается автобиографический очерк «Люди и положения» (см. Б. Пастернак. Воздушные пути. М., 1982).

4. Мандельштам имеет в виду противоположность собственной поэтической системы поэтической системе М. Цветаевой, что ранее отметила и сама М. Цветаева в посвященном ему стихотворении 1916 г. «Никто ничего не отнял...»: «Что вам, молодой Державин, мой невоспитанный стих!»

5. Отвечая на анкету «Советский писатель и Октябрь», Мандельштам писал: «Октябрьская революция не могла не повлиять на мою работу, так как отняла у меня «биографию», ощущение личной значимости. Я благодарен ей за то, что она раз навсегда положила конец духовной обеспокоенности и существованию на культурную ренту... Чувствую себя должником революции, но приношу ей дары, в которых она пока что не нуждается...» («Читатель и писатель», 18 ноября 1928 г.).

6. Приводим текст этих четверостиший:

☆☆☆

Вы хотите быть игрушечной,
Но испорчен Ваш завод:
К Вам никто на выстрел пушечный
Без стихов не подойдет.

☆☆☆

Черты лица искажены
Как-то старческой улыбой.
Ужели и гитане гибкой
Все муки Данта суждены?

☆☆☆

Привыкают к пчеловоду пчелы,
Такова пчелиная порода,
Только я Ахматовой уюлы
Двадцать три уже считаю года.

☆☆☆

Знакомства нашего на склоне
Шервинский нас к себе звал
Послушать, как Эдип в Колоне
С Нилендером маршировал.

7. Так Ахматова называет стихотворение «За гремучую доблесть грядущих веков...», входящее в «Волчий цикл» («домашнее» название цикла стихов 1931 г.). На самом деле искали стихотворение, направленное против культа личности Сталина (см. об этом также статью Ю. Нагибина «Услышать ось земную», «Смена», 1987, № 4, и заметку Е. Евтушенко в посвященном Мандельштаму выпуске поэтической антологии «Русская муза XX века», «Огонек», 1987, № 13). Приводим начало этого стихотворения, написанного в ноябре 1933 года:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,

А где хватит на полразговорца,
Там припомним кремлевского горца.

Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,

Тараньки смеются усами
И сияют его голенища.

8. В этом названии объединены два названия: стихотворения Мандельштама «Концерт на вокзале» (1921) и главы из «Шума времени», «Музыка в Павловске».

9. Цикл стихов «Армения» (1930) напечатан в журн. «Новый мир», 1931, № 3.

10. Первая строфа стихотворения Мандельштама, написанного в январе 1937 г.

11. В своих воспоминаниях Н. Я. Мандельштам уточняет, что это был «простой дом отдыха с врачом-директором на все руки».

«Листки из дневника» — один из ранних вариантов воспоминаний Анны Ахматовой об Осипе Мандельштаме. Над этими воспоминаниями Ахматова продолжала работать до конца жизни, но ни один из вариантов так и не сочла окончательным. Текст печатается по машинописи, подаренной автором Надежде Яковлевне Мандельштам.

Публикацию продолжает подборка из «Новых стихов» Мандельштама. Первую часть этой книги должны были составить цикл «Армения» с примыкающими к нему стихотворениями и «Московские стихи» 1930—1934 гг.

Вторую часть — «Воронежские стихи» 1934—1937 гг. Тексты стихотворений подготовлены по материалам архива О. Э. Мандельштама, предоставленным публикаторам Н. Я. Мандельштам.

* Еще не умер ты, еще ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой
Ты наслаждаешься величием равнин,
И мглой, и холодом, и вьюгой¹⁰.

Из неопубликованной книги «НОВЫЕ СТИХИ»

После полуночи сердце ворует
Прямо из рук запрещенную тишь,
Тихо живет, хорошо озорует,
Любишь не любишь — ни с чем не сравнишь.

Любишь — не любишь, поймешь — не поймашь,
Так почему ж, как подкидыш, дрожишь?
После полуночи сердце пирует,
Взяв на прикус серебристую мышь.
Март 1931

☆☆☆

Квартира тиха, как бумага,
Пустая, без всяких затей,
И слышно, как булькает влага
По трубам внутри батарей.

Имущество в полном порядке,
Лягушкой застыл телефон,
Выдавшие виды манатки
На улице просятся вон.

А стены проклятые тонки,
И некуда больше бежать,
И я как дурак на гребенке
Обязан кому-то играть.
.....

Пайковые книги читаю,
Пеньковые речи ловлю
И грозное баюшки-баю
Кулацкому паю пою.

Какой-нибудь изобразитель,
Чесатель колхозного льна,
Чернила и крови смеситель
Достоин такого рожна.

Какой-нибудь честный предатель,
Проваренный в чистках, как соль,
Жены и детей содержатель
Такую ухлопает молю.

И столько мучительной злости
Таит в себе каждый намек,
Как будто вколачивал гвозди
Некрасова здесь молоток.

Давай же с тобой, как на плахе,
За семьдесят лет начинать —
Тебе, старику и неряхе,
Пора сапогами стучать.

И вместо ключа Ипокрены
Давнишнего страха струя
Ворвется в халтурные стены
Московского злого жилья.

Ноябрь 1933

☆☆☆

Идут года железными полками
И воздух полн железными шарами.
Оно бесцветное — в воде железясь,
И розовое, на подушке грезясь.

Железная правда — живой на зависть,
Железен пестик и железна завязь.
И железой поэзия в железе,
Слезящаяся в родовом разрезе.
22 мая 1935

☆☆☆

Ты должен мной повелевать,
А я обязан быть послушным.
На честь, на имя наплевать —
Я был больным и стал тщедушным.

Так пробуй выдуманный метод
Напропалую, напрямик,
Я — беспартийный большевик,
Как все друзья, как недруг этот.
1935

☆☆☆

Мир должно в черном теле брать:
Ему жестокий нужен брат.
От семиюродных уродов
Он не получит ясных всходов.
Май 1935

☆☆☆

Тянули жили, жили-были,
Не жили, не были нигде.
Бетховен и Воронез — или
Один или другой — злодей.

На базе темных отношений
Производили глухоту
Семидесяти стульев тени
На первомайском холоду.

В театре публики лежало
Не больше трех карандашей,
И дирижер, стараясь мало,
Казался чертом среди людей.
Май 1935

☆☆☆

Если б меня наши враги взяли
И перестали со мной говорить люди,
Если б меня лишили всего в мире:
Права дышать и открывать двери
И утверждать, что бытие будет
И что народ, как судия, судит,—
Если б меня смели держать зверем,
Пищу мою на пол кидать стали б,—
Я не смолчу, не заглушу боли,
Но начерчу то, что чертить волен,
И, раскачав колокол стен голый
И разбудив вражеской тьмы угол,
Я запрягу десять волон в голос
И поведу руку во тьме плугом —
И в глубине сторожевой ночи
Чернорабочей вспыхнут земли очи,
И в легион братских очей сжатый
Я упаду тяжестью всей жатвы,
Сжатостью всей рвущейся вдаль клятвы —
И промелькнет пламенных лет стая,
Прошелестит спелой грозой: Ленин,
Но на земле, что избежит тленья,
Будет губить разум и жизнь Сталин.

Февраль 1937

☆☆☆

Внутри горы бездействует кумир
С улыбкою дитяти в черных сливах,
А с шеи каплет ожерелий жир,
Оберегая сна приливы и отливы.

Когда он мальчик был и с ним играл павлин,
Его индийской радугой кормили,
Давали молока из розоватых глин
И не жалели кошенили.

И странно скрещенный, завязанный узлом
Стыда и нежности, бесчувствия и злости,
Он улыбается своим широким ртом
И начинает жить, когда приходят гости.

Декабрь 1936

☆☆☆

Дрожжи мира дорогие —
Звуки, слезы и труды —
Словно вмятины, впервые
Певчей полные воды,
Подкопытные наперстки —
Бега сжатого следы —
Раздают не по разверстке:
На столетья — без слюды...

Брызжет в зеркальцах дорога —
Утомленные следы
Постоят еще немного
Без покрова, без слюды,
И уже мое родное
Отлегло, как будто вкось
По нему прошлось другое
И на нем отозвалось...

12 января 1937

☆☆☆

Длинной жажды должник виноватый,
Мудрый сводник вина и воды,
На боках твоих пляшут козлята
И под музыку зреют плоды.

Флейты свищут, клеветуют и злятся,
Что беда на твоём ободу
Черно-красном и некому взяться
За тебя, чтоб поправить беду.

21 марта 1937

Название очерка «Возвращение» — условное. Он был написан в 1923 году по просьбе редакции журнала «Огонек», а затем отклонен как «аполитичный». Вместо него Мандельштам поместил в «Огоньке» очерк «Меньшевики в Грузии», который во многом был написан на том же фактическом материале. А текст «Возвращения» Мандельштам позднее положил в основу двух из трех заключительных главок «Шума времени». Эти главки — они назывались «Возвращение» и «Встреча в редакции» — были затем отброшены Мандельштамом при подготовке книги «Египетская марка» и, по-видимому, утрачены.

Очерк представляет собой как бы «звучащий слепок» голоса поэта. Он надиктован за один раз и правке не подвергался. В нем Мандельштам рассказывает, как, освободившись из врангелевской тюрьмы в Крыму, он оказался по подозрению, что «большевик», в тюрьме батумской. Это было в 1920 г., когда Мандельштам возвращался из Крыма через Грузию в Москву.

Текст очерка печатается по записи Н. Я. Мандельштам.

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В августе девятнадцатого * года ветхая, плоскодонная баржа, которая раньше плавала только по Азову, тащила нас из Феодосии в Батум. Хитрый полковник дал нам визы и отпустил к веселым грузинам, твердо рассчитывая получить нас обратно, ибо, как потом оказалось, были сделаны самые хозяйственные распоряжения на этот счет. Чистенькая морская контрабандка благословила наш отъезд. Мы сидели на палубе вместе с купцами и подозрительными дагестанцами в бурках, пароход уже отчалил, обогнул феодосийский мол, но забыл свою подорожную и вернулся обратно. Никогда больше мне не встречалось, чтобы пароход что-нибудь забывал, как рассеянный человек.

Пять суток плыла азовская скорлупа по теплому соленому Понту, пять суток на карачках ползали мы через палубу за кипятком, пять суток косились на нас свирепые дагестанцы: «Ты зачем едешь?» — «У меня в Тифлисе родные». — «А зачем они в Тифлисе?» — «У них там дом». — «Ну ничего, поезжай, всяк человек свой дом имеет. На, пей», — и протягивал стаканчик с каким-то зверобоем, от которого делались судороги и молния раздирала желудок.

Вечером на пятый день пришли в Батум <и> стали на рейде. Город казался расплавленным и раскаленным массой электрического света, словно гигантское казино, горящее электрическими дугами, светящийся улей, где живет чужой и праздный народ. Это после облупленной полутемной Феодосии, где старенькая Итальянская улица, некогда утеха южных салоппиц, где Гостиный двор с колоннадкой времен Александра I и по ночам освещены только аптеки и гробовщики. Утром рассеялось наваждение казино и открылся берег удивительной нежности холмистых очертаний, словно японская прическа, чистенький и волнистый, с прозрачными деталями, карликовыми деревцами, которые купались в стеклянном воздухе и, оживленно жестикулируя, карабкались с перевала на перевал. Вот она, Грузия! Сейчас будут пускать на берег.

На берег сойти не мешают, только какие-то студенты, совсем такие, как у нас распорядители благотворительных вечеров, почему-то всегда это были грузины, отобрали на сходнях паспорта: дескать, всегда успеете их получить, а нам так удобнее. Без паспортов в Батуме было ничуть не плохо. Зачем паспорта в свободной стране?

* В рукописи неточность. Надо: двадцатого.

Нигде человек не окажется бездомным. Мы опекали в дороге двух почтенных старушек, выгружали их замысловатый многоместный багаж, и вот мы в кругу уютной батумской семьи, душой которой является «дядя». Этот дядя, собственно, живет в Лондоне и едет сейчас в Константинополь, — он такой кругленький и приятный, от него так пахнет английским мылом и табаком «Carstan», будто сам биржевой курс принял образ человека и сошел на землю сеять радость и благоволение между людьми. После обеда симпатичное семейство отпустило нас в город. Ничто не сравнится с радостным ощущением, когда после долгого морского пути земля еще плывет под ногами, но все-таки это земля, и смеешься над обманом своих чувств и топчешь ее, торжествуя.

Как иностранцы, мы, конечно, сразу попали впро�ак: долго спрашивали у прохожих, где кафе «Маццони», между тем так называется там по-итальянски простокваша и вывешена * на каждой кофейне. Наконец мы нашли свое «Маццони» — дворик, усыпанный щербем, с зонтиками-грибами по столикам, и увенчали свой день чашечкой турецкого кофе с рюмкой жидкого золота — горячего мартеля. Здесь приключилась встреча. Долговязый А.**, закованный в чудовищный серебряный браслет. Он спяну полез целоваться, но, узнав, что мы едем в Москву, сразу померк и исчез.

На другой день отправились получать паспорта, чтобы все было в порядке. На самой чистенькой улице, где пахнет порядочностью, где остролистые тропические деревья стесняются, что они растут не в кадках, нас принял любезный комиссар и осведомился о наших намерениях. Мне показалось, что мы очаровали друг друга непринужденной искренностью и доброжелательством. Он викал во все, беспокоился, не потеряю ли я без друзей в чужой стране. Я старался его успокоить — у меня есть в Грузии друзья: называю простодушно Сергея Городецкого — он очень обрадовался: как же, как же, мы его знаем, мы его недавно выслали из Грузии; называю еще одно имя, кажется, Рюрика Ивнева, — он опять радуется: оказывается, они его тоже знают и тоже выслали. Теперь, говорит, вам осталась одна маленькая формальность — получить визу генерал-губернатора, это совсем близко, вам сейчас покажут дорогу.

Пошли к губернатору, а у проводника карман оттопырен — кто из нас был поопытнее, сразу оценил эту подробность, — этот карман означал как бы инкубационный период лишения свободы, но мы шли навстречу неизвестности с чистым и невинным сердцем. К генерал-губернатору нас провели без очереди, и это был дурной знак. Он был похож на итальянского генерала: высокий и сухопарый, в мундире с стоячим воротником, расшитым какими-то лаврами. Вокруг него тотчас забегали, закудахтали, залопотали люди неприятной наружности. И в этом птичьем клёкоте все время повторялось одно понятное слово, сопровождаемое энергичным жестом и выпученными глазами: *большевик, большевик*.

Генерал объявил: «Вам придется ехать обратно». — «Почему?» — «У нас хлеба мало». — «Но мы здесь не остаемся, мы едем в Москву». — «Нет, нельзя — у нас такой порядок: раз вы приехали из Крыма, значит, и поезжайте в Крым».

Дальнейшие разговоры были бесполезны. Аудитенция окончилась. Решение относилось к целой группе лиц, не знакомых друг с другом. Видимо, не доверяли, что мы сами поедем в Крым. Мы перешли на явно полицейское попечение. Полицейские же считали нас группой заговорщиков, связанных круговой порукой, и когда один в суматохе убежал, с ножом к горлу приставали, куда скрылся наш товарищ.

В самой гуще батумского порта, около таможни, там, где грязные турецкие кофейни, попыхивая угольками, выбросили на улицу табуретки с кальянами и дымящимися чашками, там, где контора «Ллойд-Триестино», там, где персы спят на своих сарпинках в прохладных лавках, где качаются фелюги и горят

маки турецких флагов, где муши с лицами евангельских разбойников тащут на спине чудовищные тюки с коврами и мучные мешки, где молодые коммерсанты нюхают воздух, там возвышается ящик портового участка: внутри пассаж, бывшее торговое помещение, с одной только единственной камерой, на разведку, для всех высылаемых — «откуда и зачем приехал».

О тюрьмах, тюрьмах! Узилища с дубовыми дверями, громящими замками, где узник кормит и дрессирует паука и карабкается на амбразуру окна, чтобы выпить воздуха и света в маленьком крепком окошке; романтические тюрьмы Сильвио Пеллико, любезные хрестоматиям, с переодеванием, кинжалом в хлебе, дочерью тюремщика и визитами священника; милые упадочно-феодалынные тюрьмы Франсуа Виллона *, — тюрьмы, тюрьмы, все вы нахлынули на меня, когда захлопнулась гремучая дверь и я увидел следующую картину: в пустой и грязной камере по каменному полу ползал молодой турок, сосредоточенно чистил все щели и углы зубной щеткой. Ему очень не понравилось, что мы пришли и помешали ему, и он пробовал нас выгнать, хотя это было совершенно невозможно. Здесь мы должны были ждать парохода, который доставит нас в Крым. Из окошка были видны нежные «японские» холмы, целый лес моторных парусников и пре...**

...вооруженным спутником я пошел в русскую газету, но газета как на грех оказалась врангелевской, и там сказали: «Если вы не сделали ничего дурного, почему бы вам не поехать в Крым?» После долгих мытарств мы нашли другую, более подходящую газету. Редактор, увидев меня, всплеснул руками и позвонил по телефону какому-то «Веньямину Соломоновичу». Этот-то Веньямин Соломонович и оказался настоящим гражданским генерал-губернатором Чиквишвили, я же попал в лапы к его военному заместителю Мдивани. Человек с иконописным интеллигентским лицом и патриархальной длинной козлиной бородой усадил меня в кресло, прогнал часового лаконическим «Пшел вон» и тотчас, протягивая мне какую-то тетрадку, заговорил: «Ради Бога, что Вы думаете об этом произведении, этот человек нас буквально компрометирует». Тетрадка оказалась альбомом стихотворений поэта Мазуркевича, посвященных грузинским меньшевистским правителям. Каждое начиналось приблизительно так:

О ты, великий Чиквишвили,

О ты, Жордания, надежда всего мира...

«Скажите, — продолжал Чиквишвили, — неужели он у вас считается хорошим поэтом? Ведь он получил Суриковскую премию...» ***

<1923>

*Подготовка текстов и примечания
С. ВАСИЛЕНКО и Ю. ФРЕЙДИНА.*

* Далее в рукописи вычеркнуто: моего друга и любимца, <нрзб>, искупившего своей смертью весь позор своего пятнадцатого века.

** Часть рукописи утрачена. На полях машинописи очерка «Меньшевики в Грузии» есть запись Н. Я. Мандельштам, частично раскрывающая содержание утраченного текста: «Поэты-грузины предложили взять О. Э. на поруки, но отказались поручиться за его брата. Здесь пропуск — визит грузинских поэтов, которые навестили и, уехав, забыли. Кто-то просил от имени грузин выбросить это место. Ося не хотел. Потом оно само исчезло. В том же очерке Мандельштам рассказывает о своем освобождении: «Я вышел в город за хлебом с спутником-конвойным. Его звали Чагуа. Я запомнил его имя потому, что этот человек меня спас. Он сказал: «У нас два часа времени, можно хлопотать, пойдем куда хочешь». — И таинственно прибавил: «Я люблю большевиков. Может, ты большевик?»

*** Конец рукописи утрачен.

* Так в рукописи.

** Поэт Н. Я. Агнивцев.

Александр
ЮДАХИН

☆☆☆

Не удержит его гробовая доска,
если он околет от боли.
Отпусти его душу, слепая тоска
по нелепой семейной неволе.
Плащ подаренный жмет. Не идет перевод,
позабыл о подстрочнике скучном.
Отпусти его душу, забота забот,
хоть на время о хлебе насущном.
Врут, что мастера нужно держать в нищете.
В суете не поймут и обидят.
Что с того, что поэт увидел в темноте
то, чего днем с огнем не увидят.

☆☆☆

Памяти В. А. Слуцкого

С недавних пор я не люблю ворон.
Не отошел от прошлых похорон,
Глаза закрою и — лежит учитель,
и воронье летит со всех сторон,
и похоронщик оправляет китель...
Глаза открою и стою, как все,
на тротуарной мокрой полосе,
плечом к плечу, а на душе обида:
мы потерялись, словно в страшном сне,
нас собирает только панихида.
А панихиде не видать конца.
Смотрю в лицо — не узнаю лица
известного в Отчизне и Европе.
Я не видал суровой мертвеца,
чем человек в казенном тесном гробе.

Иван Калита

Князь Иван Калита,
сколько выжал серебряных гривен?
Сколько слуг твоих для Орды отобрали добра?
Перед ханом Узбеком стоит простодушно-наивен,
дипломат и актер, он сегодня играет раба.
Там, где предки его подчиняли великою кровью
города на Руси, не без помощи диких татар,
там Иван посылал
разбираться с надменной свекровью
дорогую сестру. Сам свозил драгоценный металл.

Новгородские гости стонали, шипели бояре,
и тверские князья
посылали посольных в Литву.
А его мастера на Москве городили, ваяли,
поднимали соборы! И бог наградил Калиту:
отошел от Литвы
Византией поставленный пастырь,
переехал к Великому князю, грехи отпустил.
Князь ордынские шмотки содрал
перед баней, как пластырь,

выпил квасу,
и веник вогнал самодержца в настил!
А потом он решил отоспаться,
впервой не кололось
одеяло из пуха, и мог потянуться вполне,
но увидел себя сквозь туман на кауrom коне
и услышал сквозь дрему
похожий на собственный
голос:

«Позабудь про покой!
Ты уверен, что правильно правил?
Иль уверен,
что ты не виновен в убийстве князей?
А когда ты любимых детей
в знак залога отправил
в Золотую орду,
кем ты стал для жены и друзей?»

Юрий
МИХАЙЛИК

☆☆☆

Золотое, хрустальное, бронзовое и стальное
соберите, припрятывайте, раздайте надежной родне.
А уж зряшное, лишнее, прочее все остальное,
остальное оставьте, пожалуйте, мне.
Вы оставьте ненужное,
бросьте, чего вам не жалко —
эту бедную землю (бывает ли бедной земля?),
и никчемные эти кривые корявые палки —
я их выращу сам. А потом назову — тополя.
Уносите дубленки и туфельки из крокодила,
ваше стерео, видео, супер и люкс — барахло.
Я возьму только то,
что и в моду вовек не входило,
ну а значит, и выйти из моды никак не могло.
Я возьму этих птиц,
что гнездятся на бурых обрывах,
я возьму этот ветер в декабрьские тусклые дни.
Уводите красавиц, оставьте моих, некрасивых,
вам вовек не дознаться, какими бывают они...
Я возьму этот взор, замороженный и
осторожный,
я возьму этот смех, не смутивший ничей
тишины.
Налетайте, хватайте и хапайте, что подороже.
Я возьму только то, что всегда не имело
цены.

☆☆☆

Летят коротенькие дни,
как самолетные огни:
зажглось — погасло.
Как будто некто в корабле
передает ночной земле,
что жизнь прекрасна.

Она прекрасна на лету,
и в темноте, и на свету,
зимой и летом,
она прекрасна в час невзгод,
когда и сил недостает,
чтоб верить в это.

Пусть эта истина смешна,
но может статься, что она
не так банальна,
пока полночный самолет
ее, кренясь, передает
огнем сигнальным.

Летит, мерцает над тобой
как откровение, как боль
огонь из ночи.
И жизнь, мерца и маня,
еще прекраснее огня,
еще короче.

☆☆☆

Ничего особенного нету
в нашем деле — грош ему цена.
Ходит-бродит музыка по свету.
Кто услышит — каждому слышна.
А вот то, на чем ее играют,
а вот это, чем ее поют,
только вместе с жизнью отбирают,
только вместе с жизнью отдают.

☆☆☆

Плывут по краю неба безмолвные стога.
Полночная дорога. Двурога серьга.
На долгую разлуку подарена одна
ныряющая в тучах цыганская луна.
Уеду я, уеду, любовь свою губя,
когда настанет утро — забуду про тебя.
А в полночь над дорогой луна в глаза глядит,
и память обжигает, а душу холодит.
Уеду, позабуду, забуду — засмеюсь,
у старого колодца водою обольюсь.
А в глубине колодца на доньшке ведра
презрительно качнется серьга из серебра.

☆☆☆

Вот опять Зоил усталый
грустно скажет в белый свет,
что стихов вокруг навалом,
а поэтов нет как нет.
Стихотворцы — в оборону,
и несут свой гордый бред.
Эти споры, как вороны,
средний возраст — триста лет.
Та же хриплая орава голосила на крыле
и над мальчиком кудрявым
в Царском, боже мой, селе.
С тем же криком, с тем упреком
все летят они, шумны,
мимо Тютчева и Блока, и бугра,
где три сосны.
А поэты их не гнали — молча чистили рукав.
А поэты твердо знали — каждый ворон трижды
прав.

И поэтов, слава богу, даже в лучшие года
не бывало слишком много,
и не будет никогда.
Слишком много не бывает ни добра,
ни красоты.
Тем, кто это забывает, крикнет ворон с высоты.

☆☆☆

В любви к тебе ни толку нет, ни проку.
И без нее мне так же, как и с ней.
Ну, может быть, немного одиноко.
Ну, может быть, немного холодней.
И может быть, внезапной немотой
обождено постылое жилье.
И может быть... Но это все — пустое.
Почем мне знать, как это — без нее?

г. Одесса.

Юрий
ЧЕХОНАДСКИЙ

☆☆☆

Мы не могли понять нелепость
прошедшей только что войны...
Смотри! — «Летающая крепость!» —
в восторге выли пацаны.
Шел самолет, ревя натужно,
от напряжения звеня,
и мы в него стреляли дружно
из деревянного ружья.
Он шел над нами в ярком блеске,
расправив мощь огромных крыл,
и на мгновение тенью резкой
и черной — солнце нам закрыл.
Стрельбу мы разом прекратили,
вдруг ощутив тот страшный вес,
и, замерев, за ним следили,
пока из глаз он не исчез.

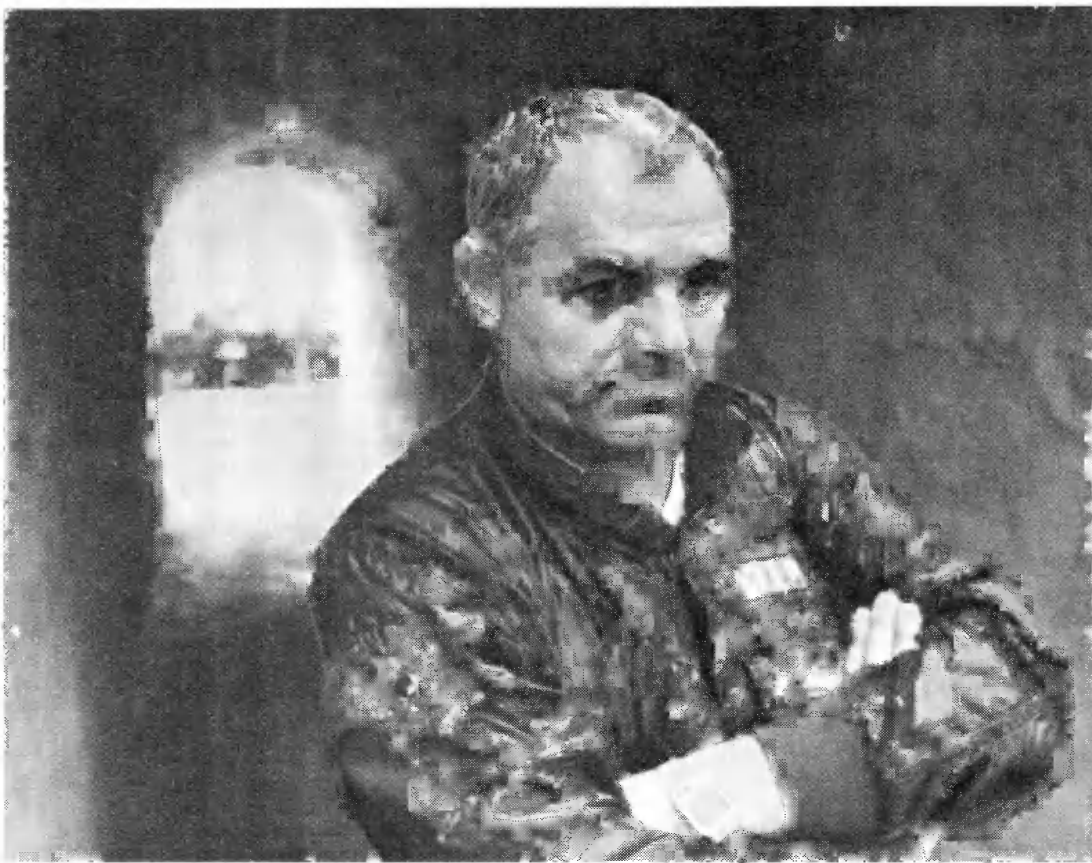
☆☆☆

Не пели античные хоры.
Не ставил здесь пьес Еврипид.
Полынь разрослась. За забором
был сквер, одичавший на вид.
Мальчишки-амуры из гипса
стояли, устроив фонтан.
Не видя в том здравого смысла,
им руки отбил хулиган.
К нему бы строжайшие меры
принять, чтоб забыл про вино!
За сквером был дом офицеров,
в котором крутили кино.
Здесь часто бывали артисты,
здесь купы сирени цвели...
Был звук у моторов неистов,
когда испытанья вели.
Раскатистый гул самолетов,
с тревогой ловящий их взор,
меж небом и твердью расчеты,
меж жизнью и смертью зазор.
И вдруг замолкал он — все ниже, —
он падал! — и было, как бред...

Наутро на место афиши
в витрину вставляли портрет.
Украшенный ветками елей,
и молод и полон был сил
тот летчик в такой же шинели,
какую отец мой носил...

А завтра на праздничный вечер
афиша помянит опять.
С артистами новые встречи...
О как это было понять!
Зачем вы, амур, безруки?
Зачем нам поет для души
товарищ Козловский? Но звуки
романсов его хороши.
Я слышу то пенье донине,
сквер той же сиренью пропах,
и той же горячей полыни
я чувствую вкус на губах...

Фото Л. Шимановича

ЮРИЙ ИЛЬЕНКО: ПЛАТА ЗА КОМПРОМИСС

В начале этого года в Центральном доме кинематографистов состоялась премьера фильма «Родник для жаждущих» украинского режиссера Юрия Ильенко. Зрители радовались: хоть двадцать два года спустя, но картина увидела свет. А режиссер во вступительном слове сказал: «У меня такое ощущение, что я присутствую на открытии собственной надгробной доски».

Откуда же эта невеселая фраза в торжественный день премьеры? Закончив ВГИК, Ильенко получил профессию кинооператора. С блеском защитив диплом (Я. Сегель пригласил его на фильм «Прощайте, голуби!» ассистентом оператора, а закончил он фильм... главным оператором!), уже в следующей картине — «Где-то есть сын» — Ильенко занялся такими неистовыми экспериментами с камерой, что получил от некой придирчивой зрительницы письмо, которое запомнилось на всю жизнь. «В вашей картине, — писала она, — смешалось все — небо, солнце, люди, машины. От вашей картины тошнит, а некоторых даже рвет». Письмо убедило в том, что, если вестибулярный аппарат зрительницы так реагировал на экранное пространство и время, значит, включенность личности в это пространство была передана точно. Ведь мы одновременно ощущаем

то, что видим перед собой, и то, что происходит за нами. Ощущение почти непередаваемое на экране, а он мучительно пытался разрешить эту задачу.

Вскоре Сергей Параджанов пригласил молодого экспериментатора снять «Тени забытых предков», разрушительно-новаторскую картину, в которой царили кадры-символы, кадры-образы. Она имела нестандартную судьбу — ее авторы оказались на перекрестке ниспровержения в бездну и вознесения на небывалые высоты...

Фильм открыл дорогу целому направлению в кино — поэтическому. Но после этого успеха Ильенко решил впредь быть оператором только у самого себя. Режиссура привлекала его еще со вгиновских времен.

Когда смотришь сегодня его «Родник для жаждущих», ужасаешься, вспоминая, как на лету подрезали крылья молодому художнику. Копия фильма была приговорена к «смыву», но, к счастью, уцелела. Читая сегодня стенограммы заседаний художественного совета студии, испытываешь неловкость: как могли тогдашний первый секретарь Союза кинематографистов Украины Т. В. Левчук и его сановные коллеги так шельмовать фильм, автору которого в Москве, в день премьеры, зал рукоплескал стоя?

О дальнейшей своей киносудьбе Юрий Ильенко поведает сам, и вы поймете, что таилось за его неожиданной самооценкой на премьере «Родника». Я же скажу только, что его последний фильм — «Соломенные колокола» — снова взлет. Взлет-очищение, взлет-доказательство сбереженных сил и возможностей. Разрешение от бремени, которое столь долго вынашивал художник. Мысли и идеи этого фильма перекликаются с первыми работами Ильенко — он о нравственной вине человека, куда более страшной, чем вина юридическая, о конформизме. Размышление о корнях конформизма — основная болевая точка фильма, в ней сходятся разнобразные его линии.

Первый и последний фильмы Юрия Ильенко выходят на экран почти одновременно. Символично, не правда ли?

Моя беседа с нынешним секретарем Союза кинематографистов Украины, художественным руководителем одного из вновь созданных кинообъединений студии им. Довженко Ю. Г. Ильенко длилась в общей сложности более десяти часов. Начавшийся было диалог вылился в длинный, страстный монолог режиссера, фрагменты которого, записанные мною, предлагаю читателям «Юности».

Елена БОКШИЦКАЯ

Когда я сделал первую режиссерскую работу — фильм «Родник для жаждущих» — мне было 28. Ни мудрости, ни опыта борьбы. Но я стоял насмерть, хотя картину уничтожали просто физически. Мне предлагали тысячи вариантов исправления, гарантируя выход на широкий экран, деньги, успех, — вот только это сделаешь, кое-что исправишь, и все будет в порядке. Ведь система провокаций по отношению к художнику столь изощрена и одновременно столь проста, что устоять очень трудно. Но тогда я устоял. Ничем не пожертвовал.

Еще живы были в памяти уроки Сергея Параджанова, с которым я снимал «Тени забытых предков». Не знаю, как ему удалось собрать такую съёмочную группу, — не просто единомышленников, а людей, сражавшихся за идею, за фильм, за будущее. Сражавшихся яростно, насмерть. Для меня, молодого тогда художника, это был урок откровения, правды. До сих пор считаю атмосферу, царившую в группе Параджанова, единственно нормальной. Тогда у меня и создавалось представление, как все-таки делается искусство, как рождается нечто совершенно неуловимое, непредсказуемое, остающееся за чертой человеческих знаний.

В то время я еще с максималистской яростью ощущал заложенное изначально в каждом художнике чувство ответственности перед своим творческим поступком — это такое мерило, определяющее, где нельзя отступать ни на сантиметр, а где можно что-то изменить.

А годы были замечательные. Середина шестидесятых. Расцвет нашего кинематографа и украинского, в частности. Поэтическое кино (термин, позднее ставший ругательным) давало необозримые возможности для раскрытия внутреннего мира человека!

Мне, кинооператору по образованию, ничего не стоило убедить тогдашнее руководство студии имени Довженко и Госкино Украины отдать мне сценарий выпускника Высших курсов, замечательного поэта Ивана Драча. Идея была им обозначена как «современная кинопритча». В сценарной записи я увидел много персонажей, подробные их взаимоотношения, великолепное знание быта, точность речевых характеристик, но в рамках традиционного, описательного, психологического кинематографа. А притчевость лежала в заостренном сюжете, который чуть-чуть остраивал этот материал.

История была реалистична, впрочем, такой она осталась и в экранном варианте. Рассказ о старике, вдруг осознавшем свое одиночество. Сыновья есть, но они разъехались по городам и весям. Прервалась духовная линия. Старик ассоциирует ее с колодезем, который, по обычаю, чистит вся семья из поколения в поколение, чтобы вода оставалась кристально прозрачной. Это некая нравственная акция, ритуал. Горечь от разрушения «наработанных» связей, устоев — они рвутся, а взамен ничего не возникает. Обрывы, обрывы... Вот, пожалуй, внутренний стержень картины. Эти «обрывы» еще не были тогда столь ясно обозначены в нашей жизни, но ощущалось уже, что это может случиться. Правда, когда я начинал работать над фильмом, то не предполагал, во что же все выльется. Я просто искал способы выражения идеи, нравственной коллизии, и мне потребовались более емкие, пластические образы. Вытопичесательство — даже на высоком уровне — меня не устраивало. В нем тонул мой темперамент, желание обнажить мысль до очевидности, до знака, до удара — показать движение страдающего духа.

Я долго искал. Для меня много значит какая-то вдруг увиденная «найденность». И вот в самом сердце Украины, между Черкассами и Чигирином, где в Днепр впадает река Тясмин, я нашел благодатные места — холмы, чернозем, такое клубление рая земного. А дальше, в долине, увидел пески, настоящие пески, барханы, дюны. И там стояло село, хаты с соломенными крышами, а на крышах — ветряки. Украинское село, стоящее в песках! Что-то противоестественное! Я ощутил в себе нечто, похожее на вспыхнувший молнии, на пророчество — вдруг обнажилась суть будущего фильма. Пейзаж оказался ключом, прообразом, даже методологией.

На главную роль я пригласил украинского артиста редкого таланта — Дмитрия Емельяновича Милютенко, ученика Леся Курбаса. Артиста, способного практически без мимики, без слов достигать необыкновенных глубин, вовлечь магнетически в сферу своей человеческой достоверности, подлинности, приблизить к духовному величию. Необыкновенная профессиональная энергоемкость! Ему удавалось аккумулировать и решать немыслимой сложности задачи философского, образного, нравственного порядка. Его герой в фильме, ожидая смерти, подводил итоги. И сколь трагичен был реальный итог: Милютенко умер, недоснявшись в одном эпизоде. Наверное, его пронзительность, неистовость в работе исходила от предчувствия, что эта роль — последняя.

И вот соединение разноплановых явлений — пейзаж, несущий в себе некое пророчество, актер, чутко реагирующий на среду, пленка, выдающая изображение чистое, графическое, только черных и белых тонов, отбрасывающее суетность, мелочность — давало возможность создать притчу, в природе которой и заложено противостояние двух начал: светлого и темного, духовного мрака и света разума и души.

Я глубоко убежден: ни один фильм в принципе нельзя задумать в его конечном облике. Кинематограф, как и поэзия, способ познания истины. Мы за низили критерии в тот момент, когда поставили искусство на поток, стали тиражировать. А когда тиражируешь, ничего не надо, кроме матрицы, — и шлепать, шлепать, размножать кем-то уже сделанное, придуманное. Массовая культура основана на узнавании. Этим, собственно, она отличается от подлинного искусства, смысл которого создавать, рождать вещи, которые не виденные, не узнаваемые, часто сложные для восприятия. Непростительно наивным представляется мне утверждение Рене Клера: «Фильм готов, осталось лишь снять его». Провокационное какое-то заявление. Целые миры кинематографов были пущены по ложной стезе из-за этой «аксиомы». Что осталось снять?! Это ведь только предстоит постичь. Литературный сценарий, даже режиссерский — самое грубое приближение к истине, иногда даже ложное. Постигая искренне этот мир, многожды осознаешь себя у разбитого корыта, откуда ж знать, каков будет результат. Существует, правда, творческое предвидение, которое умнее тебя. Когда работает художник, включается некий механизм — мы привыкли называть его подсознанием. Но всякая попытка расчленил на составные части этот сложнейший механизм — грубая вулгаризация процесса постижения истины.

Тот не художник, кто берется за социальный заказ, понятый в смысле заказа из универсама: мне, пожалуйста, этого немного, того чуть-чуть... Существуют вещи, более важные для существования искусства: его коренные обязательства перед жизнью. И, наверное, мое знание, моя включенность в эстетику моего народа, в его нравственность более сложна, чем можно предположить. Именно она во многом руководит решением этих простых вопросов: да — нет, такая пленка — другая пленка, тот артист или иной, реплику давать сейчас или позже?.. Неужели моя голова как счетная машина работает? Нет. Опыт работает. За мной опыт истории, нравственный опыт моего народа, чьей жизнью я живу, который зачем-то меня родил, выдвинул...

Знал я, когда снимал «Родник», что я сделаю именно так, а не иначе? Нет, не знал. Шел сложный процесс, в котором соединялись и пленка, и пейзаж, и актер, и стихи Драча, значившие для меня в тот момент больше, чем сам сценарий. Они были открытием для меня высокой, философской лирики. Иван, посмотрев фильм, в первую минуту был сражен, потрясен. В том, что я отошел от его сценария, он увидел разрушение замысла. Далеко не сразу он осознал, что я не разрушил замысел, а пробился к его сердцевине. Но если бы Драч сказал тогда, что я извратил его сценарий, а от него просто добивались этого приговора, заклинали его, чтобы он написал: «Снято не по сценарию», то я бы никогда больше не вышел на съёмочную площадку. Но надо знать Ивана... Я до сих пор благодарен ему.

С момента убийства моего «Родника» до его возрождения прошло более двадцати лет, память сохранила события не густо. Эмоционально запомнилось ощущение краха — те, кто пережил трагедию уничтожения своей первой картины, поймут меня: из молодого, подающего надежды художника я превратился в человека с выжженным на лбу тавром: «Создатель антисоветской картины, которую положили на полку». На протяжении многих лет мне ни на секунду не давали забыть, что один фильм с ярлыком, другой — «Вечер накануне Ивана Купалы» — не вышел на широкий экран, третий, по мнению некоторых республиканских руководителей, вообще было нельзя показывать. Они плевали на то, что «Белая птица с черной отметиной» получила Гран-при Международного фестиваля. То в Москве, а у нас, в стенах родной студии, его лучше даже не упоминать. Когда студия имени Довженко отмечала свое 50-летие, были установлены огромные щиты перед входом, на которых висели плакаты лучших фильмов. Среди них вы не увидели бы ни «Теней забытых предков», ни «Белой птицы», ни прогремевшего в свое время «Каменного креста» Леонида Осыки.

И каждый раз после «Родника» мне приходилось начинать новую работу с доказательства своей лояльности. Не профессиональную состоятельность я должен был доказывать, а свою социальную пригодность. С этого, пожалуй, все и началось.

Если приложить к сегодняшней моей исповеди десятки стенограмм заседаний, где целенаправленно уничтожали «Родник для жаждающих», я, быть может, частично оправдал бы свои последующие неудачи, но я не хочу этого делать, потому что моя история — не единичный, личностный «прокол», а борьба с системой авторитарного мышления, в которой, как и я, сгорели многие.

Завидую тем, кто не сгорел, не сдался, а продолжал создавать свое кино. Отару Иоселиани, снявшему всего четыре картины, Андрею Тарковскому — автору семи фильмов. Он сумел в этих семи не соврать ни в одном слове, ни в одном кадре не отступить от себя. Правда, темпераменты у нас разные. Я не мог долгое время сидеть без дела. Если не снимал кино, делал столы, занимался резьбой, живописью, писал стихи... Но этого мне было мало: слишком велика потребность выхода в пространство фильма, где бы я мог полностью реализовать свои возможности. Мне казалось: возьму-ка я некий нейтральный сюжет, маленький фрагмент жизни и займусь его каллиграфией. Или уйду в миф, феерию (такой фильм у меня был — «Лесная песня... Мавка» — экранизация Леси Украинки), где можно говорить о жизни, пользуясь условным языком. И это будет локальная деталь моей биографии — не больше. По гамбургскому счету, я вроде не предаю себя, не поступаюсь основными принципами.

Но я поступался и предавал себя. Предавал свой максимализм, который являлся гарантом в «Роднике», «Вечере», «Белой птице» (что касается «Белой птицы», впрочем, то уже не могу сказать, что не допустил ни одной червоточины). Ведь как было? «Вырубали» суть, а оставляли «гарнир». Корень выдирали. Вспоминаю, как раньше проходили художники: ты выходишь с фильмом, в котором уверен, а тебя все критикуют, поносят, обвиняют в профнепригодности. Мнения обычно совпадали. И их много. Это мнения мэтров, «генералов» от кино. И только один-два человека — «за». И ты начинаешь мучительно сомневаться. А, может, действительно, они правы, их же много? Но замечаешь вдруг: критике подвергаются жизненно важные органы фильма. Это как удары по печени и сердцу — самые ощутимые, и следов нет. Ноги, руки, голова на месте, а человек неполноценен. Когда я это осознал, то стал весьма своеобразным методом накапливать знания о себе как о художнике. Хвалят? Что-то не то, надо разобраться, где я нахалтурил. Ругают? Значит, надо это укреплять. Самых высоких похвал я удостоился за фильмы, о которых мне хочется забыть. Представьте, каково творить в системе координат, вывернутых наизнанку. Это даже не Зазеркалье, а мир, где царили высшая математика демагогии и иезуитские способы подавления личности.

Когда пролежавший 22 года на полке «Родник для жаждающих» стал доступен зрителю, многие, посмотрев его, говорили мне: «Странно, столько лет прошло, а фильм не устарел». Ничего странного тут нет. Стареют лишь те фильмы, где существует компромисс, фальшь, предательство себя хоть в малой мере. Эти фильмы гибнут, точно зараженные бациллой, нравственно нечистоплотные. Страшно говорить, но так и есть. Фильмы разрушаются на глазах, разрушаются раньше, чем ты их успеваешь снять. Достаточно предать себя в малом — ну, подумаешь, замену фразу, чуть перестрою эпизод, чтоб отвязался, — и бацилла этого гниения входит в организм фильма. Это отторжение передается и зрителю — так стадо чувствует больное животное и выталкивает его.

Осознавая свой горестный опыт, даю сегодня молодому режиссеру совет: приучись со всей возможной страстью и абсолютной уверенностью думать про каждый свой фильм, что он последний, что если сейчас не выскажешься, то уже — никогда.

И если не умрешь после этого, то поймешь, как хорошо жить.

Я часто пытался уговорить себя, что мои ругатели хотят, как лучше. И всегда расплачивался за это — аукнуться могло и через много лет. Работая, например, над фильмом «Белая птица с черной отметиной» (фильм, казалось бы, получился удачный), мы с моим соавтором Иваном Миколайчуком поставили себе довольно-таки иезуитски сформулированную задачу: сколько бы нам ни делали замечаний, мы будем их выполнять, но в сторону совершенства. Ведь оно безгранично, а чиновникам от искусства, которые дают поправки, важен бюрократический принцип: мы указали — они изменили. А суть при этом часто остается за пределами их внимания. Дается, скажем, замечание на разрушение эпизода или сцены, а мы умудрялись так повернуть ее, так выстроить, что обнажали нечто еще более точное, неожиданное и верное. Работа в таких условиях тренирует «боксеров» экстра-класса. Но вот, спустя пятнадцать лет, я посмотрел картину, и всего лишь от одной фразы, которую меня все-таки убедили вложить в уста персонажа, пришел в ужас. Чуть не умер в просмотровом зале. Какой Иуда заставил меня это сделать! И какой же я подлец, что согласился! Думал, что обманул их, а получилось...

Блестящая иллюстрация самообмана — мой фильм «Мечтать и жить». Кстати, сначала он назывался «На поклоны». И я убедил себя, что перемена названия — пустяки. А это было первым предательством — «Мечтать и жить» или «На поклоны...». Чувствуете, даже на слух, разный уровень требовательности к себе? Картину останавливали 40 раз! На этапе литературного сценария, режиссерского, во время проб (не утверждали актеров), съемок и т. д.

Замысел был, мне кажется, интересен, а коллизия фильма современна и сейчас. Однажды героиня фильма, актриса, выйдя на сцену, взбунтовалась против текста, который она произносила изо дня в день. Взбунтовалась и начала буквально разносить сцену, вызывая к зрителям. И зрители ее поддерживали. Она рушила вокруг себя все — тексты, сцену, декорации. Наступила оторопь. Кроме зрителя, ее поддерживал лишь драматург, автор пьесы. Он присутствовал на спектакле и понял, что бунтовать должен был он и — давно. Почему вдруг эта женщина со сломанной судьбой, работающая взахлеб, на обнаженном нерве, взяла на себя непомерную ношу? Почему она, а не он — писатель? Он долго отодвигал от себя неприятные мысли, полагал, что сможет еще внести в свою пьесу исправления, вскрыть кое-какие новые аспекты, — утешался полуложью. Зеркальное отражение того, что случилось в жизни со всеми нами!

Он пытается найти в ней опору и не находит. Поэтому, что у нее был срыв, импульсивная реакция на бездуховность, а не осознанная социальная позиция. Она просто чувствовала, что исчезает как личность, и сделала последнюю отчаянную попытку сохранить себя. Но ничего не получилось. Ее выгнали из театра, она уехала, драматург бросился вслед, надеясь, что излечится, питаясь ее соками. А она тоже оказалась пустой — ее бунт был спровоцирован пафосом проте-

ста, а не созидания. Они ничего друг другу дать не могут, но им кажется, что они должны искать опору — каждый в другом, — и снова врут себе. У них нет нравственной опоры, идеи, которая могла бы вернуть их к жизни. Вот такая история.

Было ясно, что сделать фильм в соответствии с замыслом не дадут. В то время подобная тема казалась запретной, непроходимой. И, вертясь в интересно обозначенной проблематике, необычном сюжете, я бился за него, пытаюсь удержаться на его «территории». Не удалось. Фильм катастрофически рассыпался на фрагменты, на виртуозно снятые, но отдельные сцены. Не спасла и каллиграфия, которая зачастую выдает себя за суть. В момент просмотра многим кажется, что виртуозная каллиграфия и есть главное, есть искусство. Но это не так. Это нечто наработанное помимо воли, помимо задачи.

Когда я пытаюсь разрешить неразрешимое и ни одним ключом не могу открыть замок, я такую отмычку изобретаю, что она распаивает передо мной дверь. Она-то и есть новаторство — побочный продукт творчества.

А просто каллиграфия, внешние изыски, существующие сами по себе, ничего не дают. И хотя фильм «Мечтать и жить» многие поддерживали, оценили, я уверен, что он — мертв. Даже Тарковскому он вроде понравился. Он, наверное, щадил меня, потому что понимал, каков для меня его смертельный приговор.

То, что я говорю сейчас, из дня сегодняшнего, совсем не похоже на то, что я думал тогда. Тогда я мучительно, любыми способами искал выхода — не «шкурного», а выхода оптимального, с победой.

Искал, оказывается, впустую. Я понял, что налетел на систему, исключающую возможность полноценного творчества. И в борьбе с этой, мною еще не осознанной силой, я пытался решить локальные проблемы, наивно полагая, что чем совершеннее будет мое решение, тем больше оно устроит моих постоянных критиков. Но чем полнее я раскрывался как художник, тем очевиднее становился изгоем. Эта система откровенного авторитарного мышления отбрасывала меня — художник ей не нужен. Нужен служащий.

Сейчас мы как раз и боремся за преодоление авторитарного мышления. Стремимся обрести мышление личностное. Как только мы сумеем стать личностями, как только будет подорвана эта, казалось бы, незыблемая авторитарность, как только возможность думать, чувствовать, принимать самостоятельные решения станет достоянием каждого отдельного человека, мы сможем говорить о торжестве демократии и о настоящем искусстве. Потому что в системе авторитарного мышления само понятие искусства — бессмысленно. В том выморочном мире нужны лишь консервированные лозунги, которые по праздникам вынимаются из банки, как красная и черная икра, намазываются на бутерброд и съедаются в определенном количестве до следующего праздника.

Мое поколение — дети войны и послевоенных лет — наряду со страшными бедствиями, выпавшими на нашу долю, было воспитано на самых благородных, но слишком уж высоко витающих идеях. И пионерская организация, и комсомол внедряли в наше сознание некий оторванный от жизни и романтически препарированный идеал человека, гражданина. Мы, продукт этого воспитания, пытались искренне применить этот идеал в жизни, а он неприменим ни при каких обстоятельствах, потому что искусственный. И первое столкновение с реальностью многих просто убивало.

Теперь мы начинаем пробиваться к человеку, ибо пока человеческая личность не станет основой основ всей нашей жизни, многие начинания и деяния бессмысленны. Личность должна быть и средством, и целью, и оправданием всех наших действий.

Уничтожение моих картин касалось не только меня конкретно, как ни странно это звучит. Вырубалось под корень украинское поэтическое кино. В самых высоких инстанциях республики шла борьба с целым направлением в искусстве! Его называли носителем зла, отвлекающим от насущных социальных проблем. Был у нас на студии такой директор — А. Путинцев. Помню, как он декларативно заявлял: «Меня назначили, чтобы покончить с поэтическим кинематогра-

фом». На худсовете достаточно было кому-то встать и сказать: «Це поетично кино» — и все пути этому несчастному автору перекрывались. Это звучало как политический донос. Конечно, кинематограф все равно развивался, но в искаженном, страшно извращенном виде. И если мы хотим сегодня поднять уровень нашего киноискусства, восстановить естественный процесс его развития, мы должны помнить прошлое, дать оценку осознанным и неосознанным акциям. Повторись такое — катастрофа!

Народ выдвигает художника из своей среды. Не знаю, как это происходит, но именно народ, как кусок хлеба, делится талантом и памятью с некоторыми из своих представителей. Одного наделяет музыкальной чувствительностью, и он становится Чайковским, другого — поэтическим даром и делает Блоком, третьего — Эйзенштейном. Художник видит истину, и если он сумеет выразить ее, становится доверенным лицом народа.

Нам удалось выжить. Но этого мало. Теперь мы должны доказать, что обязаны были выжить и не потерять себя до конца. Я помню, когда было плохо, я научил себя, просто поставил себе цель, правило и метод существования — вычеркивать из памяти, из сознания все, что может привести к непоправимому, к инфаркту, например. Невозможно работать и жить, нося в себе ощущение закрытых, изуродованных картин. Единственный способ выживания — каждый день начинать с новой страницы, с чистого листа.

Я полон энергии — забыть, сровнять с землей, что было. Но как забудешь? И сколь это ни парадоксально, каждое поражение было для меня нестерпимой болевой точкой и со страшной силой выталкивало на другую орбиту. Поражение художника — жгучий нестерпимый стыд за то, что мог сделать и не сделал, предал себя, сфальшивил — могучий двигатель.

Я всегда считал себя человеком, запрограммированным на борьбу, мне кажется, в этом и есть смысл жизни. В схватке. В ней и силы черпаешь, и поражения рассматриваешь как возможность движения вперед.

Мне представляется такое сравнение. Фронт. Несколько линий обороны. Первый — окоп, второй, третий — наиболее безопасный. Режиссер — это человек, стоящий на передовой в малом, первом окопе по колено, в одной гимнастерке, в руках у него противотанковая граната, финка и один диск. И на него идет наступление. Хороший режиссер умирает, не сдав ни пяди земли. Пожуже — видя, что с ним сражается большая армия, отступает во второй эшелон, где еще сохранились запасы провизии и боеприпасов. Или вообще уходит в третий эшелон, где уже есть блиндажи и т. д. Насколько отступил, настолько плохо его кино. Все умиравшие в первом окопе — все поименно — в пантеоне наших великих мастеров. Эйзенштейн умер в этом окопе, Тарковский...

Каждый раз, когда идешь на компромисс, когда думаешь о «тылах» и советуешь себе не лезть на рожон — соберись внутренне и представь себе эту картину. Потому что в первом окопе — это навеки...

Эгмонтас ЯНСОНАС

К ПОРТРЕТУ НЕКРОШЮСА

Десять лет назад он поставил свой первый — дипломный — спектакль в нашем Молодежном театре, и все эти годы о Некрошюсе и его спектаклях, как сказал недавно Кирилл Лавров, создается, обрстая все новыми подробностями, легенда. К сожалению, даже широким кругам нашей театральной общественности его спектакли неведомы (театр Некрошюса, представьте, еще не гастролировал в Москве), и лишь недавно, после выдвижения Эймунтаса Некрошюса на Государственную премию СССР, Центральное телевидение показало его пятилетней давности постановку «Пиросмани, Пиросмани...». А в Вильнюсе за билетами на спектакли Некрошюса выстраиваются ночные очереди — кто с термосом приходит, кто с раскладушкой...

Я многократно смотрел все спектакли Эймунтаса и писал о них, а тут зашел к нему, неосмотрительно взявшись сделать беседу для «Юности», но... Я не очень умею спрашивать, предпочитаю слушать, Эймунтас же предпочитает помолчать, а если уж говорит, то о самом существенном.

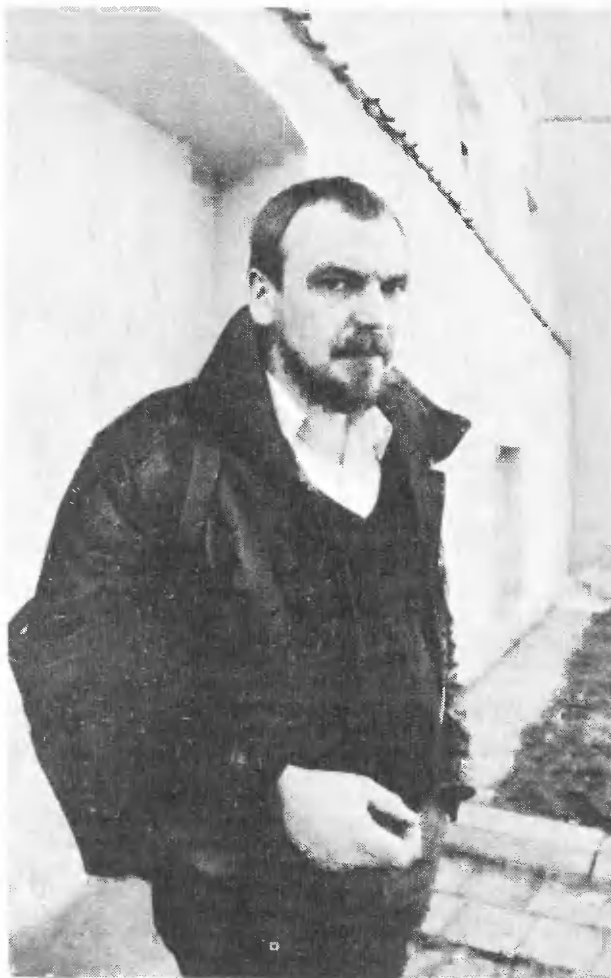
Есть такой анекдот из серии «про Некрошюса». В Молодежном театре репетируется комедия Ю. Эрлицкаса «Вликува» (к сожалению, так и не дождавшаяся по сей день премьеры, что-то там не получилось, хотя Эймунтас, как всегда, работал до полного изнеможения). Утром, в начале репетиции, автор, столь же «речистый», как и режиссер, предлагает что-то изменить в очередной сцене. Днем, часа через четыре, следует ответ режиссера: «А что, это можно попробовать». Актеры в восторге: ну, дают, ну, разговорились!

Бытует и мнение о нелюбви Некрошюса давать интервью, общаться с журналистами. А что поделаешь, если из Москвы приезжает корреспондент, в лучшем случае видит один спектакль (а чаще не видит: зачем, и так все ясно, он знает, он читал, ему говорили...) и начинает интервью-допрос: «А что вы хотели этим сказать?...». Едва убедившись, что приходится объяснять на пальцах, что дважды два четыре, Эймунтас тут же тихо «линяет», сославшись на занятость (а он действительно работает с утра до ночи), на плохое самочувствие (а он действительно не Голиаф) или просто советует: смотрите и увидите — там, в спектаклях, все сказано.

А смотреть спектакли Эймунтаса надо многократно. Это не постановки, которые рождаются на репетициях, а потом идут, идут — месяцами, годами... Вот, скажем, в спектакле «Дядя Ваня» заболел Ю. Поцюс, играющий Вафлю, и Эймунтас снимает спектакль (кстати, Ю. Поцюс и не актер, он завлит театра, но порядочный человек, что для театра Некрошюса немаловажно, и чертовски артистичен по своей натуре, что для Некрошюса тоже важно, — он не считает, что «на артиста» надо долго учиться). А спектакль снимает не потому, что в театре нет достойной замены (группа здесь — спасибо главрежу Дале Тамулявичюте — подобралась сильная, талантливая и разнообразная), а потому, что тогда надо по-другому решать спектакль. Ведь каждый человек несет в себе свою «систему» отношений, имеет свои биоритмы, «излучает» свои симпатии и антипатии, по-своему действует, конфликтует. Значит, замена актера — изменение спектакля.

В спектаклях Некрошюса — от замысла режиссера до максимально возможной его реализации — есть ступени для восхождения на вершину (из знакомого «широким кругам» «Пиросмани» — история радиоаппарата как средства выхода в мир; письмо как парафраз вечной «Песни песней»; сахарный дождь как материальная метафора тоски, одиночества, любви, надежды). По этим ступеням актеры и должны совершить восхождение — к спектаклю как метафоре самой жизни. Именно жизни всей, целиком...

Эймунтас каждый раз берет новую высоту, поэтому и столь редки его премьеры — ему, его актерам (со многими из них он два года учился на актерском отделении и уже режиссировал, помогал сокурсникам, не понимая, как можно лаять, ходить по-утиному — и все «по системе», которую у нас, кажется, преподают — по конспектам тридцатилетней давности; Эймунтасу еще повезло — он учился на руководимом Д. Тамулявичюте курсе, а не у наших профессиональных педагогов, столь мало общего имеющих с театром) нужен год-два для создания в себе нового, более глубокого понимания мира и человека. А для этого нужно соучастие Пиросмани и Шекспира, Айтматова и Чехова. Не из пьесы В. Коростылева исходил режиссер, ставя своего «Пиросмани, Пиросмани...». Он от нее отталкивался, используя не-

сколько известных легенд о художнике, он исходил из «ситуации» многих художников — Тулуз-Лотрека, Ван Гога, Чюрлениса, но проецируя ее через конкретную судьбу, через конкретные произведения Нико Пиросманивили. Его спектакль не история жизни Нико и даже не собирательный портрет многих художников с их трагической судьбой. Это метафора жизни человека, страдающего и счастливого, униженного и гордого, грешного и святого.

Что скрывать, спектакль создавался практически с нуля (текст Коростылева был лишь лесами, которые постепенно убирались), на репетициях, методом коллективной импровизации, направляемой Эймунтасом. Из действия рождалось слово. Вначале было действие. Слово же — его детище, его результат, итог. Говорить надо только тогда, когда нельзя не говорить, когда слово рождается в тебе самом, приобретает наивысшую цену и максимальный смысл (это и к сведению корреспондентов, жалующихся на «некоммуникабельность» Некрошюса). У Чехова, например, каждое слово на вес золота. Некрошюс, обозванный (после малословных «Квадрата», «Пиросмани», «И дольше века длится день») некоторыми нашими критиками чуть ли не гонителем слова со сцены, «обогатил» «Дядю Ваню» двумя чеховскими письмами. А текст «Пиросмани», рожденный на репетициях, занимал страничек 10—12, на которые косо посмотрели в Министерстве культуры: что за мини-песа, как платить? Да и текст этот появился чуть ли не в день премьеры. Так или примерно так рождались и «Квадрат», «И дольше века длится день»...

Эймунтас недавно вернулся из поездки в США. Полон впечатлений. Театральных в том числе. Видел много различных театров. Богатых и поскуднее. Великолепно оборудованные сцены, напичканные электроникой, машинерией, радио- и телеаппаратурой. Высока исполнительская техника, мастерство актеров (собранных часто из многих стран). И все же этот театр — помимо, поверх человека. Любопытно для глаза, ничего для сердца, для души. Интересно, как будет принят там наш Молодежный театр (его приглашают на гастроли), спектакли Эймунтаса с их безграничной любовью и верой в человека, спектакли о душе человека, о ее страданиях, победах и поражениях, спектакли со сложным, синкретическим, метафорическим языком, с их полифонией и гармонией, внутренней музыкальностью. Смеюся — приглашают Молодежный, а может поехать другой театр, более «представительный», более «широко известный» в тех кругах, которые решают, кому куда ехать.

Эймунтас рассказывает, что самый популярный человек в США — Михаил Сергеевич Горбачев: он видел в самом центре Нью-Йорка его громадные портреты. И тут же переходим на свои — домашние — дела. Я развиваю «теорию дуги», доказывая, что перестройка нужна «низам» и самому «верху», а между концами этой дуги плавают «середина» (учрежденческого — районного, областного, республиканского и даже союзного масштабов), глушащая токи, идущие от полюса к полюсу. Эймунтас вспоминает о встрече с сотрудниками нашей миссии при ООН и как, отвечая на вопрос о перестройке в Литве, он сказал, что до тех сфер, от которых зависит он, перестройка еще не дошла. Не на словах, а по сути. Вспоминаем, как на генеральной репетиции «И дольше века длится день» я со своими коллегами и студентами прятался на балконе, скрываясь от бдительного ока начальника репертуарно-редакционной коллегии Ю. Лозорайтиса, который побывался лишним свидетелем в зале и «лишних» сцен в спектакле (одну из сцен он все же убрал). Того самого Лозорайтиса, который тогда критиковал Некрошюса за забвение, игнорирование слова ради действия, а теперь написал хвалебную статью в «Советской культуре» под знаменательным — и несколько пародийным, если знаешь, кто писал, — названием «Только смелость». В ней он хвалит Некрошюса за... единство в его спектаклях слова и действия, ритуальной атмосферы и пластики. Наверное, тут сыграло свою роль выдвижение Эймунтаса на соискание Государственной премии СССР — ведь вот и «Советская Литва» более года после

премьеры отрецензировала «Дядю Ваню», набралась же смелости. (Правда, другая республиканская газета — «Тiesa» — до сих пор «не видит» Некрошюса; может, стоит ему поставить какую-нибудь пьесу А. Лауринчюкаса, главного редактора, вон некоторые поставили — и живут спокойно, в почете и уважении, но ведь не будет же он их ставить, он и от пьес лучше отказывается, его волнуют Айтматов, Шекспир, Чехов, его правда о жизни человека волнует.) Да, пристройка, перестроение, перестройка — все один корень... Живем...

Да, многие спектакли Эймунтаса рождались мучительно, должны были прорываться сквозь рогатки непонимания, перестраховки. Зритель, заклиненный на стандартном, общедоступном, «понятном» искусстве (таким взрастил его наш благополучный, «нормальный» театр последнего десятилетия, когда всего удобнее было «не высываться»), далеко не всегда побеждается спектаклями Некрошюса. Некоторым не интересен «И дольше века длится день» — ничего не происходит, никаких «событий», «конфликтов», ничего «красивого», никаких «героев». Другим (сам отвечал им в газете) рок-опера «Любовь и смерть в Вероне» кажется кошмарством, издевательством над самим Уильямом Шекспиром (им и в голову не приходит, что это самостоятельное произведение поэта С. Гяды и композитора К. Антанелиса, решенное иными средствами, в ином жанре, иной стилистике, и лишь сюжетно привязано к трагедии Шекспира).

Таким же кошмарством некоторым зрителям (да и критикам, «наизусть» знающим Чехова) кажется «Дядя Ваня». Разве такой дядя Ваня, такой Астров? Куда они нас зовут? Ну, что таким ответить, что докажешь! Разве поймут они обычное, каждодневное мужество дяди Вани — В. Петкявичюса, красоту Соии — Д. Оверайте, трагически-шутовскую гибель души Астрова — К. Сморгинаса, безысходность судьбы золотой рыбки в тесном аквариуме с застоялой, мутной водой Елены Андреевны — Д. Сторик, разве поймут тот ужас, тот мертвецкий холод «статуи командора», импотента и развратителя душ, тел и умов всех, кто с ним соприкасается, Серебрякова — В. Багдонаса?

В чем, спросите, современность такого «Дяди Вани»? В узнаваемости серебряковщины, напоминающей таинственный спид и всеисильной лишь при нашем бессилии. В узнаваемости в себе Астровых — их самодетства, срастания с единожды надетой маской. В узнавании себя в Дяде Ване, в Соне — в их стойкости, порядочности, достоинстве. В тех человеческих качествах, которые не один год девальвировались, заслонялись наглостью, агрессивностью, цинизмом, воплощенных в спектакле в тех трех полотерах, столь решительно выходящих на авансцену...

Не возмущались же критики такой чеховской постановки лет шесть-семь назад, видя «Вишневый сад» в Академическом театре драмы в постановке И. Бучене. Не возмущались потому, что там все было «правильно» — демаскировались представители уходящего класса — Раневские, Гаевы, критиковался кулак Лопухин, но росли, крепили прогрессивные силы будущих революционеров в лице недотепы Пети Трофимова. Не случайно одна из участниц этого «сада» после «Дяди Вани» была настолько взбешена, что требовала для Некрошюса и его артистов «высшей меры»...

Обо всем этом мы и говорим. Я слушаю, вставляю реплики, «подначивая» Эймунтаса. Знаю, что после «Литуаники» С. Шальтяниса, то есть после Нового года, он начнет работу над «Королем Лиром». Уже присматривается к актерам, прицеливается. Верит в них, любит, хотя и иронизирует, посмеивается над их тщеславием, интригами, капризами, штампами. Знает, что это несусветно. Знает, что почти любой из актеров Молодежного театра может многое, почти все. Я помалкиваю: убежден, что все они могут в спектаклях Некрошюса, что уже не раз доказали, становясь из актеров Артистами. Личностями.

Личность — основа театра Некрошюса. Личность творимая (образ) и личность творящая (артист) — для личности (зритель), соучаствующей, сопереживающей судьбам мира и человека. Ради этого и строит свой театр Эймунтас Некрошюс.

Николай ЧЕРКАШИН

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС

«Теперь на всю нашу работу надо смотреть через призму трагедии, случившейся с пароходом «Адмирал Нахимов»... И каждый из нас должен строго спросить: все ли я сделал, чтобы подобное больше не повторилось?»

Министр морского флота СССР
Ю. М. ВОЛЬМЕР

Он еще значился в расписаниях Черноморского пароходства. Но он уже никогда никуда не придет — пассажирский лайнер «Адмирал Нахимов»...

Эти заметки я начал писать в каюте спасательного судна СС-21. Военный спасатель стоит на якорях над лежащим на дне пароходом. Вторую неделю уходят на затонувший лайнер водолазы, вторую неделю возвращаются они на поверхность со скорбной ношей — телами погибших пассажиров.

Черные погоны моряков казались черными от горя. Вчера после душевной и тревожной ночи, проведенной в рубке водолазных спусков, мы с командиром спасательного судна курили у борта. В темную синь воды уходили шланги и тросы. На корпусе «Нахимова» работали водолазы. Следило осеннее солнце, безмятежно переблескивало голубое море. Не верилось, что здесь только что разыгралась крупнейшая трагедия в истории отечественного мореплавания, не верилось, что под нами, под бирюзовой рябью ласковой черноморской воды покоится гигантский восьмипалубный саркофаг.

Испуганно вскрикнула чайка... В полусотне метров от нас вынырнула из воды голова молодой женщины. Длинные рыжие волосы ее покрывали спасательный круг, на десять дней запоздавший спасти несчастную пассажирку. Он зацепился за шлюпбалку тонувшего парохода и только теперь, когда водолаз освободил его, вынес невольную свою пленницу на поверхность... И снова в глазах у моряков застыло безответное — почему? Почему все это случилось? Как могло такое случиться?!

* * *

Капитанов судили в первое весеннее полнолуние.

В зрительном зале одесского Дворца железнодорожников зрителей не было. Во всех рядах, черных от траура, сидели не зрители, а пострадавшие: вдовцы и вдовы, осиротевшие дети, родители, потерявшие детей... Их были сотни и сотни. А в застекленной выгородке скамьи подсудимых поднимались по порознь, то вместе бывшие капитаны «Адмирала Нахимова» и «Петра Васева» — Марков и Ткаченко. Марков — высокий, худощавый, в летах — держался по-капитански прямо, видимо, ощущая на своих плечах груз меньшей вины. Ткаченко — коренастый, чернющий — не поднимал головы и с трудом подбирал слова.

Марков Вадим Георгиевич родился в 1930 году. Рано лишился родителей, воспитывался в чужой семье. Окончил Одесское высшее морское инженерное училище. В 1964 году был направлен в Югославию для приемки головного танкера «Сплит», и с этого времени плавал на нем, вплоть до посадки танкера на мель. Несколько лет проработал в Англии начальни-

ком пассажирского отдела англо-советского пароходного общества.

На теплоходе «Леонид Брежнев» имел недостаточную материальную ценность. Однако уголовное дело против капитана Маркова было прекращено. Переведен с заграничных линий на внутренние. Назначен капитаном парохода «Адмирал Нахимов».

Женат. Сын учится в аспирантуре одного из одесских институтов. Жена — преподаватель географии. В 1980 году Маркову было присвоено звание «Почетный работник ММФ».

Арестован 3 сентября 1986 года.

Ткаченко Виктор Иванович родился в 1942 году в Хабаровске. Отец, осветитель Хабаровской киностудии, умер от туберкулеза в 1943 году. Сына вырастила мать, телеграфистка почтовой конторы. В 1961 году Ткаченко окончил в Одессе ремесленное училище и стал судовым мотористом. Через пять лет заочно окончил курс в среднем мореходном училище. В 1967 году поступил на заочное отделение Одесского высшего инженерно-мореходного училища и спустя пятьнадцать лет (после всевозможных академотпусков) в 1985 году (за год до столкновения) заочно окончил его с весьма посредственными баллами. Женат. Двое детей.

Арестован 2 сентября 1986 года.

ТКАЧЕНКО. Я решил, что «Нахимов» остановился, чтобы спустить лоцмана. Но пароход отвернул вправо.

Моя вина... Я должен был изменить ход. Но я считал, что поскольку вектор относительного движения проходит по корме, то мы нормально разойдемся.

Зубюк доложил мне: пеленг уменьшается медленно. Я спросил, берет ли он пеленг по одной и той же части корпуса «Нахимова». «Я беру переднюю часть надстройки», — ответил Зубюк.

СВИДЕТЕЛЬ ЗУБЮК. Обычно капитан был суетлив при входе в порт, а здесь — необычайно спокоен, хотя и торопился поскорее закончить рейс, чтобы получить соответственные премии.

ТКАЧЕНКО. Я считал, что «Нахимов» следует по створам, я подумал, что пароход уменьшает скорость. Запросил через Зубюка: «Куда идете и ваша скорость?»... Я не знал, куда идет «Нахимов» — в Одессу или на Кавказ. Диспетчер не сообщил. Под действием настоятельных требований вахтенного помощника с «Нахимова» стал стопорить ход. Поставил ручку телеграфа на «средний-вперед» и позвонил в машинное отделение: «Двигатель придется останавливать пусковым воздухом и давать реверс».

ВОПРОС ИЗ ЗАЛА. Почему вы сразу не дали задний ход?

ТКАЧЕНКО. Резкое изменение хода нервнрует механика. Чтобы не было лишней суеты в машинном... Чтобы четче отработал... После «средний-вперед» я дал «стоп». Затем «малый-назад», «средний-назад», «полный-назад».

ВОПРОС ИЗ ЗАЛА: А якоря? Почему вы сразу не отдали оба якоря?

ТКАЧЕНКО (растерянно). Я полагал, что под нами большие глубины... Да, конечно, даже если бы якоря сорвало на ходу, это бы нас задержало... Боцман уже пошел на бак... Но отдавать якоря брашпилем очень долго, мы бы не успели.

МНЕНИЕ МОРСКОГО ЭКСПЕРТА. Успели бы, если бы отдали якорь-цепь на свободный ход. Якоря боялись потерять, не иначе. Только этим можно объяснить такой просчет.

ПРОКУРОР. Вы объявили общесудовую тревогу до столкновения или после?

ТКАЧЕНКО. После.

ПРОКУРОР. А по правилам вы должны были объявить ее сразу, как только ситуация обострилась. Тогда бы и ваши мотористы действовали бы более собранно. Ведь в машине никто не знал об опасном сближении. Почему вы вторично не позвонили в машинное отделение и не поторопили механика?

ТКАЧЕНКО. Я не хотел его нервировать. И кроме того, я наблюдал за «Нахимовым» и искал ответ на вопрос, что я еще могу сделать. Как только винт заработал назад, я дал три гудка. (Сигнал о заднем ходе. — Н. Ч.) Оставалась минута... Пароход продолжал следовать перпендикулярно нашему курсу. Первый удар — я видел — пришлось ближе к корме по фальшборту.

Ю. ВЫШАРЕНКО, СВИДЕТЕЛЬ, КУРСАНТ-ПРАКТИКАНТ ОВМИУ: Я стоял на правом крыле мостика «Нахимова» и видел, как стремительно приближается бак «Васева». Я подумал, что будет сильный удар и потому заранее схватился за тумбу телеграфа... Форштевень сухогруза выскочил искр и плавно, мягко вошел в борт «Нахимова». Мы все устояли на ногах. Тут на крыло мостика прибежал вахтенный помощник Чудновский, перегнувшись через леер и стал смотреть, что случилось. Подошел Марков и обругал Чудновского. Тот в истерике закричал: «Но он же обещал нас пропустить?!»

ЛЮДМИЛА АНДРЕЕВНА БОГДАНОВА. Я и еще две подружки из нашей тургруппы стояли на площадке перед коктейль-холлом. Мы собирались на шоколадный коктейль. А пока курили и смотрели сверху на палубу, где шел концерт для ветеранов. Представляли танцы народов СССР. Кто-то лихо отплясывал «лезгинку»... Мне надо было разменять 50 рублей, и я открыла косметичку, чтобы достать купюру... Вдруг — толчок. Погас свет. Сразу же смолк эстрадный оркестр, оборвав мелодию. Темнота и тишина. Стало жутко. Но тут зажегся аварийный свет, и все внизу зашевелились, засуетились... Второй толчок... Кто-то закричал, кто-то упал. Я, трусиха, уцепилась за перила.

Откуда-то побежали матросы в оранжевых жилетах... У меня теперь оранжевый цвет жуть вызывает... Мы им кричим: «Что случилось?» «Ничего! Всем на левый борт!»

Успела сделать два шага, как палуба поехала из-под ног. Я, когда боюсь, хватаюсь за что попало — намертво. Вцепилась за поручень трапа. Это и спасло, потому что пароход с чудовищным грохотом стал валиться на правый бок. Все, что могло лететь, летело: скамейки, бочки, люди... Я висела, а подо мной высота была, как из-под купола цирка. А в руке косметичка зажата. Так с ней и ушла под воду. Вместе с пароходом. Я плавать не умею, а отцепиться боялась. Воздух в груди стал кончатся, я полезла вверх — руками ступеньки перебираю, но бьюсь головой о какое-то железо. Все же доползла до края. А там — пробкой наверх. Выбросило. Очки потеряла. Руками по воде бью — тону. Но, наверное, бог послал мне две доски. Они всплыли рядом, с гвоздями. Я ухватилась за них. А рядом — метрах в пяти — спасательный плотик. Мне кричат с него — «Плыви сюда! Доски брось, а то гвоздями пропорешь!» А я и этих пяти метров проплыть не могу, доски выпустить страшно. Наверное, меня волной поднесло. Мест на плотике уже не было. Я держалась за веревку, опоясывавшую плотик. Вокруг еще человек десять. Держусь, не выпуская косметичку. Пальцы не разгибаются.

Рядом женщина меня успокаивает: «Девушка, держитесь! Раз выплыли, нас спасут».

Вдруг черная стена надвигается. Это сухогруз на нас шел. С плотика закричали, даже ракету выпустили в его сторону. А он все равно прет, ничего не видя. Даже свет не включил. Все, думаю, это судьба. Раздавит. Но нас отбросило отбойной волной. Пронесло! Прошло еще несколько часов. Я болтаюсь у плотика. Сил больше нет. Чувствую: все, сейчас уйду ко дну. Лучше сейчас, чего зря мучиться.

Мужчина, рядом держался, кричит на плотик: «Эй, девушке плохо!» Меня втащили, и тут я потеряла сознание. Вдруг слышу: «Ну, вот еще одна... Могла бы и там помереть». Открыла глаза и на всю жизнь запомнила это лицо, того, кто сказал.

Потом подошел какой-то катер. Нас подняли на борт. Кто на ногах не стоит, кого рвет, краски наглотались... Промерзли. Моряки снимали с себя одежду — нам отдавали.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ КАПИТАНА МАРКОВА. В 22 часа мы отошли от причала. После прохождения буй Пенайской банки, я передал управление судном вахтенному помощнику Чудновскому. Ушел в каюту. Посмотрел в иллюминатор: судно справа не увидел, задернул шторы и пошел мыть руки. Затем сел читать роман «Воспламеняющая взглядом». Это об экстрасенсах. Вскоре услышал три коротких гудка. Минуты полторы я думал: чьи они? Решил, что подавать их может только «Петр Васев». Я сразу выскочил на мостик, надевая на ходу рубашку, и бросился на правое крыло. Увидел большое судно, идущее на нас...

ИЗ ПОКАЗАНИЯ РУЛЕВОГО «НАХИМОВА» матроса Е. СМЕРНОВА. Марков появился на мостике после столкновения. Он пришел из штурманской рубки. Капитан был в форменной рубашке и на ходу надевал брюки...

ОДЕССКИЙ ЖУРНАЛИСТ ФЕЛИКС ЗИНЬКО. Маркову бы еще постоять, ну хотя бы пока судно не пройдет траверз мыса Дооб, где надо поворачивать на новый курс. Но капитан торопился в пассажирскую каюту «люкс». Там его ждал почетный гость, из-за которого, кстати, отход судна был задержан на целый час...

ВОПРОС ПРОКУРОРА. В вашей каюте, гражданин Марков, был прибор, который повторяет показания giroкомпаса. Почему вы не следили по нему за маневрами Чудновского?

МАРКОВ. Репитер giroкомпаса загорожен в каюте книжным шкафом. Чудновский опытный штурман. Я ему доверял. После столкновения я велел ему собрать необходимые документы. Тело Чудновского водлазы нашли в его каюте.

По удару я почувствовал, что наше судно получило большие повреждения. Но я не думал, что оно затонет так быстро... Я послал людей осмотреть пробойну и доложить о результатах столкновения. Вниз ушли старпом А. Маглыш, главный механик И. Дехтярев, старший механик Г. Юркин и матрос Фахретдинов. (Все они не вернулись, погибли вместе с пароходом. — Н. Ч.)

«Нахимов» еще двигался по инерции. Я дал команду рулевому: «Лево на борт!» При этом имел в виду выбросить судно на прибрежную мель с целью его спасения. Рулевой ответил: «Судно руля не слушается». Я еще раз повторил: «Лево на борт!» И тут полное обесточивание.

ВОПРОС ПРОКУРОРА. Почему вы не объявили общесудовую тревогу? Это сразу бы активизировало действия экипажа по спасению пассажиров.

МАРКОВ. Судно было обесточено. Я объявил голосом «шлюпочную тревогу».

ВОПРОС ПРОКУРОРА СВИДЕТЕЛЮ Н. НИКИТИНУ. Как долго горело освещение после столкновения и потом, когда включился аварийный генератор?

Н. НИКИТИН, НАВИГАТОР ПАРОХОДА «АДМИРАЛ НАХИМОВ». После столкновения основной свет горел до минуты. Аварийное освещение — тоже около минуты.

ПРОКУРОР. Сколько секунд надо, чтобы объявить общесудовую тревогу?

НИКИТИН. Несколько секунд.

Поколебавшись, Никитин делает убийственный для своего бывшего капитана вывод: «Да, могли бы успеть дать аварийную тревогу».

ВЫПСКА ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ПРИВЛЕЧЕНИИ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО ГР. В. Г. МАРКОВА. «...Зная о следовании пересекающим курсом т/х «П. Васев», не определил лично порядок расхождения с ним, не организовал должное наблюдение за судном, позволяющее полностью оценить ситуацию и опасность столкновения, допустил опасное сближение парохода «Адмирал Нахимов» с теплоходом «Петр Васев»... Не принял всех возможных мер по спасению пассажиров и экипажа. Не потребовал от вахтенного помощника Чудновского и не объявил сам всеми имеющимися у него средствами — тифон, паровая сирена — ни общесудовую, ни шлюпочную тревогу...»

Никто не застрахован от кораблекрушения, даже если оно происходит в столь простейших условиях. Но вот что горько и вот что непростительно: оба ка-

питана не приняли всех мер к спасению пассажиров. Марков не объявил ни общесудовую, ни шлюпочную тревоги тогда, когда это было еще возможно. Его пассажирский помощник Просвирин вообще уклонился от своих обязанностей по спасению туристов. Он одним из первых занял место в плотике да еще не пустил туда тонущих женщин. И это тогда, когда девчонки-бортпроводницы, рискуя жизнью, бросались в нижние палубы выводить пассажиров, раздавали спасательные жилеты, не оставляя себе ничего. Так погибли Лена Немич, Лена Кучеренко, Люда Токарская, Тана Федосова, Света Рожкова — девятнадцать девушек из пассажирской службы. Верный своему моряцкому долгу электрик Александр Долинский сбрасывал с верхней палубы спасательные плотики — один, второй, третий, четвертый... Пока он спасал других, погибли его жена и сын, взятые им в роковой рейс. Сколь омерзительно на этом фоне поведение пассажирского помощника. Потом на берегу члены экипажа «Нахимова» проголосуют на открытом партийном собрании об исключении Просвирова из рядов КПСС за трусость и шкурничество, проявленные во время кораблекрушения. Но преступное бездействие пассажирского помощника подлежит и уголовному наказанию. Его место — на скамье подсудимых.

Нельзя сказать, что экипаж «Петра Васева» ничего не сделал для спасения тонущих людей. Да, были сброшены все плотики, спущены парадный и лоцманский трапы, свесили с бортов штормтрапы, всевозможные концы и тросы...

ТКАЧЕНКО. Мы спустили мотобот и весельную шлюпку... Я направил «Васева» малым ходом, чтобы подойти как можно ближе к месту гибели «Нахимова». Старпом предупредил, осторожнее, не напороться бы на затонувший корпус. Шлюпки и мотобот подбирали людей. 37 человек и один труп подняли на «Васев». Это не считая тех, кого «васевцы» передали на подошедшие катера. Ветер усилился, гребцы не выгребали и, чтобы не потерять шлюпку, мы подняли ее на борт. Подняли и мотобот, на нем кончилось масло и заглох двигатель.

ВОПРОС ИЗ ЗАЛА. Почти целый час «Васев» был единственным судном на месте катастрофы. Именно в этот час погибла основная масса людей, не умеющих плавать, слабых, пожилых... Почему вы, Ткаченко, не заменили масло в двигателе мотобота, не сменили уставших гребцов свежими и снова не спустили свои плавсредства на воду?

Ответ был невразумителен.

ВОПРОС ИЗ ЗАЛА. Почему вы не встали в точке гибели парохода на якоря? Если бы вы это сделали сразу, «Васеву» не пришлось бы маневрировать и подвергать людей на воде новой опасности быть затянутыми под винты вашего сухогруза.

ТКАЧЕНКО. Когда вызвали боцмана на бак, глубины были еще большие.

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА. Глубины в районе затопления «Нахимова» позволяли встать на якорь.

Н. СКАКУН, котельный машинист с «Нахимова». Вы шли по нашим головам. Вы даже не выставили впередсмотрящего, не включили прожекторы. Я связал линем два плота. Но «Васев» шел прямо на нас, я успел отдать линь, и плоты разбросало по бортам балкера. Ваше судно должно быть оборудовано носовым прожектором, так называемым «прожектором Суэцкого канала». Почему вы его не включили?

ТКАЧЕНКО. У нас его не было. Не предусмотрено конструкцией судна.

ЛЮДМИЛА КОТЛЯРОВА, сотрудник бюро информации на пароходе «Адмирал Нахимов». Я увидела, как на нас надвигается огромное судно. Это был «Петр Васев». Он шел по живому морю — столько барахтались люди. Он шел по головам и плотикам. Темный и безлюдный, как Летучий Голландец.

ЛЮДМИЛА АНДРЕЕВНА БОГДАНОВА. В мостик «Петра Васева» с плотика стреляли сигнальными ракетами, чтобы обратить внимание на то, что судно давит людей.

Поневоле напрашивается вывод: цепь всевозможных нарушений и ошибок капитана Ткаченко печально продолжилась и после столкновения, капитан и его

экипаж спасали гибнущих людей пассивно, вяло, нерасторопно, щадя свои силы, свой судовый инвентарь: якоря и шлюпки.

Одесса, ты готовишь плохих капитанов!

Я бродил по одесским улицам, приглядываясь к жизни города. Одесса жевала пиццу, слушала пение скрипки под шипение свежего пива в «Гамбринусе». Одесса готовилась к первоапрельской юморе и делала вид, что трагедия, разыгравшаяся у Дообского маяка, — это новороссийская трагедия. Одесса старалась не замечать женщин в черном, поселившихся на время в «Пассаже», как не заметила она и выход в море прогулочного катамарана «Хаджибей» с родственниками погибших на «Нахимове». Капитан плавающей дискотеки, не получив никаких инструкций насчет этого рейса, пустил по трансляции экскурсионную пленку с обычной похвальбой насчет производственных успехов Черноморского пароходства.

Суд над бывшими капитанами продолжался более двух недель. Следственное дело составило 55 томов...

ТКАЧЕНКО. Да, виноват. Во всем виноват... Расстреляйте меня! Только пусть они... (кивок в сторону зала)... Пусть они не проклинают моих детей. Они не виноваты!..

Тут Ткаченко захлопал себя ладонью по темени, чтобы отвести от своих детей проклятия пострадавших матерей. Говорят, есть такое поверье. Он раскачивался и хлопал себя по голове.

Судья встревоженно спросил:

— Как вы себя чувствуете, гражданин Ткаченко?

— Хорошо! — Со стоном ответил бывший капитан.

Адвокат попросил суд прервать заседание и подвергнуть своего подзащитного новому медицинскому освидетельствованию.

Заседание было прервано. Через несколько дней суд возобновил работу. Врачи признали Ткаченко психически здоровым.

ВОПРОС ИЗ ЗАЛА. Скажите, гражданин Ткаченко, если бы «Петр Васев» получил такую же пробойну, как «Нахимов», что бы с ним было?

ТКАЧЕНКО (уверенно). Сухогруз остался бы на плаву.

Главный механик «Адмирала Нахимова» И. Дехтярев после докования парохода в Болгарии обращался к главному инженеру Черноморского пароходства Бондареву с докладом о низком техническом состоянии судна. Но это ни для кого не было новостью. Уже несколько лет шел разговор о списании «Нахимова». В середине навигации 1985 года на пароходе остановился дизель-генератор. Доложили руководству Черноморского пароходства. Однако дизель-генератор не заменили. Зачем менять, если пароход все равно идет на списание?

Одноканальная внутрисудовая трансляция на «Нахимове» не соответствовала нормам Регистра. Свыше 3 тысяч заклепок в судовом корпусе нуждались в замене. Многие водонепроницаемые двери давно потеряли свою герметичность. Перечень всех неисправностей займет, наверное, добрый том судебного дела. Но и без него ясно, что выпускать в плавание шестидесятилетний пароход, военный трофей, поднятый со дна морского, изрядно поветшавшее судно с искусственно повышенной пассажировместимостью — 1096 человек туристов и 302 члена команды — это ли не авантюра? К сожалению, на скамье подсудимых пустовали места тех, кто, зная истинное положение дел на «Нахимове», выпустил пароход в последнее плавание, ставшее последним для 423 человек.

Встать, суд идет!

Верховный Суд СССР признал бывшего капитана сухогруза «Петр Васев» Ткаченко Виктора Ивановича и бывшего капитана парохода «Адмирал Нахимов» Маркова Вадима Георгиевича виновными в преступлении, предусмотренном частью первой статьи 85 Уголовного кодекса РСФСР и, учитывая особую тяжесть совершенного преступления и исключительно тяжкие последствия трагедии, приговорил к пятнадцати годам лишения свободы каждого.

В Одессе судили не только двух бывших капитанов, судий расхлябанность, преступную самонадеянность, небрежение трудовой дисциплиной. Прошло время

житейской мудрости: «Не ошибается тот, кто ничего не делает». Слишком страшна цена ошибок тех, кто стоит сегодня у штурвалов и пультов, повелевая скоростями и энергиями века. Чернобыль и «Нахимов» — уроки горькой мудрости. Понятие «авось», введенное в современную промышленную ли, транспортную систему, тотчас же превращается во взрыватель замедленного действия, обрекая на гибель десятки, а то и сотни людей.

Передо мной лежит письмо, присланное в редакцию из Кронштадта. Написал его один из старейших наших капитанов дальнего плавания (двадцать лет на мостике), Г. Д. Якобашвили.

«Уважаемые товарищи! За последние четыре года водный транспорт СССР понес четыре тяжелые утраты: теплоходы «Механик Тарасов», «Александр Суворов», «Михаил Лермонтов», из которых самая печальная — гибель парохода «Адмирал Нахимов».

Изучая документы, обращаясь к своему капитанскому и жизненному опыту, невольно приходишь к выводу, что в подобных происшествиях есть некоторая трагическая закономерность.

Любое судно проектируется и строится под надзором Регистра СССР, чей девиз «Безопасность мореплавания, охрана человеческой жизни на море, надежная перевозка грузов».

Любое пассажирское морское судно рассчитано таким образом, что при затоплении двух любых смежных отсеков оно должно оставаться на плаву, то есть предохранять от затопления обязаны оставшиеся целыми водонепроницаемые переборки, а спасательные средства с каждого борта должны обеспечить спасение пассажиров и экипажа.

Теплоход «Андреа Дориа», получив от быстроходного пассажирского лайнера «Стокгольм» повреждение, аналогичное «Адмиралу Нахимову», тонул восемь часов, успев полностью использовать свои спасательные средства. При этом погибли всего 45 человек.

Пароход «Адмирал Нахимов» в летнем Черном море, при температуре воды плюс 23 градуса, умеренном волнении и ветре, затонул за 7—8 минут, потеряв свыше 400 человек пассажиров и экипажа. И это в двух милях от берега! В чем же дело?

За последнее время у инженеров-инспекторов Регистра СССР появилась некая обтекаемая формулировка: «Заявлений от экипажа не последовало». А у инспекторов Портового надзора, ведающих разрешением на право отхода судов в море и подчиненных службе капитана порта, своя отписка: «Под ответственность капитана».

В итоге суда выходят в море неукomплектованные топливом, смазкой, продуктами питания, запасными частями, судовыми экипажами, спасательным инвентарем и снабжением. Особенно это касается судов не заграничного плавания. Под давлением судовладельцев капитан и команда вынуждены иной раз выходить в море без штурмового запаса топлива и смазки. Задабривать, уговаривать, обманывать контролирующие отходы органы и службы, которые, в свою очередь, «понимая трудности», поддаются уговорам, «не замечая» перетаскивания с судна на судно мешков с пиротехникой, перекаладывания из шлюпки в шлюпку аварийного имущества, просроченных и неправильно закрепленных спасательных плотов, опломбированных плоскогубцами боцманом, а не представителем станции перекладки.

Капитан, в свою очередь, изображает гостеприимного хозяина, отвлекая внимание проверяющих журнальными анекдотами.

Капитан умалчивает, что у него текут и не спускаются шлюпки, аварийное имущество просрочено и его недостает, палуба — решето, радиолокаторы старые и плохо работают. Механики обливали все свалки в поисках запасных частей. Уборкой заниматься некому. Рефрижераторная работает с перебоями, и добытые с трудом продукты всегда под угрозой порчи. Направленная за несколько часов до отхода большая часть команды не знает судна, судовых расписаний, обязанностей по тревогам. Начальник радиации пьяница, и можно каждую минуту остаться без связи. Замены нет. В кадрах разводят руками: «Воспитывай, капитан!..»

Все это невидимые миру слезы. И капитану некому жаловаться, ибо проверяющие и без него знают: это еще полбеды, брызги, как говорится. Есть вещи посерьезнее. Взять хотя бы рейсовые задания. Сплошь да рядом они рассчитываются по данным «с потолка». Такой, мягко говоря, приблизительный расчет вынуждает капитана нарушать предписанную скорость, а значит, пренебрегать безопасностью мореплавания.

Моряки не любят жаловаться, приучены терпеть. Советские моряки в особенности. Стыдно признаться порой в ничтожной кредитоспособности. Придя из многомесячного рейса, получив скопом деньги, да еще прихвастнув, — гуляет моряк с российской широтой и щедростью. И посему бытует мнение о «золотых россыпях» на флоте. Но какие они, эти «россыпи»?

Береговой станочник-специалист средней квалификации при двух выходных днях, жене, детях и всех береговых благах, с ежедневной сменной психологической обстановки: не качаясь, не испытывая перепады давления в тайфуны и ураганы, не рискуя жизнью, получает в среднем 160 рублей в месяц. Судовой токарь-моторист (при условии совмещения профессии) имеет оклад от 135 до 155 рублей в месяц.

За последнее время сложились «традиции», в которых диспетчерские порта дают указания по радиотелефону «пропустить того, подождать этого, увеличить скорость, пройти скорей». Причем это не всегда в форме совета или рекомендации. Судоводители, особенно капитаны, не желающие портить отношения, настолько к этому привыкли, что из страха прослыть строптивыми стали забывать, что ответственность за судно диспетчер не несет.

Капитанам надо дать власть, предписанную им Уставом. Считаться с ними, поддерживать, избавить от мелочной опеки, верить им».

Спустя два месяца после трагедии в Цемесской бухте в Одессе состоялось собрание партийно-хозяйственного актива Черноморского пароходства. Оно прошло под девизом «Восстановим доброе имя пароходства». Начальник ЧМП В. В. Пилипенко заявил:

— С 1981 по 1986 год освобождены от должности или сами ушли из пароходства 105 капитанов. Слишком много начальников появилось у капитана, большинство из них не помогает, а только требует. Капитаны сегодня перегружены различного рода циркулярными указаниями, отчетами, справками. На фоне всех этих многочисленных «требований», а они исчисляются не одним десятком, притупляется чувство ответственности за главное дело капитана — безопасность судна, груза, людей.

Начальнику пароходства возразил министр морского флота СССР Ю. М. Вольмер.

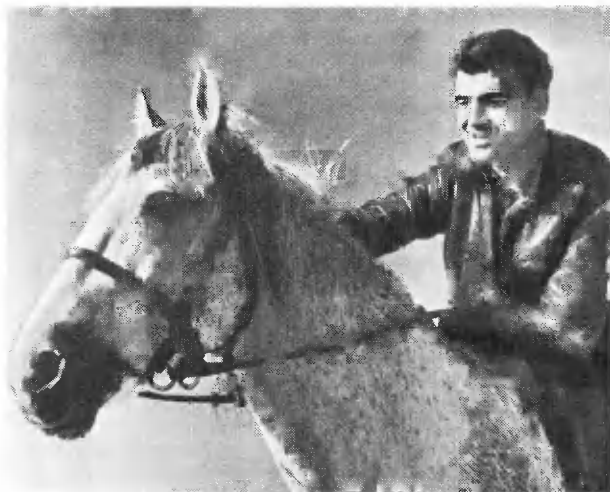
— Анализ аварийности на флоте, — сказал министр, — показывает, что 60 процентов аварий и аварийных случаев происходит по вине капитанов, причем вовсе не из-за их усталости и задержанности, а по причине безответственности, халатного отношения к своим обязанностям, пренебрежения хорошей морской практикой. Мы не должны впредь облекать доверием людей, скомпрометировавших себя в должности капитана. Ряды капитанов должны быть чисты. Капитаны имеют право не выходить в рейс, если судно к нему не готово, если нет уверенности в обеспечении безопасности мореплавания.

Справедливости ради надо сказать, что кое-что для этого уже сделано. Проведено внеочередное освидетельствование судов, имеющих возраст свыше 20 лет. После тщательного изучения экономической и технической целесообразности дальнейшей эксплуатации устаревших пассажирских судов разработаны предложения по их списанию и пополнению пассажирского флота.

Воистину, пока гром не грянет...

«Ваш курс ведет к опасности!» — есть такой флажный сигнал на морях. И он требует ответа: «Ясно вижу. Меняю курс на столько-то градусов». Капитаны погибших за последние годы кораблей вольно или невольно подняли тревожный набор флагов перед Министерством морского флота СССР.

Новороссийск — Одесса.

Геннадий ШПАЛИКОВ

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРОКИ

Ему теперь исполнилось бы пятьдесят лет.
В единственной изданной книге киносценариев и стихов Г. Шпаликова есть рисунок. Автор за пишущей машинкой сидит посередине улицы, аптека, городская толпа, женщина в окне, девочка с воздушными шарами, чернильница, перо, пивная кружка, из машинки вылетают фотографии попеременно с листками стихов...

Я к вам травкою прорасту,
Попробую к вам дотануться,
Как почка тянется к листу,
Вся в ожидании проснуться...

Остаются жить не только изданные книги, но и рукописные.

У Шпаликова такая книга есть. Сегодня она раскрывается для нас на новых страницах. Один из первых шагов для этого был сделан публикацией киносценария «Все наши дни рождения», написанного совместно с Сергеем Соловьевым в журнале «Искусство кино» № 11, 1986 г. Верится, что будут и другие.

Публикуемые стихи принадлежат книге Геннадия Шпаликова, которую еще только предстоит издать и по-новому прочитать. В ней, конечно же, будут соседствовать его киносценарии, его стихи и песни, его романы, написанные, потерянные и найденные им и уже, к сожалению, не им. В этой книге, наверно, тоже будет рисунок, и Шпаликов на нем снова будет сидеть в городской толпе, среди людей, среди воздушных шаров, среди стихов, ведь по-иному его трудно представить.

О. ФЕЛЬДМАН

Снег в апреле

И я вступаю, как во сне,
В летящий на закате снег.
Уже весна. Летит прощально
Над миром света пелена.
Любимая удивлена,
По телефону сообщая,
Что выпал снег.
Как описать его паденье,
Замедленный его полет?
Да, снег идет не в наступленье,
Он отступает, но идет.

Летит он тихий, ненахальный,
Иной у снега цели нет —
Чтобы рукою помахали
Ему, летящему, вослед.

Колыбельная

Спят в диване валенки
И галоши спят.
Ты усни, мой маленький,
Бледнолицый брат.
Сном объаты площади,
Летний сад молчит,
И на медной лошади
Медный всадник спит.

☆☆☆

Павлу Финну

Что за жизнь с пиротехником,—
Фейерверк, а не жизнь,
Это адская техника,
Подрывной реализм.

Он веселый и видный,
Он красиво живет,
Только он, очевидно,
Очень скоро помрет.

На народном гулянье,
Озарив небосклон,
Пиротехникой ранен,
Окочурится он.

Я продам нашу дачу,
Распродам гардероб,
Эти деньги потрачу
На березовый гроб.

И по рыночной площади,
Мимо надписи — «стоп» —
Две пожарные лошади
Повезут его гроб.

Скажут девочки в ГУМе,
Пионер и бандит —
Пиротехник не умер,
Пиротехник погиб.

Песня из пьесы

Лают бешено собаки
В затухающую даль,
Я пришел к вам в черном фраке,
Элегантный, как роуль.
Было холодно и мокро,
Жались тени по углам,
Проливали слезы стекла,
Как герои мелодрам.
Вы сидели на диване,
Походили на портрет.
Молча я сжимал в кармане
Леденящий пистолет.
Расположен книзу дулом
Сквозь карман он смог стрелять,
Я все думал, думал, думал —
Убивать, не убивать?
И от сырости осенней
Дрожи я сдержать не мог,
Вы упали на колени
У моих красивых ног.
Выстрел, дым, сверкнуло пламя,
Ничего уже не жаль.
Я лежал к дверям ногами —
Элегантный, как роуль.

Публикация Д. ШПАЛИКОВОЙ

ЕГО ОШИБКА...

«О вы, которые уснули меж двадцатью и сорока...»

Эти строки Леонида Мартынова написаны задолго до того, как не стало Гены Шпаликова. Они о поэтах всего мира, с которыми жизнь обошлась незаслуженно жестоко, а потом, когда их вдруг не стало, схватилась за голову и запричитала в запоздалой любви.

Когда не стало Геннадия Шпаликова, все схватилось за голову. Все, кто его любил. А любили его многие — и киношники, и художники, и писатели. Он был слишком нежен и светел — Гена, прикрывающий простуженное горло шарфиком.

Никто не думал, что однажды этот шарфик затянется на его горле. Никто не думал, что он не выдержит. Чего? Вероятно, того же, что и Маяковский, — одиночества. Одиночества на людях, одиночества в семье, одиночества в себе.

Художнику бывает необходимо уединение, когда он один с собой и одновременно со всем человечеством. Но одиночество для художника жизнеопасно.

Мы прилетели с Михаилом Рошиным с КамАЗа, заскочили перекусить в наш писательский клуб и с разбегу, из дверей уткнулись в только что выставленный некролог. Шпаликов...

Дней десять — пятнадцать назад он просил одолжить ему десятку, а у меня была только трешка, и мы взяли кофе с дежурными бутербродами, и он говорил, что после долгого молчания начал писать какие-то куски — легко, быстро и много — и уже чувствует, как они друт с другом срастаются, значит, что-то получится новое, и, пожалуй, надо куда-нибудь смотаться, спрятаться, чтобы власть пописать...

Среди того, что оставил Шпаликов, обнаружили стихи. Никто не знал, что он Поэт.

А знал ли он сам? Боюсь, что нет. Он писал стихи «для себя» — это была тайная любовь, которую он хранил ото всех. Эта любовь оказалась прекрасной.

При его жизни была известна одна его песня — из фильма. Она была настолько популярна, что об авторе сразу забыли, песня пелась как народно-студенческая.

Пароход белый-белечский,
Дым над красной трубой.
Мы по палубе бегали,
Целовались с тобой.

Пашнет палуба клевером,
Хорошо, как в лесу,
И бумажка наклеена
У тебя на носу.

Ах ты, палуба, палуба,
Ты меня раскачай,
Ты печаль мою, палуба,
Расколи о причал...

Песня ни о чем — песня обо всем. О любви, о чистоте, которая выплеснула в начале шестидесятых таких талантливых ребят, как Гена Шпаликов.

Его талант был ясен с первых шагов. Фильмы «Мне двадцать лет» Марлена Хуциева и «Я шагаю по Москве» Георгия Данелии сразу же поставили Геннадия Шпаликова в ряд ведущих кинодраматургов.

Но я не о кино — о стихах.

Передо мной небольшая пачка его стихов. Под стихами даты 1963... 1964... 1974...

Как жаль, что он никогда не читал своих стихов. Может быть, стеснялся? Не умел?

Он всегда был тих и застенчив. Как-то малозаметен. Никогда не выпячивал себя, как иные знаменитости. Особенно в последнее время жизни.

Что творилось в нем? Что в нем происходило?

А что творилось и происходило, объясняли после его смерти стихи. Он искал выход:

Пустые улицы раскручивал,
Один или рука в руке,
Но ничего не помню лучшего
Ночного выхода к реке.

Когда в заброшенном проезде
Открылись вместо тупика
Большие змийные созвездья
И незамерзшая река,
Все было празднично и тихо
И в небесах, и на воде,
Я днем искал похожий выход
И не нашел его нигде.

Слышите — человек днем выхода найти не мог! В жизни — не мог. Что же никто не помог? Почему надо было уйти в ночь, чтобы найти? Выход — из трудного состояния, из одиночества — давали только стихи. Больше Геннадию Шпаликову не на кого было рассчитывать.

Да, да, он не знал, что он поэт, но у него был единственно возможный выход — стихи. Предать могут женщины, друзья могут предать, стихи никогда.

Какая быстрая жизнь, какое долгое прощание с теми, кто вместе с тобой вдыхал воздух и выдыхал время!

Я не хочу утверждать (по крайней мере пока что), будто мы последние из могики, но у нашего поколения никогда не было циничного пренебрежения к женщине и амикошонского отношения к старшим. Отсутствие этих свойств надолго сохранило романтический ареал нашего поколения, распространение этих свойств у нынешней молодежи рождает тревогу не только за их искусство, но и за них самих.

Гена Шпаликов был романтик. Тихий романтик — то есть романтик из романтиков. Чувствительность, с которой он воспринимал жизнь и переносил ее на бумагу, предполагает полное отсутствие кожи — он чувствовал радость и боль всеми обнаженными нервами — всеми фибрами души.

Однажды в телевизионной передаче, где Сергей и Татьяна Никитины пели песни на стихи Шпаликова, ведущий эту передачу Эльдар Рязанов очень хорошо и точно сказал об импрессионизме чувств Шпаликова. Он действительно из незаметных нюансов настроений и деталей, из двух-трех фраз и взглядов способен создать тонкую атмосферу нашего времени — времени уже ушедшего и неповторимого, хотя многие певцы этого времени еще далеки от возраста патриарха и полны сил.

Шпаликов — одна из самых нежных красок, мазков на групповом портрете нашего времени.

...Редает круг друзей, но — позови,
Давай поговорим, как лицесты —
О Шиллере, о славе, о любви,
О женщинах — возвышенно и чисто.
Воспоминаний сомкнуты ряды,
Они стоят, готовые к атаке,
И вот уж Патриаршие пруды
Идут ко мне в осеннем полумраке.
О, собеседник подневольный мой,
Я, как и ты, сегодня подневолен.
Ты не попад кивай мне головой,
И я растроган буду и доволен.

Стихи эти прекрасны, они не «киношные», хотя их иногда удачно используют в кинофильмах, как, к примеру, это сделал Николай Губенко в своем замечательном фильме «Подранки».

Однажды Гена написал:

Я никогда не ездил на слоне,
Терпел в любви большие неудачи.
Страна не пожалеет обо мне,
Но обо мне товарищи заплачут.

Это была и есть ошибка Геннадия Шпаликова. Утрату его оплакали друзья. Но отсутствие его в искусстве остро чувствуется до сих пор, и жалеют, жалеют, жалеют об этом многие люди: режиссеры, операторы, актеры, поэты, зрители — страна.

Так чисты и свежи московские ночные улицы, когда начинается рассвет, и, окунаясь в нашу юность, я иду бродить по городу, явственно чувствуя, что где-то в соседнем переулке идет Гена Шпаликов и напевает: «А я иду-шагаю по Москве...»

Петр ВЕГИН

Владимир ЛУКЪЯЕВ

«ЧЕРНЫЙ ЯЩИК» ДЛЯ СУДЕЙ

— Да, деньги брал,— сразу же признался Гагаринский.— Но сам я с этого ни копейки не имел. Все отдавал судьям и лучшим игрокам команды.

— Как — судьям? — переспросил его Аркадий Георгиевич Бакланов, начальник ОБХСС города Череповца.

Так примерно в один из последних дней прошедшего декабря началось расследование шумного дела о финансовых злоупотреблениях и махинациях в футбольной команде мастеров «Строитель», выступавшей во второй лиге за город Череповец.

О том, что судьям давались взятки, до признания Г. В. Гагаринского работникам ОБХСС известно не было. Но было известно другое. В частности, что этот начальник команды организовал троим своим молодым игрокам прохождение срочной службы в расквартированных в городе стройбатальонах. Фиктивное, разумеется, хотя зарплату они получали вполне реальную. А еще они числились инструкторами в спорткомбинате «Строитель». Здесь им тоже платили, но эти деньги они отдавали начальнику команды.

— Гагаринскому — в «черный ящик», — сказали на допросе молодые футболисты.

В 1979 году в Череповце решили создать команду мастеров. Горком партии назначил шефа — Всесоюзное объединение «Череповецметаллургхимстрой». Но где взять тренеров и футболистов для команды мастеров?

— Выкручивайтесь, — сказали в горкоме. — От вас зависит футбольная честь города.

И руководители объединения стали «выкручиваться». Игроков пригласили из других команд, а тренеров назначило управление футбола спорткомитета РСФСР. Был арендован и стадион, и во второй лиге появилась команда «Строитель». В январе 1983 года ее возглавил новый старший тренер В. Б. Михайловский. Человек опытный, сам был футболистом, да и стаж работы тренером около тридцати лет...

— Надо ориентироваться на то, чтобы уже в этом году наша команда заняла в лиге пятое-шестое место, — напутствовали Михайловского в горкоме и объединенном профкоме В/О ЧМХС. — Что же касается вашей зарплаты, то мы ее доведем до 350—390 рублей. Ну, и ребят тоже не обидим...

Зарплата футболистов и тренеров — и по сей день нигде не афишируется. Так вот, в то время, когда происходили эти события, ставки старшего тренера и начальника команды официально были равны двумстам рублям. А футболистам, в зависимости от мастерства и вклада в игру, была положена зарплата от 130 до 160 рублей — они зачислялись инструкторами по спорту. Но кто из футболистов и тренеров, постоянно проживающих в местах, расположенных намного южнее Череповца, поедет за такие деньги играть на Север? И ставки увеличивались. Все игро-

ки и тренеры команды заодно с администратором и директором спорткомбината стали «по совместительству» рабочими и строителями в различных организациях В/О ЧМХС. С ведома и согласия соответствующих руководителей, разумеется. Новому «работнику» надо было приходиться только в дни получения, расписываться в ведомости и получать деньги. При расследовании дела организаторы этого «совместительства» отговаривались тем, что подобное творится во всех командах. А может, и не отговорки это вовсе?

— Ну, а из каких источников складывался фонд команды? Откуда же взялся «черный ящик»? — спрашивал следователь у Гагаринского.

— Часть фонда — это зарплата наших солдат, которую они получали в спорткомбинате. Но это только маленькая часть. Неиспользованные командировочные — это, например, когда команда приезжает домой утром, а деньги нам выделили на весь день. Их мы тоже в «ящик». Ну, и премии, конечно. Обычно всем выписывалось по 40 рублей, но мы выдавали их по своему усмотрению. Лучшим игрокам больше, плохим — вообще ничего, остаток — в «ящик». Вот так и набегала копейка. Все эти деньги шли на взятки судьям.

— И все судьи брали?

— Нет, не все, но очень многие. Это давняя практика, не нами придуманная, взятки давались еще до моего прихода в команду. А как же иначе? Иначе нас задашат! Не верите? Спросите у игроков.

Да, убежденно (!) говорили футболисты, судью можно и даже нужно подкупить. Если это не сделаешь ты, то это быстро провернет соперник. И поди потом докажи, в самом ли деле было (или не было) положение «вне игры». Или нарушения в штрафной, а потом пенальти. И вообще возможны варианты...

Милицейские следователи азартно взялись за дело, но кое-кто из влиятельных в городе людей был явно не заинтересован в дальнейшей огласке. И поначалу дело стали «отфутболивать» от одного следователя к другому, а вскоре оно и вообще затихло... И тут один из следователей, минуя промежуточные инстанции, написал обо всем этом безобразии в Москву.

После вмешательства Москвы дело передали в прокуратуру, и им занялся заместитель прокурора Первомайского района города Юрий Владимирович Зубрилов.

— Работать иногда приходилось почти круглые сутки, — вспоминает Юрий Владимирович. — Интересное было дело... Ведь футбольный арбитр — это на первый взгляд общественная, добровольная должность. И значит, ни о какой взятке здесь и речи быть не может. Но я чувствовал, что это не так. И нашел. Вот, посмотрите.

И он протянул мне «Правила игры в футбол», утвержденные Госкомспортом СССР 2 февраля 1975 года.

— Согласно этим правилам, — продолжал Зубрилов, — судья на поле наделен в отношении всех игроков на время матча властными полномочиями, т. е. временно исполняет функции должностного лица государственной организации — Управления футбола спорткомитета. И поэтому, если он берет деньги, то это называется взяткой и карается статьей в нашем случае 173 УК РСФСР.

— Ну, а судьи на линии?..

— Судьи на линии властными полномочиями не обладают, об этом тоже сказано в «Правилах». Они являются лишь помощниками судьи на поле. Самостоятельных решений не принимают. Следовательно, судья на линии должностным лицом не является и, соответственно не является субъектом преступления, предусмотренного статьей 173 УК РСФСР.

Я продолжаю знакомиться с делом «Строителя». В одной из папок находится вещественное доказательство — рабочая тетрадь начальника команды Г. В. Гагаринского.

— Вот, ознакомьтесь с бухгалтерией взяток, — предлагает Юрий Владимирович и открывает тетрадь.

Длинные столбцы. В них сокращенные названия команд, даты и суммы. Суммы разнообразные, от 50 до 400 рублей. Все выписано очень аккуратно. Здесь же фамилии арбитров, получивших за «честное» судейство взятки. Слово «честное» взято в кавычки не случайно. Дело в том, что и Гагаринский, и Михайловский, и игроки команды так и говорили во время следствия — деньги даются за «честное» (!) судейство. «В 1984 году, — читаю я в протоколе одного из допросов уже бывшего начальника команды, — я заплатил за 16, а в 1985-м — за 12 игр. Все эти игры закончились нашей победой».

Отмечу, что одна из этих побед действительно «догого» обошлась «Строителю». Во время матча с рязанским «Спартаком» старший тренер рязанцев на глазах у всех набросился на старшего тренера «Строителя» с кулаками... Драться, конечно, нехорошо. Ну, а что делать, когда все судьи играют в «одни ворота»? Тренер рязанцев решил эту задачу по-свойски, за что и был, естественно, освобожден от должности. Но судивший тот матч В. Е. Любимков, как и договорились, получил после игры от Гагаринского 200 рублей. И судьи на линии тоже были отмечены за «честность»...

В Череповце был суд. Пятеро арбитров наказаны по статье 173 УК РСФСР. Понес наказание и старший тренер «Строителя». Да и самой команды «Строитель» уже больше нет. Приказом Госкомспорта РСФСР она расформирована.

Я встретился с Гагаринским. Его дело прекращено. Если взяткодатель добровольно сообщает о содеянном, он законом не преследуется. Свою вину он осознал. Говорил мне, что давно уже потерял спокойствие — понимал, что все эти взятки добром не кончатся. Но боялся лишиться места — его бы сразу убрали из команды, выступи он против этой преступной практики...

В Череповце я лишний раз убедился, что процесс нашего нравственного очищения только лишь начался и длиться, увы, он будет не год и не два... Тот самый милицкий следователь, который сообщил в Москву, что дело «Строителя» спускают на тормозах, уклонился от встречи со мной. Не захотел, как я понимаю, лишний раз привлекать к себе и к своему бескомпромиссному поступку внимание. Мне-то что, я уеду в Москву и все напишу, а ему по-прежнему жить и работать в Череповце...

— А были судьи, которые не брали? — спросил я Гагаринского.

— Слава богу, были. Я как-то вот подкатил к одному судье, тихо, без свидетелей, а он меня так отшил, что у меня хорошее настроение целый месяц держалось.

— Назовите его?

— Пожалуйста! Комионко Юрий Григорьевич.

— Он проходил у нас по делу как подозреваемый, — сказал мне Зубрилов, когда я назвал ему эту фамилию. Михайловский, старший тренер «Строителя», показал, что он как-то после одной из игр, в которой, по его мнению, судейство было «непредвзятым», решил по-своему отблагодарить главного арбитра встречи Комионко. Михайловский вошел в судейскую комнату, когда в ней никого не было, увидел висевший на спинке стула пиджак, сунул в него 100 рублей и вышел. Арбитру он ничего не сказал, да и тот ему потом ничего не сказал... Но это был пиджак не Юрия Григорьевича, как выяснилось при расследовании.

Комионко — многоопытный судья республиканской категории. Живет и работает в Москве. Встретившись с ним, я спросил:

— Трудно судить?

— Когда в игре даешь слабину — да. Нарушения сразу же начинают расти, как снежный ком. Ну, это в игре. Труднее «около» игры. Тут тебе и давление чиновников, и мат от тренеров выслушиваешь...

— А как взятки предлагают, Юрий Григорьевич?

— Нагло! Был у меня случай в Рязани. Привязался администратор тамошней команды, возьми, гово-

рит, сто рублей и помоги нам выиграть. Я отвечаю, может, вы мне деньги и при всех арбитрах предложите? Что вы думаете? Вошел вслед за мной в судейскую комнату и стал цинично совать нам деньги. Насилу выгнали.

Второй раз, отмечу, речь зашла о рязанском «Спартак». Так вот, сейчас в Рязани идет следствие — во второй лиге предстоит еще одно дело, подобное череповецкому.

Футбольное хозяйство второй лиги требует, надо полагать, основательной перестройки. Проблем здесь накопилось — и нравственных, и юридических, и организационных — уж никак не меньше, чем у футбольных мастеров и высшей лиги, и первой. Но это другой разговор — отдельный.

А в череповецком деле меня больше всего поразило взяточничество судей. И хвала череповецким юристам — то, что в былые годы стыдливо именовалось получением подарка (щедрые подарки судьям, как известно, помогли в свое время ворошиловградской «Заре» выиграть чемпионат страны!), они квалифицировали как уголовное преступление. Сегодняшний уровень нравственности и правосознания!

Футбольный судья прежде всего должен быть человеком безукоризненно честным, порядочным. Чтобы получить начальную — третью — судейскую категорию, надо стажироваться год в коллегии судей своего города и затем сдать экзамен — спортивные нормативы и знание футбольных правил. А на мой взгляд, этот экзамен надо непременно дополнить открытым, публичным обсуждением в том трудовом коллективе, где работает кандидат в футбольные судьи, его человеческих качеств — справедлив ли и бескорыстен он? И, быть может, этот «экзамен на порядочность» следует повторять, прежде чем присуждать судье и республиканскую, и всесоюзную категории?

Эти соображения я высказал Николаю Гавриловичу Латышеву и встретил полное понимание. Самый авторитетный наш футбольный арбитр — судил финальный матч чемпионата мира! — Латышев продолжает участвовать в футбольной жизни страны, и оценки, и суждения его всегда бескомпромиссны. В свое время, между прочим, он однажды удалил с поля Льва Яшина, и тот признал его судейскую правоту.

— До войны, — рассказывает Николай Гаврилович, — за судейство в чемпионате страны я получал 10 рублей. После войны — 17 рублей 50 копеек. Потом за матч стали платить 50 рублей, но я этих денег уже не застал. Это — солидное поощрение. А в первой лиге сейчас платят 30 рублей, во второй — 10...

— Вас когда-нибудь пытались «отблагодарить»?

— Сколько ни судил, мне никто подарки не предлагал! Как поставишь себя... А списки судей, которым присуждается республиканская категория, действительно надо сегодня публиковать для обсуждения. Гласности в нашем деле еще маловато...

Латышев рассказал, как несколько лет назад он оставил пост председателя Всесоюзной коллегии судей после того, как в конце сезона из двадцати судей, назначенных президиумом коллегии на заключительные игры чемпионата страны, тринадцать управление футбола заменило... И сегодня, по словам Латышева, судьи по-прежнему находятся в зависимости и от управления футбола Спорткомитета, и от федерации футбола, в которую входят представители спортивных обществ, т. е. люди заинтересованные...

— В Италии, например, — размышляет Николай Гаврилович, — коллегия судей полностью независима — свой профессиональный союз. А может, создать у нас Союз спортивных судей — всех, а не только футбольных. Это давняя моя идея — еще послевоенных лет. Но мне сказали тогда, что с таким делом надо с ходатайством в правительство входить — просить средства... Но сегодня такое время, что вот и дизайнеры уже свой союз создали. А судьи разве не могут объединиться? На добровольных началах. А средства изыщем. Начнем с членских взносов...

Стоящая идея, не правда ли?

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ

ПТИЧИЙ ПОЛЕТ

(Из спектакля)

Дефицит Личности? Да, существует и еще как ощутим сегодня и такой дефицит. Хотели бы мы, например, постоянно встречаться с Михаилом Жванецким, Романом Карцевым и Виктором Ильченко? Надо ли спрашивать... Так вот, Карцев и Ильченко создают в Москве свой театр — Театр миниатюр. А играть они будут прежде всего Михаила Жванецкого. Первый спектакль (в постановке Марка Розовского) они покажут уже в нынешнем сентябре. Он называется «Птичий полет». С некоторыми наблюдениями автора — как всегда, беспощадно меткими, — которые на сей раз открылись ему с высоты птичьего полета (а почему бы и не взлететь?), мы и предлагаем, читатель, тебе познакомиться.

Да, эти делают карьеру. У них есть главное: они умеют с нами разговаривать. Мы с ними — нет. Они видят нас насквозь, а мы в них ошибаемся.

Нас легко обмануть, мы верим словам, а они — предметам. Мы с радостью наблюдаем силу и сплоченность бездарных, разобщенность и инфантильность мудрых.

В этой суете энергичный подымается на поверхность и долго там плавает, пока не попадет под еще более энергичного. А предыдущий опускается к нам и отдыхает.

Здесь отдыхает основной состав. Информация — через песни. Книга утомляет. Надо двигать глазами и перелистывать. И в это время нельзя есть, пить и разговаривать. А песню можно слушать хором, маршировать и входить в ворота строем.

А эти — актеры, писатели. Мы их держим для живости, для того, чтоб зрителям казалось, что в обществе все есть. Артисты заучивают то, что пишут писатели. А главная задача писателя — быть искренним. Многие ужасно натренировались. Вдохновением и яростью горят глаза сквозь вакуум, в котором он творит. А чаще самозабвенно поет туда, наверх, на луну, или ждет, пока жизнь превратится в воспоминание, чтоб вдруг резануть правду через 55 лет, когда первая честность пробивается в соломенных кудрях.

Или драматурги в своих химических лабораториях подливают, взбалтывают и смотрят на свет чертежи сюжетов, краски характеров, пузырьки эмоций. И поэты, вздрагивающие и вскрикивающие для зрителей.

Еще учителя там, в углу. Люди тяжелые, ущербные, легко

строчащие телегу наверх. Они тоже должны быть искренними на каждом уроке. А это трудно, так как программа утверждена министерством. И дети, которые дома слышат одно, на улице другое, а в школе третье — никому не верят, не смотрят в глаза и заняты какими-то пустяками, отчего быстрее взрослеют и подхватывают общий тон для зрителя.

Ну, оптимисты-юмористы вызывают смех пением и чистым взглядом. Дескать, мы очень полезны. Пожалуйста, пожалуйста, разрешите к столу, пока не расхватали. Целуем крупных, пугаем мелких. И к столу. Ой! Цыпсы, обаяшка. Трудно, небось, быть обаятельным все 24 часа в сутки. А сверкать юмором в запаснике комисионного за сапоги, за ужин, за позавтракать, за попить кофе... Ястребок маломерный, крохотный ТУ-154 с клювом. То не кровь на клюве, то варенье. Для зрителя.

Есть еще Одесса. Уже больше воображаемая, уже больше придуманная. Уже город, а не явление. Многие годы идет борьба за уравнивание этого города с другими. Многие годы разрушаются три столпа, на которых стояла Одесса, — искусство, медицина и флот. Вот все и в порядке. Нет личностей в искусстве, в медицине и на флоте. Ничто сразу не беспокоит, можно спать спокойно. Чей был приказ сровнять этот город со всей землей, мы не знаем, но он выполнен. Теперь мы ищем своеобразие в промышленности, теперь мы ловим словечко на улице. А у кого оно родится? Как может жить искусство без личности? Как могут лечить безликие татуированные врачи? Как могут командовать судами бесцветные, запутанные капитаны? Могут, командуют, лечат, привозят и продают. А

независимые, несломленные сбежали на Север. Посмотрим, чем закончится процесс, который уже закончился.

А жители ходят. А жители ищут продовольственные и промышленные товары. А жители проклинают приезжих, будучи приезжими, проклинают людей другой национальности, будучи сами какой-то национальности. Мгновенно собираются в одной точке, если им кажется, что там что-то дают, и мгновенно разбегаются, если точка пустая. Присутствие солнца и моря в их высказываниях имеется, но значительно, неизмеримо меньше, чем раньше, и встретиться с ними не в рассказах, а в столовке все тяжелей и обидней, и это даже с учетом достижений государственного питания. Прощай, Одесса!

Свобода — недоумевает население. Не свобода, а демократия — поправляют его.

— А разница есть?

— Как-нибудь объясним!

Но только чтоб объяснили наверху. Не надо внизу, там грубые люди. Они осипли, и народ их раздражает.

Свобода, ребята!

Молодежь метнулась влево, вправо, кого-то побились...

— А может, все-таки их сверху баденкнут?

— А может, вас, — ответила молодежь.

Это обескураживает, что же это за свобода — не только ты кого-то, но и кто-то тебя. Или все-таки погоним все одного, как привыкли.

Свобода, ребята, всюду могут дать по роже.

Осторожнее, физически крепкие приободрились, слабые потребовали юридических гарантий.

Ой, девчонки, что же оказалось?

Оказалось, что некоторые за деньги?

Ой, девчонки, и оказалось, за большие деньги, и это еще до выхода всех указов об индивидуальной трудовой деятельности.

Свобода!

Бабки не могут понять, то ли аварий стало больше, то ли о них не сообщали.

Инженерное население, которому повысили престиж, но не повысили зарплату, коряво усмежается: опять без нас будете?

Ой, свобода!

Ой, весна!

Пришла... Она... Кажись, пришла, кажись, пришла... Кажись... Она... Кажись... Кажется... Вроде бы... Сдается... Невжеж... Кажется... Кажется... Кажется... Пришла!

ВСЕ ИГРЫ НЕЛЕПКИ

На белом свете существовали, существуют и всегда будут существовать люди с разнообразными талантами. Вот, например, один из таких — Виктор Широков. Он окончил два института — медицинский и литературный. В литературе у него два увлечения — поэзия и проза, которые он пытается совместить, работая в оригинальном жанре стихопрозы. Научное определение этого понятия в энциклопедических словарях отсутствует. Затруднились сформулировать его и мы. Однако, думается, читатели поймут, что такое стихопроза, познакомившись с произведениями писателя-медика.

Рисунок И. Оффенгендена

Как дают имена

Искал писатель новый тип, нашел, нарек его — Антип. Потом создал ему подругу, и снова мысль пошла по кругу — как окрестить ее? Ан нет, она не назвалась Аннет... Поскольку надо жить с Антипом, наречена она Ксантипой.

Мол

Южный город. Запах нефти всюду словно запах моря. Ночевать мне нынче негде, я пойду по кромке мола. То ли свара, то ли ссора... Отчего природа злится? Волн заливиная свора так и норовит вцепиться. Я уже бегу по молу, умоляя Посейдона стукнуть посохом по морде псину главную — Тритона. Солнце — словно детонатор. Солнце — словно на иголках. Выпью сладкий сок граната и пушу по волнам корки... Волны, сразу смилостивясь, будут мне лизать подшвы, мол, спасибо за гостинец, поживи у нас подольше. Посмотри на лунный неф ты, руки в звездной пене моя. Чтобы всюду запах нефти принимать за запах моря.

Ход

Мне кое-кто твердит, что был я просто пешкой в игре чужих страстей, друг с другом сведших счет, и получил удар, и надобно не мешкать, и половчей сыграть, когда придет черед... О, шахматная жизнь! Пустых немало клеток, но вовсе не проста стратегия — увы! И нанося удар, тогда ты будешь меток, когда чужой король лишится головы. А коль не по нутру лихие нападения, то шашки, брат, бери и дуйся в поддавки, хотя и здесь не раз проверится умение соотносить ходы... Все игры нелепки. Нелепейшая мысль — надеяться на случай, в теории сильны недаром мастера. Не можешь сам творить — читай учебник лучше, авось чужим умом наладится игра. Не сетуй на удар и на несправедливость, ведь сам решал судьбу и сам спешил в ферзи. Кто выигрыша ждет, тот выбросил стыдливость. Ну что ж, обдумай ход. Давай держай, дерзи.

Трава и камни

Трава и камни, камни и трава. Мы замечаем в жизни их нечасто. И то, что чудо — вечные слова, в быту едва ли составляет счастье. Мы отмечаем то, что помодней. Нас привлекают джинсы и котурны. Ведь в суматохе движущихся дней внимание к мелочам карикатурно. Трава растет, не требуя награды за то, что штопает земли изъязны. А камни жмут и давят, их парад лишь растревляет пролежни и раны. Противоборству молодой травы и валунов замшелых нет исхода, пока камней не уберете вы с души, поляны или огорода.

Эстонский офорт

Когда однажды ротозей заглянет в таллинский музей, то обнаружит там офорт, построенный словно

кроссворд. Давай, мол, зритель, не зевай, а клетки мозга заполняй не чертовщиной, не божбой, а черно-белой ворожкой. Потом в углу под светом лампы вдруг разглядит еще эстамп, за ним отыщется другой, сулящий сердцу непокой. Художник Вийральт Эдуард изобразил здесь суший ад. Доселе, может, только Босх сумел взорвать видением мозг и показать, что может ждать все общество — и чернь, и знать. Как из разрушенных бойниц, зияет из различных лиц сто тысяч глаз, разбитых линз, так множит гиперреализм, так кием ткнуть бывает рад людской хрусталик, в бильярд играя, демон или черт среди алхимии реторт... Сегодня, маясь по жару, я вновь взгляделся в «Кабаре» (есть и такой еще офорт среди вийральтовских работ). Художник, как бессонный Вий, резец схвативши, будто кий, нанес по похоти удар, изобразив страстей пожар; там продолженьем буйных чресл казался дьявольский оркестр, там снизошел на всех угар, неважно молод или стар, и до изнеможенья жил всех пылкий танец закружил. Среди беснующихся пар запечатлел высокий дар не только бедных алкашей, но, проникая в суть вещей, как наказанье за вину сулил жестокую войну. Шел только 31-й год. А сколько будущих невзгод здесь напроорочил всем Вийральт! Офорт, как в трещинах асфальта, сулил безжалостную смерть всем тем, кто хочет пить и петь. С улыбкой, словно истукан, стояла женщина-фонтан, и струи адского питья дарили счастье забвения. И тут же рядом под зонтом, не обращая на фантом вниманья, парочка детей вкушали радость без затей. И множась вдалеке, как зло, паучье дерево росло; не сучья, колкие как шприц, а маски человеческих лиц охотно изрыгали сок, чтоб пьющий вырваться не смог. Художник здесь изобразил всех тех, кто грезил, а не жил, кто вместо песен пук реприз принес на дьявольский стриптиз и душу живую обокорнал, как шевелюру в карнавал... Но как преодолеть контраст? Как говорится, бог подает, и каждый может только сам отвергнуть всегда к небесам, ведь даже у глухих невежд в душе есть место для надежд, иначе для чего офорт дарить апофеозу мorda, иначе должен сдать в ломбард лом вечных перьев каждый бард, когда б не вера в светлый час в душе у каждого из нас, и свет со тьмой соединив, оставил нам гравюру-миф, где дышит раем каждый ярд, художник Вийральт Эдуард.

Эпиграмма

Не та беда, что ты поэт банальный, что рифмуешь плохо, что путаешь порой сонет с канцоной, не сыскав подвоха; что ты критический совет, какие песни ждет эпоха, охотно превратишь в декрет, треща с усердьем скомороха; что ты бездельник и пройдоха. Беда — такими полон свет!

Зачем?

Рукописи не горят. Не подвластно тленью слово. Так недаром говорят, убеждаюсь в этом снова. И таким порядкам рад, только вот одно досадно — рукописи не горят, но зачем их жгут нещадно?

Аркадий
ИНИН

ОН

Фельетон

Памятник на могиле еще не был открыт, и огромный кусок белой материи полностью укутывал его, как некогда поработенную женщину Востока.

Люди, скорбно склонив головы, стояли вокруг — молодые и старые, женщины и мужчины, ответственные работники и рядовые служащие.

Председательствующий открыл траурный митинг без всяких шпаргалок:

— Дорогие товарищи! Друзья! Сегодня мы провожаем в последний путь человека, который всем нам был близок и дорог, хотя и мало знаком. Скажем больше — мы просто ничего не знали о нем, однако ОН знал о нас все! Вот, например, когда к вам, товарищ Игнатьев...

Товарищ Игнатьев тяжело вздохнул.

— ...пришла большая любовь к гражданке Пяткиной...

Пяткина всхлипнула.

— ...то кто первый узнал об этой любви? Вы, товарищ Игнатьев? Или, может быть, вы, гражданка Пяткина? Нет, нет и еще раз нет! Первым об этой любви узнал ОН! А уж благодаря ему узнали и все остальные. Это ли не пример того, что личная жизнь каждого из нас касалась лично ЕГО! Да и общественная — тоже. Вспомните, например, товарищ Скворцов...

Скворцов вспомнил и вздрогнул.

— ...как вы собирались выступить с критикой своего начальника товарища Николайчука.

Начальник Николайчук с трудом сдержал рыдание.

— И кто же первым узнал об этом вашем решении? Может, товарищ Николайчук? Или, может быть, вы, товарищ Скворцов, первым узнали о своем решении выступить с критикой начальника? Нет! Первым и об этом, как всегда, узнал ОН! А уже благодаря ему все остальные.

Председательствующий перевел дух и окинул взглядом общую траурную картину.

Все уже упомянутые и еще не упомянутые товарищи отчаянно боролись: женщины — с женской истерикой, мужчины — со скупой мужской слезой.

Председатель понял, что пора заканчивать.

— Нам было особенно дорого в этом человеке то, что ОН никогда не скрывал своих знаний обо всех нас. Да, друзья, это было нам очень дорого, я бы даже сказал, это обходилось нам слишком дорого! Все, что ОН знал, а часто и все, чего не знал, ОН немедленно сообщал частным лицам и целым организациям, которых это очень интересовало или не интересовало абсолютно. И пусть ОН мало или совсем не знал нас, но ОН мог говорить и писать о нас часами, месяцами, годами, вспоминая все новые и новые подробности. А самое трогательное то, что никто из нас не знал ЕГО в лицо, ОН никогда не называл свою фамилию, нигде не ставил свою подпись... Какая потрясающая скромность! Апофеоз апокалипсиса достиг апогея.

Председательствующий быстро округлился:

— И вот сегодня ОН наконец уходит от нас навеки. Вечная ему память и огромное наше за это спасибо! Ура!

Все, что произошло вслед за этим, описать невозможно. Это надо видеть. Или хотя бы слышать. Слезы обрушились водопадом. Но это уже были слезы радости. Все собравшиеся обнимались, поздравляли друг друга...

Под звуки веселого похоронного марша председательствующий сдержал покрывало с монумента.

И собравшиеся сквозь пелену радостных слез увидели гранитный бюст. В одной руке — чистый лист бумаги, в другой — скромная шариковая ручка за 35 копеек. Лица у монумента не было — просто гладкая стесанная равнина. В табличке под монументом тоже было пусто — ни имени, ни отчества, ни фамилии.

Перекрывая общий шум, председательствующий закричал:

— Видите, друзья! ОН жил анонимником и анонимно умер. ОН умер, и мы твердо верим, что его дело умрет вместе с ним!

И снова все ликовали. Обнимались. Целовались. Кричали женщины «Ура!» и что-то бросали в воздух. Лимонад лился рекой, сосед поил соседа...

Но был там среди взрослых один небольшой мальчик. Вполне возможно, дальний родственник андерсеновского карапуза. Ну того, который заметил, что король не того... Не в костюме. Так вот, этот самый мальчик подошел к памятнику поближе, взгляделся в пустое место вместо лица, потрогал незаполненную табличку без имени-фамилии, протер свои круглые очки и обратился ко всем присутствующим с вопросом задумчивым, но громким:

— Скажите, а вы уверены, что под этим камнем лежит именно ОН?

В номере:

Проза

Фазиль ИСКАНДЕР. Кролики и удавы. Философская сказка (21).
Владимир КУРНОСЕНКО. Круг. Рассказ (67).

Поэзия

Белла АХМАДУЛИНА (19), Татьяна РЕБРОВА (63), Александр КУШНЕР (63), Нино КУТАТЕЛАДЗЕ (64), Леонид ЗАВАЛЬНЮК (65), Александр ЮДАХИН (78), Юрий МИХАЙЛИК (78), Юрий ЧЕХОНАДСКИЙ.

Наследие

Анна АХМАТОВА. Листки из дневника (72).
Осип МАНДЕЛЬШТАМ. Из неопубликованной книги «Новые стихи» (75). Возвращение (76).

Наша публикация

Геннадий ШПАЛИКОВ. Известные строки (91).

Публицистика

Винтор ЧЕРКАСОВ. Почему я вступаю в партию (3).
20-я комната. Заседание восьмое (4).
«Если честно, то...» Почта 20-й комнаты (9).
Ровесники. Фоторепортаж, Николай ЧЕРКАШИН. Последний рейс (87).

Культура и искусство

Юрий ИЛЬЕНКО. Плата за компромисс (80).
Эммонс ЯНСОНАС. К портрету Нерошюса (83).

«Юность» — СПТУ

В человеке все должно быть прекрасным... (17).

Спорт

Владимир ЛУКЬЯЕВ. «Черный ящик» для судей (93).

Зеленый портфель

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ. Птичий полет (95).
Винтор ШИРОКОВ. Все игры нелегальны (95).
Аркадий ИНИН. Он. Фельетон (96).

Оформление обложки Г. Гамазина. Главный художник О. Кокин. Художник Ю. Цишевский. Технический редактор О. Трепенюк.

© Издательство «Правда». «Юность», 1987.

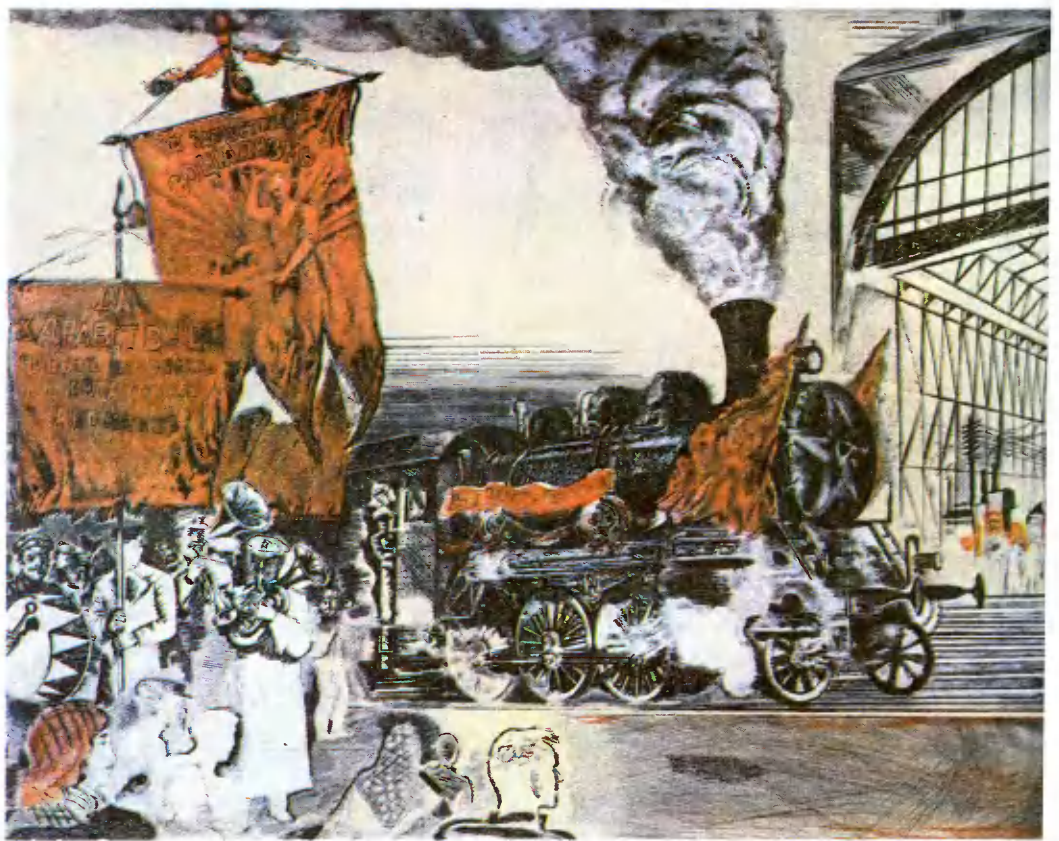
Адрес редакции: 101524, ГСП, Москва, К-6, улица Горького, д. 32/1.

Т е л е ф о н ы:
Главная редакция — 251-31-22.
Отделы: прозы — 251-59-44.
поэзии — 251-44-35
критики — 251-96-76
публицистики — 251-02-30
науки и техники — 251-27-57
рукописей — 251-74-60
писем — 251-14-21
культуры — 251-48-65
оформления — 251-73-83
сатиры и юмора — 251-05-06

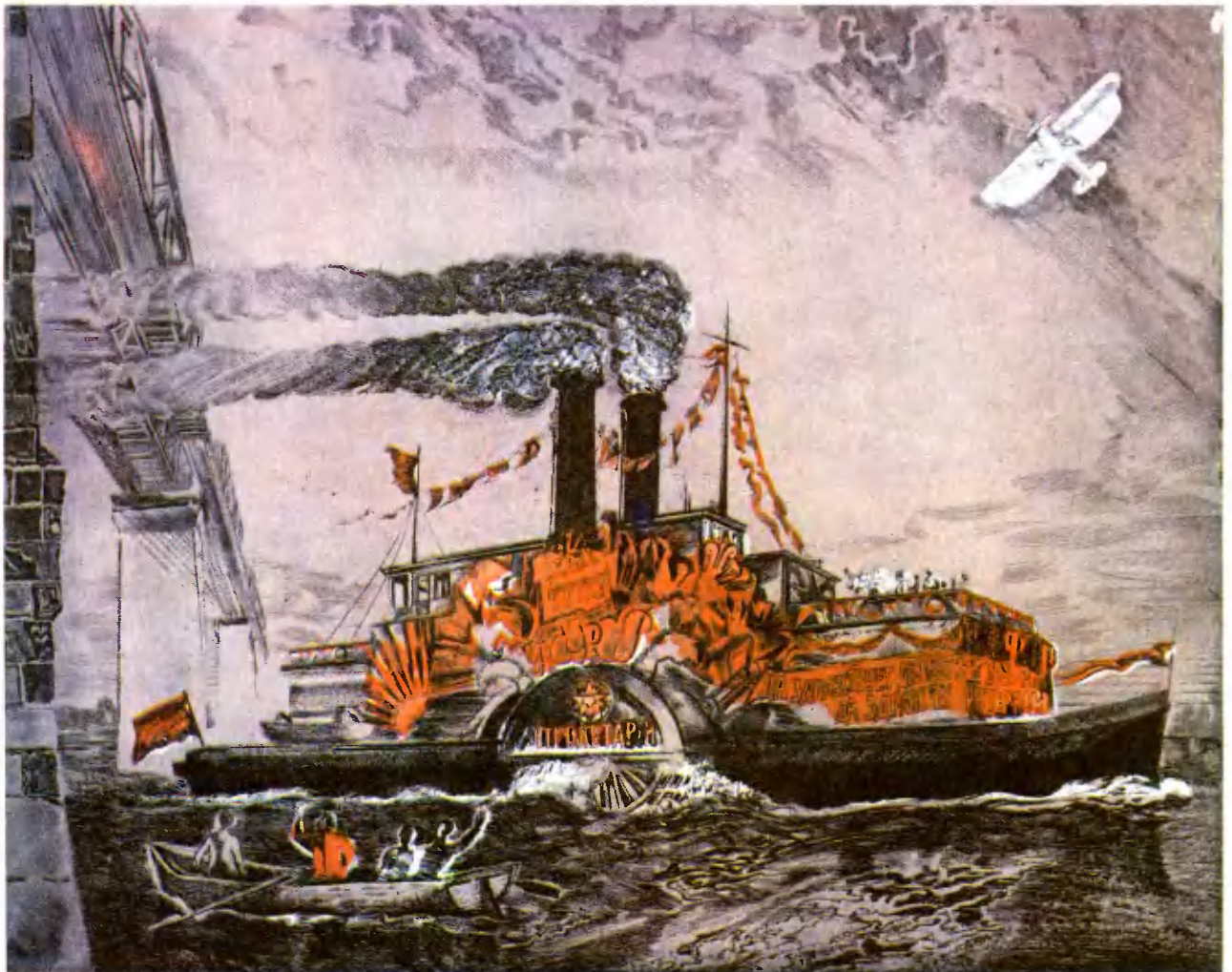
Сдано в набор 09.07.87.
Подп. к печ. 06.08.87. А 08999.
Формат 84×60%. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 11,63. Уч.-изд. л. 17,75.
Усл. кр.-отт. 16,74. Тираж 3 100 000 экз.
Изд. № 2380. Заказ № 983.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда» 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

70

Е. МАЦИЕВСКИЙ
Москва.
Из серии
«Первые праздники
революции».

Юность, 1987, № 9, 1—96.
Индекс 71120.
Цена 70 коп.

1812

